

**МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКО- ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

Хасанова Насиба Хандуллоевна

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОЛОДЕЖНОГО
СЛЕНГА В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ (В АНГЛИЙСКОМ,
ТАДЖИКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ)**

**Специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика**

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

Джамshedов Парвонахон,
д.ф.н., профессор

Душанбе – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СЛЕНГОВОЙ ЛЕКСИКИ	
1.1. Понятие сленга, его специфика и функции.....	15
1.2. Виды сленга.....	29
1.3. Сленг и современная молодежь	42
1.4. Социальная основа лексики молодежного сленга.....	48
1.4.1. Среда пользователей интернета	54
1.4.2. Средства массовой информации	65
1.4.3. Среда и культура хип-хопа.....	68
1.4.4. Общение как процесс обмена сленговой лексикой	73
Выводы по первой главе.....	76
ГЛАВА II. СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ СЛЕНГА В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ	
2.1. Основные источники номинации в молодежном сленге.	79
2.2. Морфологический анализ лексики сленга в английском, таджикском и русском языках.....	85
2.3. Лексико-семантический анализ сленга в сопоставляемых языках.....	101
2.4. Сленговая лексика таджикоязычной молодёжи: социальные и лингвистические аспекты	117
2.5. Анализ результатов опроса-анкетирования, проведенного для получения данных о практическом использовании сленга молодежью Таджикистана.....	127
Выводы по второй главе	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	146

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	155
Приложение 1	177
Приложение 2	180

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современная языковая ситуация демонстрирует ускоренные темпы изменений, особенно заметные в сфере разговорной речи. Одним из наиболее динамичных пластов национальных языков последних десятилетий является молодежный сленг. В условиях цифровизации, глобализации, миграции и межкультурных контактов именно сленговая лексика становится индикатором трансформаций в языковой и культурной системе общества. Она выполняет не только функцию стилистического ресурса, но и роль маркера идентичности поколения, отражая социальные и культурные установки молодёжи.

В англоязычной и русскоязычной традиции феномен молодежного сленга исследован достаточно подробно: анализируются его морфологические, семантические и прагматические особенности, выявляются источники заимствований, фиксируется процесс вхождения в литературную речь. В таджикской же лингвистике тема пока освещена фрагментарно: чаще изучаются диалектная речь или просторечие, тогда как молодежный сленг как самостоятельное явление остаётся мало разработанным.

Таджикский молодежный сленг интересен сочетанием разнонаправленных процессов. С одной стороны, наблюдается активное заимствование лексики из английского и русского языков, что связано с влиянием интернета, медиа и миграции. Эти элементы адаптируются к морфологическим нормам таджикского языка. С другой — формируются оригинальные сленговые выражения, опирающиеся на национально-культурные коды.

Эта двойственность — соединение глобального и локального — делает таджикский молодежный сленг наглядной моделью взаимодействия традиции и инновации. Его изучение позволяет выявить структурные и семантические особенности новых слов, проследить формирование молодежной идентичности и понять, каким образом сленг отражает мировоззрение

поколения, его стремление к самоутверждению, критику социальных норм и восприятие глобальных культурных трендов.

Актуальность исследования обусловлена и практическими аспектами. Молодежный сленг активно проникает в медийный дискурс, образовательную среду, художественную литературу, что делает необходимым его системное изучение. Для педагогов и филологов важно понимать, как молодые люди комбинируют литературные и сленговые элементы, адаптируют заимствования и создают новые речевые практики.

Настоящая работа посвящена комплексному структурно-семантическому анализу молодежного сленга в английском, русском и таджикском языках. Сравнительный подход позволяет выявить как общие тенденции формирования и функционирования сленговых выражений, так и национально-специфические черты каждого языка.

Следует добавить, что поскольку молодежный сленг в Таджикистане начал формироваться и развиваться хронологически гораздо позже, чем в Англии и России, и в ином культурно-историческом аспекте, актуальным представляется его выделение как особо значимого объекта анализа в отечественной лингвистике.

Степень изученности темы исследования. Зарубежная традиция исследования сленга имеет давнюю основу. Словарь А.М. Тейлора [Taylor, 1948], работы П. Берга [Berg, 1953] М. Рейфера [Reifer, 1955] и Р. Зандворта [Zandwort, 1958] отражали новые лексические процессы в английском языке с середины XX века. Одним из первых фундаментальных трудов в этой области стала работа Э. Партриджа *Slang Today and Yesterday* [Partridge, 1960], где рассмотрены основные источники пополнения сленговой лексики и показано влияние массовой культуры на этот процесс. Т. Маккрэй (*The language of the Streets*, 1994) проанализировал специфику молодежной уличной речи, а П. Трайдж (*Slang: The People's Poetry*, 2006) посчитал ее уникальной. Большой вклад в изучение сленга внесли словари

новых слов Барнхарта [Barnhart, 1973; 1980], приложения к словарю Вебстера [Webster, 1976; 1983; 1986], издания Н. Магера [Mager, 1982], Лемея [LeMay, 1985], Longman Guardian [1986] и Дж. Грина [Green, 1987]. Своего рода итогом проведенных изысканий стало трёхтомное издание Дж. Грина Green's Dictionary of Slang [Green, 2010]. Современные тенденции, включая роль интернета, проанализировал Д. Бурк [Burke, 2013].

Значительный интерес к проблемам неологии и сленга наблюдается и в России. Молодежный сленг рассматривается в самых разных аспектах: в культурно-историческом, лингвокультурологическом, лексикографическом, с точки зрения неологии и межкультурного и межъязыкового взаимодействия [Андреева 2004]; Арустамова 2018; Бегидова 2019; Береговская 1996; Дмитриева 2024, Елистратов 2012; Крысин 2004, Кудинова 2010, Кулакова 2019; Матюшенко 2007; Никитина 2012; Раренко 2017; Рубцова 2009; Сергеев 2001; Хамзина 2017 и др].

Важным вкладом в изучение процессов неологизации языка стала работа по лексикографической обработке и систематизации накопленного языкового материала, результатом чего стал выход в свет различных словарей новых слов и выражений сленга, других социальных диалектов [Горностаев; Грачев 2006; 2009; Елистратов 2005, 2006; Мокиенко, Никитина 2000; Никитина 2013, 2009, 2003; Кронгауз 2018; Стежляревская 1998, Юганова 1997 и др.].

И надо сказать, что исследования языка российской молодежи продолжают достаточно активно, что объясняется специалистами его необычайной изменчивостью, креативностью, воздействием на него социокультурных факторов:[Титаренко 2022; Дмитриева 2024; Чжан Вэй 2024; Гареева 2020,2021; Сережина 2024; Горячева 2023; Ершова 2023; Орлова, Богданова 2021; Цибилова, Галанкина 2021; Ведерников 2024; Петрова, Самарская 2020 и др.].

Отечественная лингвистика, в отличие от зарубежной, все еще не включилась в полной мере в научное освоение и осмысление социальных

подъязыков, в том числе сленговой лексики. Вместе с тем, новые условия функционирования таджикского языка, влияние на него тех новшеств, которые появились в нем, активизировали обращение ученых к изучению природы этих языковых явлений, их роли в общем процессе эволюции таджикского языка, характеру воздействия социальных факторов на язык, формам взаимодействия языка и социума и т.д. [Нозимов 2010; Назарзода 2004, 2022; Джураев 2015, 2003; Собиров 2021; Музофиршоев 2016; Хидиров 2009; Махадова 2019; Искандарова 2023; Шамбезода 2006, 2025; Нагзибекова 2008, 2010, 2023 и др.]. Инновации в словарном составе современного таджикского языка исследовали Г. Джураев [2015], М. Музофиршоев [2012], А.Ф. Нажмиддинов [2015], Ш. М. Раупова [2021] и др. Лингвисты, исследующие ведущие тенденции в неологизации языка, отмечают, в том числе, активизацию заимствований иноязычных слов, вхождение в состав литературного языка диалектизмов и различных жанров разговорной речи [Зохидов 1991; Раупова 2021; Джураев, Фатхуллоев 2023; Сайфутдинова, Ходжаева 2016; Собиров 2021 и др.].

Антропоцентрический подход в лингвистике вызвал интерес к проблемам языковой личности, к особенностям речевого поведения молодежи, ее отношению к нормам языка. Как известно, молодежь, объединяясь на основе специфических субкультурных ценностей, использует язык как способ самоутверждения, обособления или даже отчуждения. Философскому осмыслению феномена молодежных субкультур посвящена диссертационная работа М.С. Гуломовой [Гуломова 2019]. О важности изучения языковых и социокультурных характеристик определенных фокус-групп молодежи пишет профессор Д.М. Искандарова. Актуальным, по ее мнению, является определение особенностей использования языка в разных социальных ситуациях и влиянии социальных факторов на языковое поведение [Искандарова 2024:53].

Важный вклад в изучение тенденций развития современного таджикского языка внесли лексикографические труды М. Махмудова, Г. Джураева [1997; 2017], П. Джамшедова [2007], Г. Джураева, С. Фатхуллоева [2013], С. Назарзода, М. Султона, А. Сангинова, С. Каримова [2010] и др.

Как показал анализ существующей на сегодняшний день научной литературы, несмотря на то, что сленговый лексикон все больше используется молодыми носителями таджикского языка, он все еще не становился объектом специального комплексного изучения, в том числе в контрастивном аспекте. Фрагментарно молодежный сленг рассматривался в статьях, публиковавшихся в периодических изданиях и сборниках [Амонзода, Вольская 2023; Гафури 2020, 2024; Рахмонов 2023; Фазылова, Файзуллаев 2020; Сайфутдинова, Ходжаева 2016].

Отдельно следует отметить диссертационную работу З.С. Гафури (2022), посвященную вопросу возникновения и развития компьютерного сленга в таджикском и английском языках, специфическим особенностям его семантики и структуры. Сленговый компьютерный лексикон позиционируется автором как средство общения людей, связанных с компьютерными и информационными технологиями. Принимая во внимание тот факт, что в молодежном сленге активно используются антропонимы, интересный материал для последующих исследований могут дать работы по таджикской антропонимии [Баротзода 2022].

Таким образом, можно утверждать, что проблематика нашего исследования обусловлена, прежде всего, ее малоразработанностью. Сопоставительный подход, на наш взгляд, может привести к наиболее плодотворным результатам при изучении такого сложного языкового явления, каким является сленг.

Цель и задачи исследования. Цель исследования заключается в описании структурных и семантических характеристик молодежного сленга английского, таджикского и русского языков, что позволяет определить как

универсальные закономерности, так и национально-специфические особенности функционирования современной молодежной речи, показать своеобразие языковой номинации в сленговом лексиконе.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

- обосновать теоретические основы изучения молодежного сленга, выделив социальные, культурные и лингвистические факторы его развития;
- определить социальные функции молодежного сленга и его роль в формировании идентичности и внутригрупповой коммуникации.
- описать морфологические и словообразовательные модели молодежных сленгизмов и выявить продуктивные механизмы их адаптации;
- исследовать семантические трансформации и специфику употребления молодежного сленга, особенно в таджикской речи;
- разработать тематическую классификацию сленговой лексики с учетом ее национальной специфики;
- провести социолингвистическое исследование среди молодежи Таджикистана, определить частотность использования данного лексического пласта, функции и отношение носителей к сленговым выражениям;
- проанализировать процессы заимствования таджикским языком сленгизмов английского и русского языков, а также оригинальные номинации на основе национально-культурных кодов.

Объектом исследования является сленговая лексика речи современной молодежи с привлечением языковых данных разноструктурных языков (английского, таджикского и русского).

Предмет исследования – процесс сленгизации молодежной речи в сопоставительном аспекте. Особое внимание уделяется таджикской сленговой лексике как одному из наименее изученных языковых и социальных феноменов.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что:

1. Впервые проведён комплексный структурно-семантический анализ молодежного сленга на материале английского, таджикского и русского языков.

2. В научный оборот введен корпус примеров таджикских молодежных сленгизмов, собранных из устной речи и интернет-коммуникации. Впервые осуществлен отбор и анализ экспериментального материала, полученного в результате обращения к языковому сознанию информантов – носителей таджикского языка.

3. Определены и рассмотрены специфические параметры формирования и функционирования сленга в лингвокультурном пространстве носителей таджикского языка на фоне аналогичных процессов в англоязычной и русскоязычной среде.

4. Выявлены механизмы адаптации заимствований из английского и русского языков к таджикской языковой среде.

5. Описаны оригинальные модели сленгообразования, основанные на национально-культурных элементах.

6. Разработана тематическая классификация таджикских молодежных сленгизмов.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что она вносит вклад в изучение проблемы корреляции языка и культуры, в расширение подходов к исследованию социальных диалектов и их словообразовательных механизмов.

Сопоставление таджикского материала с русским и английским позволило уточнить процессы заимствования и адаптации сленговых слов и выражений, а также взаимодействия нормативной и ненормативной речи, показать роль социальных факторов и интернет – коммуникации в распространении сленга.

Практическая значимость работы заключается в том, что её результаты могут быть использованы при проведении исследований по

сопоставительной лексикологии, лингвокультурологии, социолингвистике и теории словообразования, а также могут послужить основой для создания двуязычных и многоязычных словарей сленговой лексики, включая таджикско- русско-английские, что будет способствовать более точному переводу и интерпретации данного лексического пласта.

Результаты исследования применимы в учебном процессе в дидактических целях, при разработке пособий по лексикологии и межкультурной коммуникации, а также могут быть полезны в работе по совершенствованию языковой политики, особенно при анализе влияния англицизмов и русизмов на таджикский язык. В условиях цифровизации выводы диссертации важны для изучения интернет-коммуникации и социальных сетей, а также могут использоваться в практике журналистов и специалистов в сфере медиа и информационных технологий.

Методология и методы исследования. Теоретическую основу диссертации составили труды отечественных и зарубежных лингвистов, таких как Ж. Вандриес [Vandryes, 1925], Л. Смит [Smith, 1972], Э. Жилбер [Gilbert, 1981], И.В. Арнольд [2012], Н.Д. Арутюнова [1999], Р.А. Будагов [2003], Н.С. Валгина [2003], В.В. Виноградов [1953], Е.М. Верещагин [1976], Л.С. Выготский [2016], В.Г. Гак [2000], В. И. Карасик [2002], Ю.М. Караулов [1987, 2009], Д.С. Лихачев [1987], Э. Сепир [1993], П. Джамshedов [1988;2010;2018], Г. Джураев [1985;2015], С. Назарзода [2004], А. Зохидов [1991], М.О. Музофиршоев [2012], А.Ф. Нажмиддинов [2015], А. Нозимов [2010] и др.

Для решения поставленных в работе задач использованы описательный, компонентный, словообразовательный и сопоставительный методы, а также анализ словарных дефиниций и анкетирование. Их комплексное применение позволило выявить структурно-семантические характеристики молодежного сленга и факторы, влияющие на его развитие в современных условиях.

Материал исследования. Материалом исследования послужили двуязычные толковые и специализированные словари английского, таджикского и русского языков. [Ayto 2010; Green 1987; Kipfer, Chapman 2007; Taylor 1948; Thorne 2014; Webster's New Words 1983; Грачев 2006; 2009; Джамshedов 2007; Джураев, Фатхуллоев 2013; Елистратов 2006; Калинин 2012; Кронгауз 2018; Назарзода, Сангинов, Каримов и М.Х. Султон 2010; Никитина 2003; 2009; 2013; Стегляревская 1998 и др.]

Дополнительно привлекались интернет-ресурсы, контент социальных сетей, блогов и подкастов, отражающих современные языковые процессы. Важным источником стали данные анкетирования студентов РТСУ, что позволило зафиксировать особенности употребления молодежного сленга в реальной речевой практике.

Общий объём корпуса языковых данных составил более 1500 сленговых единиц, среди которых около 400 репрезентируют сленговую лексику таджикского языка, извлечённых из словарей, интернет-коммуникации и анкетного материала, что обеспечило возможность комплексного структурно-семантического анализа сленга в рассматриваемых языках.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Молодежный сленг является особой лексической подсистемой, обладающей высокой динамикой и функционирующей на стыке нормативной и ненормативной речи; он выполняет коммуникативные, экспрессивные и идентификационные функции.

2. Сленг в молодежной среде выполняет не только роль лексического инструмента, но и служит механизмом социализации, укрепления групповой принадлежности и эмоционального самоутверждения. Особенностью сленга является его использование в различных регистрах общения, включая студенческую среду, интернет-коммуникацию и уличное общение.

3. Формирование молодежного сленга в таджикском языке представляет собой динамичный процесс, обусловленный взаимодействием внутренних

словообразовательных механизмов и внешних факторов, прежде всего влиянием русскоязычной и англоязычной интернет- культуры.

4. Цифровая среда и социальные сети ускоряют формирование и распространение сленговых выражений, выступая важным каналом языкового творчества молодежи. Во всех сопоставляемых языках интернет-сленг проявляет высокую динамику и креативность.

5. Процессы словообразования в сленговой лексике реализуются в рамках общелитературных языковых механизмов, однако отличаются повышенной продуктивностью, вариативностью и экспрессивной направленностью. К ключевым способам номинации в таджикском языке, относятся иноязычные заимствования, прежде всего из английского и русского языков. Заимствованные единицы активно адаптируются к словообразовательной и грамматической системе таджикского языка и, как правило, проникают в таджикскую молодежную речь опосредованно - через русский язык.

6. Во всех трех системах активно задействуются аффиксация, усечение, телескопия, метафоризация и заимствование, однако их продуктивность различна. Для английского языка наиболее характерны композиция, конверсия и аббревиация; для русского — суффиксальные модели, использование уменьшительно-ласкательных форм и словоигра для таджикского — адаптированные заимствования, метафорические переносы, а также продуктивные модели с элементами -боз, -ак, -гарй.

7. Английские сленгизмы чаще всего проникают в таджикский язык через социальные сети и цифровую среду, тогда как русские — преимущественно через образовательные учреждения и бытовое общение. Сопоставление частотности употребления сленга у городских и сельских респондентов позволило выявить территориальные особенности речевого поведения.

8. Процессы семантической адаптации заимствованных единиц и формирования оригинальных номинативных моделей, свидетельствующих о самобытности таджикского молодёжного сленга, приводит к выводу о целесообразности его научного описания и фиксации как значимого компонента современной языковой картины мира.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность результатов проведенного исследования подтверждается достаточным для получения объективных выводов объемом рассмотренного и проанализированного фактического материала, адекватностью методики анализа, цели и задачам работы, опорой на общепризнанные научные положения и оценки проблемы.

Основное содержание выводов диссертации нашли отражение в докладах, прочитанных автором на 5 международных научно- практических конференциях (Душанбе, 2021-2024 гг.), а также на тематических семинарах и круглых столах, проведенных кафедрой английской филологии РТСУ.

По теме диссертации опубликовано 9 научных статей, из них 4 статьи- в журналах, включенных в перечень периодических изданий ВАК России.

Диссертационная работа обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры английской филологии РТСУ, где она выполнялась (протокол № 2 от 16 сентября 2025 г.).

Структура работы.

В соответствии с поставленной целью и задачами диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и двух приложений.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СЛЕНГОВОЙ ЛЕКСИКИ

1.1. Понятие сленга, его специфика и функции

Национальный язык является важнейшим инструментом коммуникации народа, возникшим в процессе его исторического формирования и функционирующим в устной и письменной формах. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н. Ярцевой подчёркивается, что «становление национального языка связано с высшей стадией развития функциональных систем. Под этим понятием понимается не весь национальный язык, а прежде всего его центральная форма — литературный язык» [Ярцева 2002: 686].

В структуре национального языка различают две формы: литературную и нелитературную. Литературный язык представляет собой наиболее развитую и нормативную разновидность, воспринимаемую носителями как образец правильной речи [Виноградов 1953: 15]. Он выступает фундаментом современного языка и противопоставляется просторечным формам. Его становление имеет длительную традицию: нормы закрепляются в научных исследованиях, в художественной словесности, в языке средств массовой информации, театра и печати [Виноградов 1953: 15].

Нелитературная форма включает в себя разговорную и просторечную речь, а также диалектные особенности, сленг, жаргон и арготизмы. В отличие от литературной нормы, она обслуживает отдельные социальные и профессиональные группы, объединённые территориальными, возрастными или иными факторами совместного существования.

Как предмет изучения сленг представляет собой сложность из-за своей специфической природы. Вопрос о том, что такое сленг, по-прежнему является предметом обсуждения.

В английской лексикографии термин «сленг» (от англ. *slang*) появляется примерно в начале XIX века [Vandryes 1925: 79]. Этот термин стал широко использоваться составителями словарей для обозначения слов, которые по

каким-либо причинам не получили признания как вполне литературные единицы английского языка [Partridge 1960: 107].

Термин «сленг» в применении к описанию явлений русского языка стал использоваться лишь с 60-х годов XX века. В научной литературе сложились разные подходы к его пониманию. Одни исследователи, ориентируясь на традиции английской лингвистики, стремятся сблизить понятия «сленг» и «просторечие» [Химик 2000: 77]. Другие, напротив, избегают самого термина «жаргон» [Арнольд 2010: 15]. Есть и такие, кто полностью отрицает употребление слова «сленг», предлагая заменять его более специфическими обозначениями, например «открытое арго» или «общий жаргон» [Арнольд 2010: 45].

Следует отметить, что в таджикской лингвистике термин *сленг* пока не получил столь обширной и многоплановой теоретической интерпретации, как это наблюдается в русскоязычной и особенно англоязычной лингвистической традиции. Исследования, посвящённые функционированию разговорной и экспрессивной лексики в таджикском языке, существуют, однако вопрос разграничения понятий «жаргон», «просторечие», «арго» и «сленг» в научной литературе по-прежнему остаётся недостаточно разработанным. Это свидетельствует о необходимости межязыкового и межкультурного анализа с опорой на накопленный опыт сопоставимых языков [Джамshedов 2018: 89].

Значительный вклад в исследование сленга внесли зарубежные учёные. Так, британский лингвист Дэвид Кристал подчёркивает, что сленг выполняет не только экспрессивную, но и социальную функцию, позволяя говорящим маркировать принадлежность к определённой группе и дистанцироваться от официальной нормы [Crystal 2003: 214]. С его точки зрения, «сленг — это осознанное нарушение языковых норм, направленное на демонстрацию индивидуальности и стилистической свободы» [Crystal 2003: 215].

Исследователь Кейт Барридж рассматривает сленг как форму «языковой игры», в которой важны не только инновации в значении, но и остроумие,

игровая установка, и даже своеобразный протест против шаблонов повседневной речи [Burridge 2004: 57].

Американский лингвист Тони Торн, посвятивший значительное число работ молодежной лексике и интернет-сленгу, подчёркивает, что сленг отражает стремление к обновлению лексического фонда, в том числе через заимствования, словотворчество и сокращения [Thorne 2014: 41]. По его мнению, особенности сленга — в его нестабильности, гибкости и сильной связи с быстро меняющимися социальными и технологическими трендами.

В свете сказанного, включение таджикского языка в контекст структурно-семантического анализа молодежного сленга в сопоставлении с английским и русским языками позволяет не только обогатить лингвистическую теорию, но и способствует формированию национальной научной школы по изучению социолингвистических процессов.

Согласно мнению Г.А. Судзиловского, термин «сленг» объединяет в себе самые разные слова. Он выделяет среди наиболее значимых отличий в сленге следующие особенности: «1) сленг — лексическое явление, 2) сленг относится к нелитературной лексике, 3) сленг — это словарь, характерный для устной речи, 4) сленг — это словарь, который имеет эмоциональную окраску, 5) сленг характеризуется определённым знакомым цветом, 6) сленгом обычно называют всевозможные шуточные, иронические и другие выражения» [Судзиловский 1973: 67].

У И.В. Арнольда своё мнение относительно сленга, которое он выражает следующим образом: «У выраженного эмоционального, оценочного выразительного характера есть особый, генетически гетерогенный слой лексики и фразеологии, называемый сленгом, который используется в разговорной речи и выходит за рамки литературной нормы. Сленг наполнен грубыми или комическими, чисто разговорными словами и выражениями, которые требуют новизны и оригинальности» [Арнольд 2010: 85].

Споры, связанные с пониманием сленга, жаргона и арг, устраняет концепция В.В. Химики, который построил иерархию социолектических образований в речи следующим образом: арг — жаргон — сленг (интержаргон) — просторечие [Химик 2000: 14; 67]. Исследователи отмечают, что «каждый из этих диалектов по-разному проявляет отношение к типовым признакам языковых стратов: нормированность — ненормированность, открытость — закрытость, стабильность — нестабильность».

Сленг рассматривается как надсоциальный «общий» жаргон или интерлингвистическое явление, включающее популярные, но нестандартные слова и выражения, заимствованные из частных языковых подсистем. Таким образом, сленг представляет собой интегративное явление, объединяющее различные лексические ресурсы [Green 2010: 13].

Очевидно, что в научной традиции отсутствует единое понимание различий между терминами «сленг» и «жаргон». Если относительно «жаргона» исследователи дают достаточно чёткие определения, акцентируя внимание на его принадлежности к речи замкнутых социальных или профессиональных групп, то термин «сленг» оказывается более расплывчатым и многозначным. Он используется для обозначения лексики, которая не обладает ярко выраженной социальной спецификой и не всегда ограничена рамками одной группы [Елистратов 2006: 101].

В ряде источников «сленг» трактуется как синоним «жаргона», что можно наблюдать, например, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре». Здесь в первом значении «сленг» определяется именно как вариант жаргонной речи. Однако во втором значении этот же термин употребляется для обозначения обширного слоя нелитературной лексики, включающей в себя грубоватые, разговорно-фамильярные и нередко юмористически окрашенные слова и выражения. Таким образом, «сленг» предстаёт как более

широкое явление, охватывающее не только жаргонизмы, но и разнообразные экспрессивные формы речи.

Причина смешения данных терминов кроется в различиях исследовательских традиций и в отсутствии строгих разграничительных критериев. Часть авторов рассматривает «сленг» как разновидность жаргона, другие же подчеркивают его автономный статус, указывая на более гибкий, открытый характер и тенденцию к массовому распространению в языке. В любом случае, сопоставление данных дефиниций показывает, что в современной лингвистике сохраняется дискуссионность относительно границ и содержания понятия «сленг» [Gilbert 1981: 117].

Молодёжный сленг отличается открытостью и интегративным характером, благодаря чему он становится важным механизмом обновления и взаимодействия различных пластов лексики в языке. Его ключевая особенность заключается в неустойчивости и размытости границ: сленговая речь не имеет фиксированных рамок и отличается изменчивостью. Подобная неопределённость связана с тем, что носителями сленга выступают представители молодого поколения, принадлежащие к разным слоям общества и обладающие различным уровнем образования [Елистратов 1994: 323].

Хотя сленговые выражения активно появляются в массовой культуре — в печатных изданиях и музыкальных текстах, — основной сферой их функционирования остаётся устная и письменная коммуникация. Здесь они существуют в большом количестве вариантов написания и произношения, что делает невозможным формирование строгой грамматической системы [Reifer 1955: 29].

Несмотря на эту подвижность, молодёжный сленг сохраняет устойчивое присутствие в языке на протяжении многих десятилетий. По мнению исследователей, именно молодое поколение сегодня играет ведущую роль в экономической, социальной и культурной сферах, что даёт ему

возможность формировать собственные языковые нормы. При этом старшие возрастные группы нередко перенимают речевые привычки молодёжи, следуя за её коммуникативным стилем.

Сленг понимают как особый вид сниженных экспрессивных оценочных слов и выражений, имеющих широкое распространение и массовое употребление, которые характеризуются непрерывным изменением эмоционального окраса, маркировки и подвижной семантикой: лингвистическая единица может полностью исчезнуть из языка либо перейти на более высокий уровень языковой нормы, то есть в норму литературного языка [Химик 2000: 43].

В основе экспрессивности — главной черты сленга — лежит эмоциональная окрашенность, выражающая отношение говорящего к своему внутреннему мироощущению, собственным ценностям или предметам окружающего мира, то есть выражение субъектом речи эмоций, возникающих в его сознании при их упоминании [Хомяков 2009: 3].

Сленговая лексика подразделяется на два основных типа: общий и специальный. Общий сленг отличается широкой распространённостью и активно функционирует в разговорной речи, тогда как специальный используется внутри ограниченного круга людей, объединённых профессиональной деятельностью [Zandwort 1958: 97]. Преимущественной сферой применения сленга является устное общение, а в письменной форме он встречается главным образом в виде фиксации цитат из устной речи [Fries 1947: 65]. Однако с появлением и развитием Интернета письменное использование сленговых выражений стало значительно более интенсивным и повсеместным.

Происхождение самого термина *slang* до сих пор вызывает дискуссии в лингвистике. Существует несколько версий. Согласно одной из них, английское *slang* связано с глаголом *sling* — «бросать, швырять». Эту точку

зрения разделял Э. Партридж, указывая на старое выражение *sling the jews*, означавшее «разражаться грубыми оскорблениями» [Partridge 1960: 145].

Другая гипотеза предполагает, что *slang* произошло от слова *slanguage* — сокращения от *thieves' language* («язык воров») [Partridge 1960: 147].

Ещё одна версия связывает происхождение термина с возможным слиянием слов *bugars* или *rouges* с *language* [Crystal 2003: 214]. Точная дата появления слова *slang* в английском языке неизвестна, но письменные упоминания встречаются уже в XVIII веке. В этот период оно употреблялось в значении «оскорбление». Позднее семантика термина расширилась, и им стали обозначать нелегитимные просторечные элементы. Тогда же появляются и его синонимы — например, *lingo*, употреблявшееся преимущественно низшими слоями общества, а также *argot*, распространённое среди темнокожего населения. В XVIII веке *slang* сближается по значению с такими терминами, как *flash* и *cant* [Partridge 1960: 149]. Следует отметить, что причины появления сленга в таджикском, русском и английском языках несколько различаются.

Зарождение русского сленга, включая его молодёжные формы, относится к XIX веку, когда активно бытовал школьный жаргон среди учащихся гимназий, воспитанников духовных семинарий, институтов благородных девиц и сиротских приютов [Хомяков 2009: 10].

Сведения об этой речевой практике сохранились как в воспоминаниях бывших гимназистов, так и в произведениях художественной литературы. Так, Н. Г. Помяловский, сам обучавшийся в семинарии, в повести *«Очерки бурсы»* подробно описал быт и речь учащихся. Он отмечал, что «мальчики жили в закрытых общежитиях, а их язык отличался особой лексикой». В тексте встречаются характерные жаргонные слова: *«отчихвостить»* (подвергнуть телесному наказанию), *«спереть»* (украсть), *«глядёлы»* (глаза). Причину появления и закрепления арго в школьной среде Д. С. Лихачёв видел в отсутствии общих интересов между педагогами и учениками, а также

в постоянной конфронтации между ними [Лихачёв 1987: 62]. Использование жаргонных выражений выполняло важную функцию — оно становилось своеобразным «*социальным жестом*», отражавшим насмешливое и ироничное отношение к окружающей действительности. Особенно это проявлялось в придумывании прозвищ для учителей, что в глазах учащихся уравнивало их с самими школьниками [Фатхуллоев 2011: 51].

К началу XX века школьный жаргон перестал быть явлением исключительно замкнутой среды и вышел за её пределы. Его носителями становится молодёжь фабрично-заводских кварталов. С этого времени исследователи выделяют три последовательные волны формирования молодёжного сленга, каждая из которых совпадает с серьёзными историческими потрясениями в стране. По наблюдениям Э. М. Береговской, эти процессы определялись «не только сменой поколений, сколько радикальными политическими и социально-экономическими изменениями» [Береговская 1996: 120]. Учёная также подчёркивает, что сам по себе исторический фон не является единственным фактором, стимулирующим бурное словообразование.

Первая волна активизации молодёжного сленга пришлась на 1920-е годы. Этот период совпал с масштабными историческими потрясениями: крушением Российской империи и утверждением новой советской власти, установившей иные политические и социальные порядки. После вхождения Таджикистана в состав СССР началось активное распространение русского языка, что способствовало проникновению в таджикскую языковую среду элементов русской нелитературной речи. Социальные катаклизмы — революция, Великая Отечественная война, массовые человеческие потери — привели к росту числа сирот и беспризорников, значительная часть которых оказалась эвакуирована в Таджикистан. Именно с этим явлением связывается и рост подростковой преступности. Уголовный жаргон, которым пользовались беспризорники, постепенно стал проникать и в речь

школьников и студентов, вступавших с ними в тесные контакты. Молодёжь перенимала не только речевые особенности, но и модели поведения уличных подростков.

Вторая волна сленгообразования связана с появлением в 1950-е годы субкультуры «стиляг», охватившей большинство крупных городов Советского Союза. Представители этого течения ориентировались на американский образ жизни, что проявлялось в одежде, манере поведения и речевых привычках. Их язык насыщался англицизмами, служившими своеобразными маркерами групповой идентичности: *шузы* (от англ. shoes — обувь) обозначали ботинки на толстой подошве, *соксы* (от англ. socks — носки), а под Бродвеем подразумевалась центральная улица города.

Третья волна расцвета молодёжного сленга относится к периоду 1970–1980-х годов, когда в СССР распространялось движение хиппи и формировалась так называемая «Система» — неформальное содружество его представителей. Как отмечается в исследованиях, именно в это время «активно формируется и развивается сленг так называемой Системы — содружества хиппи, стихийно сложившегося в СССР». Для этой субкультуры особую значимость имели идеи свободы и индивидуальной самобытности. Хиппи выделялись характерным внешним видом: мужчины носили длинные волосы, одежда отличалась свободным кроем, аксессуарами служили налобные повязки и вязаные браслеты — «фенечки». Их речевой код строился преимущественно на заимствованиях из английского языка, что подчёркивало их дистанцированность от советских реалий и тяготение к западной культуре.

Изучить особенности сленга хиппи можно, в частности, по словарю, составленному лингвистом Ф. И. Рожанским. [Рожанский 1992]. Лексика данной субкультуры характеризовалась обилием англицизмов. Заимствованные из английского языка слова нередко подвергались семантическим или фонетическим изменениям и при этом адаптировались к

русской системе словообразования, получая привычные для неё аффиксы. Подобные процессы подчёркивает и Э. М. Береговская, отмечая, что заимствованные сленговые единицы сразу же начинали функционировать в русской словоизменительной системе: *герла* — герлы, герлов [Береговская 1996: 35].

Рожанский также указывает, что к моменту смены поколений хиппи — от представителей 1970-х к их последователям в 1980-е годы — источником новых заимствований стали лексические пласты соседних социальных слоёв [Рожанский 1992]. Если в середине 1950-х годов англицизмы в молодёжной речи встречались эпизодически [Хомяков 2009: 52], то уже к началу 1980-х годов процесс формирования неформальной молодёжной речи происходил преимущественно за счёт английских заимствований [Береговская 1996: 122].

На развитие сленга в СССР заметное влияние оказали речевые практики музыкантов, фарцовщиков, преступного мира и наркоманов. Особенно ярко сказалось взаимодействие с последними, так как увлечение наркотиками объединяло их с хиппи и находило отражение в их лексиконе. Так, среди употребляемых выражений встречались: кайф — наркотическая эйфория; дербанить — собирать мак; замутить — приготовить раствор или отвар наркотического средства для инъекции.

По наблюдению Э. М. Береговской, отдельные иноязычные слова, уже закреплённые в русском языке, как бы заново заимствуются, но с новым значением или даже с изменённым ударением, после чего начинают образовывать новые дериваты [Береговская 1996: 123]. Примером служат производные от слова *спич* (от англ. *speech* — «речь, разговор»): *спичить*, *спекать*.

Базой для формирования общего молодёжного жаргона стал словарь так называемой «системы». Однако к концу 1980-х годов значительная часть её участников постепенно отходит от идей хиппи, а вместе с ними исчезают и характерные элементы их образа жизни. Соответственно, теряет

актуальность и связанная с этим пластом культуры лексика. Эпоха хиппи завершается, на смену ей приходит новое поколение молодых людей, более прагматичных и ориентированных на быстро меняющиеся социально-экономические и политические реалии страны.

В 1990-е годы, в условиях радикальных экономических и политических преобразований, а также открытости к международным контактам, русский язык испытал мощный приток заимствований, которые активно проникали в молодёжный жаргон. Лексика обогащалась новыми словами для обозначения реалий и явлений, ранее не существовавших.

На развитие языка оказали влияние рост криминогенной ситуации, легализация новых экономических практик и процессы либерализации. Всё это отразилось не только на общем словоупотреблении, но и на молодёжной речи. По наблюдению М. А. Кронгауза, «некоторые ситуации адекватно описываются именно с помощью криминальной лексики»; кроме того, широкое распространение получила *гламурная лексика*, тесно связанная с молодёжным жаргоном [Кронгауз 2009: 19].

В этот период словарь молодёжи активно пополняется терминами, связанными с теневой экономикой, криминалом, коммерцией и проституцией. В общественной речи — как в устах простых граждан, так и представителей власти, а также в СМИ — закрепляются такие слова, как *наезд*, *крыша*, *стрелка*, *кастинг*, *стильный*, *элитный* и другие.

Подобные процессы наблюдались и в таджикской языковой среде. Социальные изменения способствовали закреплению в молодёжном сленге таких слов, как *тага*, *чизак*, *девонаш*, *лингак*, *чинчак* и др.

Современная языковая ситуация осложняется чрезмерным количеством заимствований, что размывает границы литературной нормы. Старшее поколение воспринимает это как угрозу языку и реагирует негативно, тогда как молодёжь, по словам М. А. Кронгауза, «считает их естественным продолжением языка и зачастую просто не замечает» [Кронгауз 2009: 79].

Именно это приводит к снижению способности молодого поколения ощущать и осознавать языковую игру.

Благодаря современным технологиям, включая Интернет и средства мобильной связи, молодёжный сленг стремительно развивается, что привело к быстрому распространению компьютерного языка. С появлением компьютера появилась возможность передавать смысл, идею, образ более эффективно, чем посредством писем и печати. Благодаря этому интернет-сегмент активно проникает в молодёжную лексику [Береговская 1996: 124-128].

На рынке компьютерных технологий практически каждую неделю появляются новые разработки, и каждое новое явление в этой области должно получить своё название. Новые термины изначально формируются на английском языке, а через некоторое время попадают в Россию и Таджикистан. Для большинства из них не существует эквивалентов на русском и таджикском языках, что вызывает необходимость использовать оригинальные англоязычные слова для точной передачи смысла. В этой сфере происходит заполнение культурологических лакун — отсутствующих в языке обозначений понятий — за счёт англоязычных терминов. Словарь компьютерных выражений в таджикском языке пополняется преимущественно через русский компьютерный сленг [Береговская 1996: 129].

Многие профессиональные компьютерные термины оказываются громоздкими и неподходящими для повседневного использования, что приводит к устойчивой тенденции их сокращения и упрощения. Например, *motherboard* — «материнскую плату» компьютера — молодёжь называет *мамка* или *материнка*; *CD-ROM drive* — «накопитель на лазерных дисках» — имеет эквиваленты в сленге *сидюк*, *сиди* и др. [Береговская 1996: 129-130].

Наряду с этим, мощным источником новых слов является повальное молодежное увлечение в компьютерные игры.

В молодёжной среде мода на англицизмы стала популярной; она обусловлена сформированными в молодёжном сообществе стереотипами и ценностями. К ним можно отнести идеализированный образ американского общества с высоким уровнем жизни и стремительным техническим прогрессом, которые, по мнению части молодого поколения, ведут мир к успеху. Благодаря этому стереотипу молодые люди часто используют английские заимствования в своей речи, как бы становясь причастными к американскому образу жизни и культуре. Именно в этой группе молодёжи нередко встречается неправильное произношение английского слова или его русское прочтение. Иногда ошибка оказывается настолько привлекательной, что становится популярной в массах [Crystal 2003: 214].

Если в русском сленге значительное место занимают заимствования из английского языка, то в таджикском основным источником заимствований является русский язык (особенно у городской молодёжи). Многонациональный состав населения Таджикистана обусловил роль русского языка как языка межнационального общения. Даже в отдалённых горных кишлаках жители в той или иной степени владели русским, что объясняет широкое распространение многих слов и выражений русского нелитературного языка в таджикском сленге.

Разговорный таджикский язык, в отличие от русского и английского, значительно сильнее отличается от литературного. Это позволяет утверждать, что «сленговость» таджикского разговорного языка проявляется в народной речи гораздо шире, чем в сравниваемых языках. Основной объём сленговой лексики в таджикском языке сформировался в советский период.

Таким образом, одной из основных причин появления сленга, как отмечалось выше, является необходимость обозначать новые или отсутствующие в языке явления. Отсутствие в русском и таджикском языках стандартизированной терминологии в ряде сфер жизнедеятельности способствует распространённости сленга среди современной молодёжи.

Однако нередко словесные заимствования просто заменяют существующие русские или таджикские эквиваленты. Реклама, социальные сети и СМИ широко используют слова *лейбл*, *шоу*, *пиар* и др., несмотря на наличие аналогов в языке. На наш взгляд, за счёт подобных заимствований язык теряет свою самобытность, и многие выразительные формы родной речи оказываются невостребованными.

Другой причиной употребления в молодежной речи сленг является потребностью молодых людей в самовыражении и встречном понимании. К основным причинам увеличения доли сленга в речи современного подростка и старшеклассника относятся:

социальные факторы;

значимость «своего» (жаргонного) языка для общения со сверстниками (желание подростка утвердиться как среди своих сверстников, так и в собственных глазах); влияние СМИ (чтение газет и молодежных журналов, просмотр телепередач) на речь подростка [Крысин 2004: 19].

В числе главных причин возникновения молодежного сленга можно назвать желание уйти от «серой» повседневности, языковую игру, иронию, возможность скрыть свое истинное лицо под стандартной «маской». Сленг молодежного сообщества отделяет его от «скучной» жизни взрослых, учителей и родителей. В молодежном сленге присутствуют такие черты, как резкость и дерзость. Он результат своеобразного желания переиначить мир на иной манер, а также знак «я свой». Язык здесь отражает внутренние устремления молодых ярче и сильнее, чем одежда, причёски, образ жизни [Борисова- Лукашанец 1982: 25].

Исследователи лингвистической динамики молодежной речи, такие как Т.А. Воронина, Т.Н. Гез и Е.В. Беляева, выделяют три условные волны оживления молодежного сленга в русском языке. Первая волна пришлась на период с начала распада Российской империи до окончания Второй мировой войны (1917–1945), когда происходила интенсивная социализация новых

лексических форм, в том числе и на территории Таджикистана. Вторая волна охватывает послевоенные и застойные годы (с конца 1940-х до 1970-х годов), характеризующиеся устойчивым формированием социолектических пластов. Третья волна начинается в 1970-е годы и продолжается вплоть до распада СССР, знаменуя усиление молодежной идентичности через сленговую речь.

1.2. Виды сленга

Различают два типа сленга: общий - это общеизвестный и широко распространенный сленг, и специальный - узкоспециализированный и малоизвестный сленг. В.А. Хомяков характеризует общий сленг как «относительно устойчивый для определенного периода, широко распространенный и общепонятный слой нелитературной лексики и фразеологии в среде живой разговорной речи, весьма неоднородный по своему генетическому составу и степени приближения к литературному языку, имеющий ярко выраженный эмоционально-экспрессивный оценочный характер, представляющий часто протест-насмешку против социальных, этических, эстетических, языковых и других условностей и авторитетов» [Хомяков 2009: 38].

В своем исследовании В.А. Хомяков приводит примеры подобного протеста против условностей: *I'm werkin fer de Queen. I'm drawing unemployment benefit. I'm on de Laber. I'm out of work. Dere's de battle taxi. Here comes the police jeep.* - Я работаю на королеву. Я получаю пособие по безработице. Я на Лабере. Я без работы. Это боевое такси. Вот и полицейский джип. Общий сленг состоит из различных компонентов: жаргона, варваризмов, кэнта, а также заимствований из языков других народов [Хомяков 2009: 22].

Специальным сленгом называется особый язык, который представляет собой специфическую лексику, фразы и речевые обороты профессионального или социального жаргона [Partridge 1960: 6]. Впервые разделение между

общим и специальным сленгом впервые было осуществлено в «тезаурусе» американского сленга. Первое издание полного словаря было выпущено в 1942 г. В нем представлены общий сленг и коллоквиализмы, в то время как специальный подразделяется на профессиональную речь и аргю. В дальнейшем эти арготизмы стали частью литературной речи [Partridge 1960: 7–8].

К специальному сленгу, наряду с молодёжным сленгом, исследователи относят и некоторые другие виды сленга.

Военный сленг представляет собой разновидность профессиональной лексики, включающую не только термины, связанные с вооружением и армейской службой, но также научно-технические и разговорные выражения, активно используемые в военной среде.

Как отмечает В. А. Хомяков, военный жаргон состоит из различных компонентов: жаргонизмов, варваризмов, кэнта, заимствований, а также сокращений и эвфемизмов, отражающих социальную специфику армейского общения [Хомяков 2009: 22].

Примеры подобных выражений в английском языке включают: *track* (гусеница танка), *boondocks* (отдалённая, труднопроходимая местность — джунгли), *behavior report* (письмо солдата домой), *doughboy* (пехотинец, дословно — «мальчик из теста»), *infantryman* (пехотинец). При этом, как подчёркивается в работах по социалингвистике, военный сленг включает как нейтральные профессиональные наименования, так и эмоционально окрашенные единицы, выражающие отношение к предмету или явлению [Судзиловский 1973: 93].

Зачастую военный сленг пополняется и расширяется путем лексико-семантического словообразования. Военная лексика английского и русского языков, как и иные формы профессионального жаргона, обладает высокой степенью образности и экспрессии. Многие термины создаются с использованием метафорических переносов, сокращений и заимствований.

Например: leatherneck (морской пехотинец), brass hat (генерал), GI (солдат США), loot (лейтенант), slick (невооружённый вертолёт), veg — сокращение от vegetable, обозначающее морскую мину; bird barn (авианосец), D-Fac (военная столовая — от Dining Facility), gat (огнестрельное оружие), cherry (новобранец), asino morto (итал. «мёртвый осёл» — консервированная ветчина), bleu (фр. «молодой, сырой» солдат) [Barnhart 1980: 333].

Что касается русского военного сленга, то в российских вооруженных силах наименования моделям (изделиям) типов и видов вооружений обычно присваиваются в соответствии с одной из установившихся традиций:

- по литере модификации: «Ангара» – С-200А, «Вега» – С-200В, «Дубна»– С 200Д и т.п.;
- аббревиатурно: «Корд» – Ковровские Оружейники-Дегтярёвцы; «Нона» – Новое Орудие Наземной Артиллерии и т.п.;
- по логике серии: САУ– «цветочная серия»: «Гиацинт», «Тюльпан», «Пион»; средства ПВО– «речная серия»: «Шилка», «Тунгуска», «Двина», «Нева»; РСЗО– стихийные явления: «Град», «Смерч», «Ураган»;
- ассоциативно: переносные зенитные ракетные комплексы– «Стрела», «Игла»; комплекс постановки помех– «Мошकारа»; маскировочные костюмы снайпера– «Леший», «Кикимора»;
- в честь создателей: танк «Владимир» (по имени главного конструктора); зенитный ракетный комплекс «Антей-2500» (по названию фирмы-разработчика) [Ускова, Мирошниченко 2015: 52].

Подобные выражения служат не только средством общения, но и маркерами принадлежности к армейской субкультуре [Partridge 1960: 57].

В таджикском языке на сегодняшний день военный сленг как отдельный пласт лексики системно не изучен. Часть выражений в настоящей работе представлена в виде авторских переводов на таджикский язык (например: doughboy — хамирбача, boondocks — чангал, behavior report — мактуби аскар ба хона и др.). В обиходе могут использоваться отдельные

жаргонизмы, преимущественно заимствованные из русского языка, но они не формируют полноценной и признанной лексикографической системы. Поэтому подобные переводы следует рассматривать скорее как интерпретации автора, а не нормативные соответствия [Гумбольдт 2000: 118].

Военный жаргон отличается от других профессиональных диалектов тем, что его носители функционируют в условиях замкнутого сообщества с характерными чертами быта и коммуникации — солдаты живут вместе, питаются в казарменной столовой, носят форму и подчиняются внутреннему уставу. Эти обстоятельства способствуют формированию устойчивой лексической системы, отражающей как профессиональную деятельность, так и повседневную жизнь в армии.

Таким образом, военный жаргон английского языка представляет собой насыщенную и многоуровневую лексическую систему, обладающую значительным исследовательским потенциалом в контексте социальной лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации.

Журналистский сленг развивается недостаточно быстро в сравнении с другими видами сленга, так как его использование ограничено. В обыденном общении он не так широко распространен, как музыкальный или профессиональный сленг. Даже молодежный сленг, активно впитывающий новые термины из других областей, не имеет образцов журналистского жаргона. Это объясняется тем, что сленг журналистов имеет более скрытный характер, его лексика ориентирована только на профессиональные цели, а не на широкий круг пользователей. Только те, которые носят бейджи журналистов, могут понять эти слова по-настоящему. Для остальных эта информация будет недоступна [Smith 1972: 159].

В журналистике существуют различные виды сленгизмов, которые делятся на основные и тематические группы. Эти слова обозначают действия людей, рабочие процессы и предметы в их применении. В журналистском сленге широко используется метафоризация, поскольку в данной области

лексика основана на сопоставлении, поиске аналогий, ассоциациях и замене образа. Новая единица языка может быть создана из любого другого материала.

Среди русскоязычных журналистов нередки случаи использования сленговых слов и выражений, имеющих английскую основу [Green, 2010: 57]:

Live (живьем) – журналистская единица в виде материала, в котором жизнь представлена такой, какова она есть на самом деле, без какого-либо кадрового монтажа и других профессиональных хитростей.

Share (доля) - рейтинги газет и журналов.

Stand Up (встать) - кусок сюжета, где в кадре появляется корреспондент.

Rep. - сокращение от reportage (репортаж)

Life (жизнь) – естественный ход событий в сюжете, где участники не обращают внимания на видеокамеру.

Кроме того, к журналистскому сленгу, как было отмечено выше, относятся обозначения приборов, которые журналист непосредственно использует в своей работе. Так, микрофон нередко называют «удочкой» или «петличкой», а черновой вариант журналистского текста – «рыбой» («рыба» - черновой вариант текста, «перебивки» - элементы декора крупным планом). Однако эти слова используются в основном в журналистской среде и встречаются в статьях довольно редко, потому что понятны почти всегда только самим работникам СМИ [Моченов и др. 2003: 112].

Компьютерный сленг. Согласно распространенному мнению, «каждый день умирают старые языки, но рождаются новые». То же самое можно сказать и о компьютерной сфере. Не так давно в Интернете были популярны чаты *ICQ* и *IRC* с использованием своего языка и сокращений для общения. Сейчас уже мало кто вспомнит использованные в то время слова и выражения. Язык не стоит на месте, он постоянно эволюционирует, адаптировавшись к современным условиям и новым технологиям

коммуникации. Благодаря развитию интернет-технологий компьютерный сленг в английском и русском языках стал распространяться гораздо масштабнее, и сфера использования компьютерной лексики будет расширяться в дальнейшем.

В английском языке компьютерный сленг представлен IT-сленгом («front-end» – клиентская сторона, «back-end» – серверная сторона, «DNS» (Domain Name System) – система доменных имен), и, в частности, интернет-сленгом, понятным всем («pics» – фотки, картинки, «WB» (Welcome Back) – рад, что вернулись, «TBH» (To Be Honest) – честно признаться, «BTW» (By the Way) – между прочим) [Мельдианова 2025: 235].

В русском компьютерном IT-сленге наиболее распространены такие выражения, как «залить» (загрузить или отправить файл), «битый» (нерабочий файл), «чекнуть» (англ. – to check; проверить). Среди общепонятного интернет-сленга можно выделить слова, образованные путем сокращения: «инет» (интернет), «омг» (англ. – Oh My God! – Боже мой), «ИМХО» (англ. – IMHO – In My Humble Opinion – по моему мнению), «ЛОЛ» (англ. – LOL – Laughing Out Loud – громко смеяться). [Кубаева 2023: 123-124].

Следует отметить, что англоязычные сокращения более устойчивы, чем российские [Fries 1947: 65].

Более подробному анализу компьютерного сленга и его использования в Интернете и социальных сетях посвящен параграф 1.4 настоящей главы.

Британский и американский молодёжный сленг

Молодёжный сленг в англоязычных странах отличается высокой динамикой и культурной спецификой. Несмотря на взаимопонимание носителей британского и американского английского, сленговые выражения в их речи заметно различаются. Так, британские подростки чаще используют слово *mate* («друг»), в то время как американцы — *dude* или *buddy*. Для выражения восторга британцы применяют *brilliant* или *wicked*, тогда как

американцы предпочитают *awesome* или *cool* [Webster's New Words, 1983: 86]. В США получили широкое распространение такие новые сленговые единицы, как *bae* (от *before anyone else* — «самый близкий человек»), *lit* («классно»), *savage* («дерзко, круто») [Webster's New Words, 1983: 89]. В британской речи, напротив, устойчиво сохраняются эмоциональные маркеры вроде *bloody* (*bloody amazing* — «чертовски круто»), которые редко встречаются в американском варианте [Webster's New Words, 1983: 88]

Подобные различия подчёркивают как культурную специфику, так и лексическую динамичность молодёжного сленга в англоязычных странах, что особенно значимо при сопоставительном исследовании сленговых пластов в разных языках.

Трансформация арго в молодёжный сленг под воздействием массовой культуры. Арго традиционно представляет собой закрытую лексическую систему, используемую определёнными социальными группами для кодирования информации. Однако в последние десятилетия наблюдается тенденция, при которой элементы арго проникают в массовую культуру и становятся частью общеупотребимого молодёжного сленга. Особую роль в этом процессе играют популярные юмористические сериалы и интернет-проекты, которые, используя специфический язык, способствуют его распространению среди широкой аудитории [Судзиловский 1973: 115].

Влияние юмористических сериалов на популяризацию сленга. Ярким примером является российский веб-сериал «*Наркоман Павлик*», который приобрёл значительную популярность в интернете. Главный герой, пародируя поведение наркозависимых, использует специфический жаргон, который, будучи представленным в комическом контексте, становится понятным и привлекательным для молодёжной аудитории. Фразы из сериала, такие как: «Тут, короче, такая тема, братуля, ни один огонь не сожжёт меня, потому что я типа и есть огонь!» или «Я ваще не рублю в языках и зашёл сюда ради прикола, неждан, да?», быстро распространились в социальных сетях и

вошли в повседневный обиход молодёжи [Наркоман Павлик [Электронный ресурс] // YouTube. — URL: <https://www.youtube.com/user/narkomanpavlik>]. Это свидетельствует о способности массовой культуры трансформировать элементы арготизма в популярный сленг.

Средства массовой информации, особенно развлекательного характера, играют ключевую роль в популяризации молодежного жаргона. Они не только отражают существующие лексические тенденции, но и активно способствуют их распространению, делая сленговые выражения частью повседневной речи молодёжи. Как отмечается в исследовании, посвящённом молодежному жаргону в лингвокультурологическом аспекте, СМИ способствуют закреплению и распространению сленговых выражений, формируя тем самым определённые языковые нормы и стандарты в молодежной среде [Гумбольдт 2000: 14].

Использование сленга выполняет несколько важных функций в молодежной среде:

1. Идентификационная функция: Сленг служит своеобразным «паролем», позволяющим молодым людям идентифицировать себя с определённой социальной группой или субкультурой. Это способствует укреплению чувства принадлежности и сплочённости внутри группы [Береговская 1996: 121].

2. Экспрессивная функция: Сленговые выражения часто используются для придания речи эмоциональной окраски, выразительности и юмора. Они позволяют молодёжи более точно и ярко выражать свои чувства и эмоции [Береговская 1996: 121].

3. Когнитивная функция: Сленг отражает стремление молодёжи к языковому творчеству и экспериментированию, а также к адаптации языка к современным реалиям. Это способствует расширению языкового сознания и обогащению лексики [Береговская 1996: 129].

Таким образом, массовая культура, особенно через призму юмористических сериалов и интернет-проектов, оказывает значительное влияние на распространение и трансформацию сленга среди молодёжи. Элементы арго, представленные в комическом и доступном формате, становятся частью повседневной речи, выполняя при этом важные социальные и коммуникативные функции. Понимание этих процессов важно для изучения современных языковых тенденций и их влияния на речевую культуру молодёжи.

В лингвистической литературе наблюдается некоторая терминологическая размытость в определении понятий сленг и жаргон. Несмотря на частое их взаимозаменяемое использование, особенно в публицистике и повседневной речи, с научной точки зрения между ними имеются принципиальные различия, а также специфическая связь, которую важно учитывать в рамках лексикологических и социолингвистических исследований [Berg 1953: 92].

Сленг (от англ. *slang*) представляет собой разновидность разговорной лексики, характерной для неофициального общения, отличающейся экспрессивностью, эмоциональностью, нестандартностью форм выражения и ограниченным социальным или возрастным употреблением. Сленг активно используется молодёжью, представителями отдельных субкультур и сообществ, но при этом не является полностью закрытой языковой системой. Он легко проникает в массовую речь, медиа-пространство и, как правило, не несёт цели сокрытия смысла [Судзиловский 1973: 109].

Жаргон, в свою очередь, является более устойчивой формой социально ограниченного языка. Он обслуживает профессиональные, социальные или маргинальные группы (например, студентов, военных, уголовную среду), формируя специфическую лексику, зачастую непонятную для представителей внешнего круга. В отличие от сленга, жаргон чаще выполняет функцию внутригрупповой идентификации и может носить закрытый характер,

особенно в случаях, когда его употребление связано с необходимостью скрыть информацию от посторонних [Судзиловский 1973: 108].

Несмотря на различия, сленг и жаргон находятся в тесной взаимосвязи. В ряде случаев сленговые единицы могут быть заимствованы из жаргона и, напротив, жаргонные слова — из сленга [Yusupova 2018: 89]. Например, молодёжный сленг активно заимствует термины из жаргона наркозависимых, геймеров или интернет-сообществ, при этом такие выражения теряют исходную узкоспециализированную функцию и начинают использоваться в широком контексте. Этот процесс особенно активен в цифровой эпохе, где средства массовой информации и социальные сети способствуют быстрой циркуляции лексических новшеств и их «разжаргониванию» [Головин 1987: 91].

Некоторые исследователи подчёркивают, что сленг может выполнять транзитивную функцию — быть промежуточным звеном между нейтральной лексикой и жаргоном. Так, например, экспрессивные формы из сленга при определённых условиях закрепляются в жаргоне как устойчивые термины внутри конкретной социальной группы [Хомяков 2009: 41].

Таким образом, целесообразно рассматривать сленг и жаргон не как противопоставленные категории, а как элементы одного социолингвистического континуума, в котором различие между открытостью, сферой употребления, степенью нормативности и функциональной нагрузкой позволяет провести разграничение. Понимание соотношения между сленгом и жаргоном необходимо для точного анализа лексических изменений в языке, особенно в условиях его стремительной трансформации под влиянием цифровых и культурных факторов [Реформатский 1983: 211].

Арго, или криминальный жаргон, представляет собой особую разновидность социальной лексики, сформировавшуюся в рамках замкнутых и маргинализированных сообществ. Эта языковая система возникла в среде деклассированных элементов общества и на протяжении своей истории

развивалась как инструмент внутренней идентификации и защиты информации от внешних носителей языка. Являясь языком преимущественно преступной среды, арго включает в себя обширный пласт специальных выражений, уникальных оборотов и стилистических особенностей, отличающих его от как от литературного языка, так и от других форм жаргонизма [Головин 1987: 92].

Язык уголовной среды представляет собой сложную, структурированную и высоко приспособленную к коммуникативным условиям систему, где каждое слово и выражение несёт в себе не только номинативную, но и социокультурную функцию. Арго активно используется преступниками как средство разграничения «своих» и «чужих», а также как маркер принадлежности к криминальному миру. Это лексико-семантическое образование со временем стало настолько устойчивым, что его элементы стали служить основой для создания художественных текстов, кинофильмов, музыкальных произведений, а впоследствии — и для встраивания в массовую культуру [Лихачёв 1987: 119].

Современные лингвисты подчёркивают, что уголовный жаргон не следует сводить исключительно к понятию «социолект» или к узкой формулировке «язык преступников». Это более сложное социально-коммуникативное явление, в рамках которого происходят процессы кодирования, культурной адаптации и трансформации лексических единиц. Как отмечают исследователи, арго функционирует как единая система общения, объединяющая представителей различных преступных группировок, независимо от их территориального положения, национальной принадлежности или специализации противоправной деятельности [Судзиловский 1973: 103].

Одной из характерных черт арго является его способность быстро адаптироваться и ассимилироваться в новых условиях. Благодаря высокой динамике и гибкости, арго выходит за рамки тюремной среды и получает

распространение в обиходной разговорной речи, особенно в низких социальных слоях, а в последние десятилетия — и в интернет-пространстве. Такая тенденция обусловлена широким тиражированием элементов криминальной лексики в массовой культуре: в фильмах, телесериалах, музыкальных композициях, блогах и даже в рекламе [Скляревская 1998: 207].

Происхождение уголовного аргю остаётся предметом научных споров. Согласно одной из наиболее признанных гипотез, истоки уголовного языка восходят к лексике «офеней» — мелких торговцев и ремесленников, использовавших особый язык для сокрытия информации от посторонних. Эта система общения обладала собственной грамматикой и словарём, что позволяло эффективно передавать сообщения в условиях необходимости анонимности и конфиденциальности. С развитием преступного мира аргю впитало в себя лексику других маргинальных профессий — попрошаек, каторжников, воров, матросов, а также элементы диалектов различных народов, что сделало его интернациональной языковой системой [Бондаренко 2003: 23].

Исторически аргю документируется начиная с XV века. В 1528 году в Европе был опубликован один из первых словарей, содержащих лексику уголовного мира, известный под названием *Liber Vagatorum* («Книга бродяг»), составленный, по преданию, при участии Мартина Лютера [Трахтенберг 1908: 16]. Этот словарь отражал нормы и представления того времени о бродячих и преступных элементах как об отдельной социальной касте с собственным языком и культурой. Подобные словари стали появляться на фоне законов, направленных на подавление нищенства, воровства и бродяжничества — явлений, широко распространённых в Европе в тот период [Бархударов 1975: 67].

Уже в XIX веке отечественные учёные проявили серьёзный интерес к феномену уголовного языка. Так, В.И. Даль описывает криминальную лексику как особую форму «музыки» — «блатной музыки», которой владеют

проходимцы, воры, шулеры и иные представители криминального слоя общества [Даль В.И. 1862: 138]. В начале XX века И.А. Бодуэн де Куртенэ в предисловии к словарю «Блатная музыка (жаргон тюрьмы)» подчёркивает важность изучения этой «тайной музыки» для филологов, социологов, юристов и представителей других гуманитарных дисциплин [Трахтенберг 1908: 16]. Учёный рассматривал аргю как одно из самых распространённых социальных наречий, подчеркивая его информативную и антропологическую значимость.

Особый интерес представляет этимология некоторых ключевых терминов аргю. Так, слово «блатной» восходит к немецкому blatter — «вор», blat — «согласие», или польскому blatny — «преступный». В аргю «блат» означает наличие связей в криминальной среде, а «блатной» — это человек, признанный членом преступного сообщества, пользующийся авторитетом и защищённый внутренними правилами группировки [Barnhart 1973: 409].

В советский период, особенно в 1930–1950-е годы, аргю получило широкое распространение через систему исправительно-трудовых лагерей. Массовые репрессии и высокий уровень криминализации общества способствовали формированию особой тюремной субкультуры, в рамках которой аргю выполняло не только коммуникативную, но и идеологическую функцию. Язык лагерей и тюрем отличался особой экспрессивностью, символизмом и ритуализированностью. По данным современных исследований, в словаре «фени» (так принято называть тюремный жаргон) насчитывается около 15 тысяч слов и устойчивых выражений [Бархударов 1975: 98].

На сегодняшний день криминальная лексика сохраняет высокую степень актуальности. В ней выделяются три основных уровня: общеуголовный жаргон (понятный всем представителям преступного мира), профессиональная криминальная лексика (например, связанная с проституцией, наркоторговлей, торговлей оружием и др.), а также тюремный

жаргон, в котором отражаются особенности жизни в местах лишения свободы [Береговская 1996: 122].

Функционально аргó выполняет не только роль средства общения, но и влияет на формирование мировоззрения, стиля поведения, самоидентификации представителей криминальной субкультуры. Через язык формируются кодекс чести, иерархия, структура власти и способы взаимодействия внутри преступных объединений. Таким образом, аргó выступает не просто как набор слов, а как полноценная знаковая система со своими законами и механизмами [Бондаренко 2003: 33].

Любопытно, что в современной англоязычной традиции наблюдается определённая путаница между понятиями «сленг», «жаргон», «аргó» и «кэнт». Например, Ч. Фриз утверждает, что термин *slang* настолько расширил сферу применения, что стало крайне сложно установить чёткую границу между тем, что входит в его состав, а что выходит за рамки [Fries 1952: 52]. Подобную точку зрения высказывает и Р. Спирс, по мнению которого *slang* первоначально был синонимом *cant* — британского криминального аргó, но впоследствии стал обозначать широкий спектр нелитературной лексики, включая просторечия, профессионализмы и даже вульгаризмы [Spears 1982: 10–11].

В современной лингвистике принято считать, что сленг и аргó — два разных, но взаимосвязанных феномена. Аргó занимает особое место как предельно закрытая и систематизированная форма профессионально-маргинального языка, а сленг — как более открытая, динамичная и стилистически окрашенная разновидность разговорной речи, используемая в повседневном общении [Leech 1974: 105],

1.3. Сленг и современная молодежь

В сегодняшнем мире вряд ли найдется человек, который в той или иной степени не обращался бы к сленговым словам и выражением в своей речи. Сленговые фразы в большинстве своем рождаются и получают дальнейшее

распространение в определенных ситуациях. Каждое время и поколение молодежи требует каких-то новых слов, чтобы выразить свое мнение и взгляд на то, что уже ранее существовало. Это новое видение отражает культурный и исторический контекст, который стремительно меняется и в котором современное молодое поколение входит в свой юношеский период. Это способствовало появлению в сленге молодежи начала XXI века множества новых слов и выражений, которые отразили различные жизненные аспекты [Томас 1987: 109].

Подростковый сленг неустойчив к проникновению лексики, которая свойственна другим профессиональным группам. К примеру, британские подростки по большей части подвержены влиянию американской музыкальной индустрии, комиксов, голливудских фильмов, а также телесериалов. Несмотря на то, что американские подростки так же могут заимствовать слова британского сленга, при этом сохраняется тенденция американизации речи среди молодежи [Иващенко 2021: 48].

В конце прошлого века изменения в социально-экономической и общественно-экономической жизни России привели к тому, что языковая система подверглась так называемой интенсивной «демократизации». Сленг современной молодежи существенно расширил круг своей деятельности как социальный диалект: если раньше он существовал только для устного неформального общения молодежи, то теперь его стали широко использовать СМИ – печатные и интернет-издания, телевизионные медиа и радиостанции. Как подчеркивают исследователи, молодежный сленг из всех социальных разновидностей современного русского языка стал наиболее важным в своем взаимодействии с литературной нормой. Поскольку лингвокультурная ситуация в начале XXI века была довольно нестабильной, в языке широкое распространение получили лексемы молодежного сленга. Потеряв свою социальную прикрепленность, они получают известность в разных социальных группах, а некоторые вскоре начинают развиваться в контексте

литературного языка. Многие ученые по этой причине поднимают вопрос о падении культуры языка, рассматривая данную проблему на общенациональном уровне, а не ограничиваясь молодежной средой [Цекова 2022: 31-32].

Очевидно, что в современном русском языке сленг перестал ограничиваться рамками отдельных социальных или профессиональных групп. Как отмечает лингвист Максим Кронгауз в работе *«Русский язык на грани нервного срыва»*, посвящённой судьбе русского языка и перспективам его развития, сленговые элементы всё чаще звучат в самых разных сферах: в средствах массовой информации, в академической среде, в публичных политических заявлениях. Однако особенно активно подобная лексика используется в молодёжной среде — среди школьников и студентов.

Сленговые выражения придают речи экспрессию, позволяют говорящему подчеркнуть своё отношение к ситуации или предмету разговора, выразить эмоции и настроение. Об этом писал Смирницкий, подчёркивая, что особая эмоционально-экспрессивная окраска появляется у сленга в тот момент, когда он «выходит за пределы ограниченной группы и начинает функционировать на более широкой арене» [Смирницкий 1956: 201]. Важно, что сленг обогащает разговорную речь, делая её более живой и выразительной, но при условии уместного использования.

Если жаргон традиционно ассоциируется с криминальной средой, то сленг воспринимается как языковая характеристика молодёжи. Молодёжный сленг обслуживает коммуникативные потребности определённой возрастной категории и используется прежде всего для неформального общения внутри своей социальной группы. Чаще всего исследователи выделяют его в отдельный пласт, используя термин «молодёжный жаргон» как синонимичный. При этом определить само понятие «молодёжь» затруднительно: чётких возрастных рамок не существует. Тем не менее большинство авторов сходятся во мнении, что активная фаза употребления

сленгизмов приходится на возраст от 14 до 26 лет, то есть на период школьного и студенческого обучения [Вахитов 2001: 19].

Интересным художественным примером использования молодёжного сленга является роман Энтони Бёрджеса «Заводной апельсин». Его герои-подростки общаются на искусственно созданном языке — *Nadsat*. Лексика этой системы демонстрирует уровень образования и воспитания персонажей, а также передаёт атмосферу криминализованного быта определённой группы лондонской молодёжи. Читатель не может понять значение этих слов без обращения к специальному словарю, что создаёт ощущение иной реальности, в которую он оказывается включённым. Более того, понимание вымышленных сленгизмов сближает читателя с героями, формируя эффект принадлежности к их кругу [Хэмп 1979: 288].

В целом, использование молодёжного сленга в литературе и кинематографе придаёт персонажам речевую подлинность и естественность. Их речь воспринимается как «трушная» (от англ. *truth* — «хақиқат»), то есть настоящая и достоверная, что особенно важно для восприятия произведения молодёжной аудиторией [Бегидова 2019: 79].

Язык молодёжи связан с выражением эмоциональной оценки. В две тысячи семнадцатом году Центр творческого развития русского языка, в Экспертном совете которого присутствуют российские писатели и лингвисты, представил список самых употребляемых слов года, среди которых были, в том числе эмоционально окрашенные слова молодёжного сленга: *хайп* (шумиха - мағал) и *баттл* (соревнование между исполнителями рэп-музыки – рақобат байни рэп-сарояндагон).

Позднее слово хайп и его производные (хайповый — муноқишавӣ, хайпиться — ғавғо кардан) стали активно использоваться не только подростками, но и взрослыми: они звучали в телевизионных эфирах, на радио, в социальных сетях и в устной речи. Причину этого можно усмотреть в стремлении старшего поколения «оставаться в теме» — демонстрировать

современность, сохранять интерес для молодёжи и тем самым сокращать дистанцию с ней. Значительную роль в популяризации данной лексемы сыграли и средства массовой информации, о чём речь пойдёт далее [Вахитов 2001: 21].

В аннотации к «Толковому словарю молодёжного сленга» Никитина подчёркивает, что словарь адресован не только лингвистам, но и представителям других наук — психологам, социологам, а также «родителям, не всегда понимающим язык, на котором говорят их дети» [Никитина 2003: 2]. Таким образом, понимание молодёжной сленговой речи можно рассматривать как условие успешной коммуникации между поколениями.

Подводя итог, отметим, что молодёжный сленг представляет собой особый лингвистический феномен. Как указывает Береговская, его распространение «ограничено не только определёнными возрастными рамками, как ясно из самой его номинации, но и социальными, временными и пространственными рамками» [Береговская 1996: 123]. Язык молодёжи становится наиболее чувствительным индикатором общественных изменений и динамики лексикона.

Говоря о причинах употребления сленга, в книге «Язык и сила в современном мире» приводится пример афроамериканских подростков, для которых словесные игры выполняли функцию своеобразного соревнования, напрямую влияющего на социальный статус в группе [Talbot 2003: 204]. Помимо этого, среди мотивов можно выделить стремление общаться в кругу сверстников, оставаясь непонятыми для «чужих», дистанцироваться от родителей, а также желание подчеркнуть речевую выразительность и творческое отношение к языку, которое ценится в их сообществе [Lakoff 1980: 139].

Наконец, технический прогресс придал молодёжному сленгу новый импульс к развитию. Современные технологии позволяют молодым людям строить личную идентичность и поддерживать социальные контакты, не

прибегая к физическому присутствию [Talbot 2003: 205–206]. В условиях глобальной сети Интернет это стало одним из ключевых факторов эволюции молодёжного языка.

Подростки не подчиняются правилам, они всегда действуют по своим собственным законам, которые выбрали и написали сами. Молодой человек вступает в конфликт между поколениями, он может быть одет в странную одежду, как рокер или скинхед, а его поведение может отличаться от нормального и криминального. Конечно, не существует четкой классификации между различными видами молодежных сленгов, хотя есть, например, слова компьютерного и студенческого стилей, а также музыкальный сленг, но не из них относятся к молодежному сленгу. [LeMay 1985: 121].

Мода, поведение, музыка и язык являются отражением молодежных тенденций. Девушка и юноша уже не являются детьми, они стали взрослыми, и им кажется, что у них есть все возможности. Взрослые, включая родителей, сестер, братьев, педагогов и учителей, помогают молодежи сориентироваться на правильном пути, в то время как молодые люди больше прислушиваются к советам друзей, нежели к родителям и взрослым. Молодежь хочет быть самостоятельной и быстро взрослеть. Для них важными являются известность и значимость среди своего окружения. Если их принимают за своих, растёт уверенность в себе. Девушки, как и юноши, стремятся к идеалам, больше внимания уделяя внешнему виду, чем учебе и образованию.

В подростковом возрасте впервые возникает потребность в том, чтобы скрывать в своей речи некоторые табуированные и понятные лишь близким моменты. Подросток стремится к отделению от общества не только по территориальному признаку, но также и по знаковым системам. Подростки имеют свои нормы и правила поведения, свой стиль одежды, прически и свою культуру, поэтому в процессе формирования молодежного языка для

подростков важным является его специальный словарный запас – молодежный сленг [Беднарская 2009: 37].

Как отмечают ученые, подросток проводит эксперименты со словами, играя с ними: он искажает слова, переоценивает их значение и использует в сочетаниях, где оно не используется. Юность ищет жаргон, когда она достигает половой зрелости. Эти изменения отражаются на языке подростка. Как и язык детей, подростковый язык представляет собой сложную систему, которая была создана с определенными целями и является продуктом сознательного речевого творчества. Молодежь является не только носителями молодежного жаргона, но также и активными его создателями. В подростковом возрасте наступает благоприятная пора для литературного творчества [Беднарская 2009: 43].

Следует сказать, что в возрастной терминологии никогда не существовало однозначности. Трудно определить возрастные рамки для молодежи, так как каждый человек имеет свою уникальность и неповторимость. Все согласны с тем, что в этот период происходят не только психические и физические изменения, но также и связанный с ними языковые изменения.

1.4. Социальная основа лексики молодежного сленга

Язык можно сравнить с живым организмом: он находится в постоянном движении, изменяясь и приспособляясь к новым условиям существования. Словообразование при этом выступает важнейшей частью языкового творчества, отражающей мировосприятие и способ мышления народа.

Номинация в молодёжном сленге осуществляется теми же путями, что и в языке в целом, — через заимствование, аффиксацию и словосложение. Рассмотрим данные процессы подробнее.

Иноязычные заимствования представляют собой один из наиболее продуктивных способов пополнения словаря. Особенность этого пути заключается в том, что уже существующая иностранная основа

приспосабливается к нормам словообразовательной системы русского языка. В процессе адаптации заимствованное слово подвергается аффиксации, в результате чего возникает его русифицированная форма. Исторически наибольший объём заимствований в XVIII–XIX вв. поступал из французского и немецкого языков, что было напрямую связано с реформами Петра I.

В современной ситуации и в русском, и в таджикском языках основным источником пополнения словаря стал английский язык. Основная причина подобных заимствований заключается в отсутствии эквивалентных обозначений в национальных языках, что связано с развитием технологий, массовым распространением социальных сетей и появлением новой бытовой и компьютерной техники. Так, в русский и таджикский языки вошли такие слова, как: *веб-сайт* (от англ. *web* — «паутина» — «тортанакхона» и *site* — «место» — «чой»), *файл* (от англ. *file* — «цепочка» — «занчир»), *миксер* (от англ. *to mix* — «смешивать» — «омехта кардан»), *перепост* (от англ. *repost* — «пересылка» — «ирсол») [Назарзода 2004: 101].

Заимствования связаны и с освоением новых реалий и профессий. Среди них можно выделить: *дайвинг* (от англ. *diving* — «погружение» — «ғўтониш»), *боулинг* (от англ. *to bowl* — «катить» — «ғелондан»), *бейсджампинг* (акроним *BASE: Building* — «здание» — «бино», *Antenna* — «антенна», *Span* — «пролёт моста» — «равоқ», *Earth* — «земля» — «замин» и *jumping* — «прыжок» — «чаҳиш») — экстремальные прыжки с высоты, *копирайтер* (от англ. *copywriter* — «автор рекламных текстов» — «нависандаи матни реклама»), *хедхантер* (от англ. *headhunter* — «специалист по подбору персонала» — «шахсе, ки дар интихоби кадрҳо иштирок мекунад») [Назарзода 2004: 103].

Англицизмы в молодёжном сленге. Как показывают приведённые выше наблюдения, именно английские слова становятся наиболее востребованными среди молодёжи. По словам исследователей, «языковые игры» в этом случае объясняются естественным стремлением «наполнить

семантически пустую и морфологически неподвижную английскую единицу новым русским содержанием». Заимствованные лексемы быстро адаптируются к нормам русского языка и начинают функционировать в его словоизменительной системе. В таджикскую речь такие сленгизмы, как правило, переходят через русский язык практически в неизменённом виде. Так, от английского *repost* образованы существительное *репост* (тадж. *репост*) и глагол *репостить* (*репост кардан*) — пересылать сообщение или публикацию в социальных сетях. Подобных примеров можно привести множество: *чатиться* (*дар чат сӯхбат кардан*), *ретвитить* (*дубора наишр кардани маълумот дар шабакаи иҷтимоии Twitter*), *свайпать* (имову ишораи идоракунии экраном — проводить пальцем по сенсорной поверхности), *расшаривать* (*ба ҳам дидани файл, тасвир, пайванд ва ғайра дар Интернет*) [Джамshedов 2018: 121].

Любопытно, что в русском языке встречаются и случаи образования слов по английским моделям из русских основ. Один из примеров — слово *зацепинг* (от «зацепить»), обозначающее экстремальный способ проезда на поезде, когда так называемые «зацеперы» цепляются за вагон снаружи. Для части молодёжи подобные практики стали своеобразным «развлечением» в поиске острых ощущений [Береговская 1996: 123].

Если иноязычные суффиксы *-er*, *-or*, *-изм* закрепились в русском давно, то суффикс *-инг* появился сравнительно недавно вместе с англицизмами. С его помощью в язык вошли такие слова, как *шопинг* (от англ. *shopping* — «харид кардан»), *спарринг* (от англ. *sparring*) и другие. При этом сразу же возникла проблема орфографии, связанная с написанием удвоенных согласных в подобных заимствованиях.

Необходимо отметить и другой способ заимствования — калькирование, то есть передачу не формы слова, а его структуры. В первом случае речь идёт о полной кальке, например: *вебинар* (от англ. *webinar* — «семинар в сети»), *геймер* (от англ. *gamer* — «игрок»), *онлайн* (от англ. *online* — «в сети»).

Второй вариант — полукалька, когда заимствуется основа: *трудоголик* (от англ. *workaholic*), *программист* (от англ. *to program*). Отдельного упоминания заслуживает явление фонетической мимикрии, когда создаётся звуковая имитация иноязычного слова, что нередко становится формой языковой игры [Джамshedов 2018: 123].

Следует подчеркнуть, что дефицит терминов в русском и таджикском языках не является единственной причиной широкого проникновения англицизмов. Важным фактором служит статус английского языка как универсального средства межкультурного общения, изучаемого во многих странах с раннего возраста. Свою роль играет и доминирующее влияние британской и американской культур, воспринимаемых молодёжью как «модные» и престижные. Музыкальная индустрия, кинематограф, телевизионные шоу, а также YouTube- и Instagram-блогеры транслируют стиль жизни, который становится образцом и в значительной степени формирует речевые привычки молодых людей [Береговская 1996: 124].

Аффиксация. Под аффиксацией понимается образование новых слов при помощи различных суффиксов и приставок. В молодёжном сленге этот способ чрезвычайно продуктивен и использует как традиционные модели словообразования, так и оригинальные модификации. Так, от существительного прикол («шутка, розыгрыш») формируется целый ряд производных: приколист, прикольщик (шутник, юморист), прикалываться («подшучивать, насмехаться»), прикольно («весело, оригинально, с юмором»), прикольный («забавный, достойный иронии») [Котелова 1973: 49].

Префиксация как особый вид аффиксации широко представлена в молодёжном языке благодаря приставкам без-/бес-. Примеры этого механизма — слова беспонтовый («никчёмный, малозначимый») и безбашенный («ведущий себя как безумец») [Даниленко 1977: 183].

Что касается суффиксации, то, по наблюдениям Э.М. Береговской, прилагательные, образованные от английских основ, чаще всего формируются с ударным суффиксом -ов-: топовый (от *top*), хитовый (от *hit*), хайповый (от *hype*) — все эти лексемы обозначают «популярный» [Береговская]. Исключение составляет суффикс -лов-о, используемый для образования нарицательных существительных: мочилово («драка»), ширялово («наркотик для внутривенного введения»), стебалово («нечто смешное») [Котелова 1973: 50].

Среди продуктивных моделей словообразования в молодёжном сленге можно выделить целый ряд суффиксов, служащих для образования существительных [Арустамова 2018: 81]:

- -щик: колыщик («предатель»);
- -ник: педушник («студент педагогического института»);
- -ик: пазик («пацифист»);
- -ак/-як: медляк («спокойная мелодия или медленный танец»);
- -ист: приколист («шутник»);
- -ан: полкан («полковник»);
- -уха: степуха («стипендия»);
- -ка: молодёжка («молодёжная сборная команда»).

Метафора и полисемия. Метафора представляет собой троп, основанный на переносе значения слова по принципу сходства или аналогии. В молодёжном сленге этот механизм особенно продуктивен и часто окрашен юмористическим подтекстом. Так, лексема *Пьеро* (персонаж классической комедии) используется в значении «девушка с чрезмерным количеством косметики на лице» (*girl with a lot of makeup on her face*). Слово *ряса* (традиционная одежда священнослужителей) получает новое значение — «любая длинная одежда» (*any long clothes*). Лексема *стручок* (ботанический термин — плод некоторых растений) в молодёжной речи приобретает значение «мужской половой орган» (*male genital organ*).

Важным процессом в молодёжной речи становится и развитие полисемии — многозначности слов. Одно и то же слово может интерпретироваться по-разному в различных социальных группах. Характерный пример — слово *винт*, которое в словарях сленга фиксируется как минимум в шести значениях: «наркотическое вещество», «бутылка водки с винтовой пробкой», «винтовка или огнестрельное оружие», «мужской половой орган», «арест или задержание», «милиционер» [Даниленко 1977: 185].

Усечение и аббревиация. Усечение основы — один из наиболее распространённых способов образования сленгизмов. В отличие от интерфиксации, где основа расширяется, при усечении конечная часть слова опускается. Особенно наглядно это проявляется в студенческом жаргоне: *диссер* (от *диссертация*), *инст* (от *институт*), *универ* (от *университет*), *экз* (от *экзамен*), *студак* (от *студенческий билет*), *препод* (от *преподаватель*), *академ* (от *академический отпуск*).

Распространены также усечённые формы с конечной гласной: *абитура* (от *абитуриент*), *лаба* (от *лабораторная работа*), *общага* (от *общеежитие*), *Челяба* (от *Челябинск*).

Ещё один путь образования новых единиц — использование начальных букв слов, что ведёт к появлению аббревиатур: *ДШИ* (детская школа искусств), *ПТУ* (профессионально-техническое училище). Наряду с этим активно применяется усечение начальных частей слов: *матан* (от *математический анализ*), *журфак* (от *факультет журналистики*), *спислит* (от *список литературы*).

Особого внимания заслуживает форма, при которой к основе прибавляется звук «э». Подобные модификации часто имитируют речь провинциальной или малообразованной молодёжи. Например: *Стопэ, хорош базарить!* («Стоп, хватит ругаться!»); *Всё нормэ, катим дальше* («Всё в порядке, едем дальше»). Такие варианты функционируют как средство

стилистической игры, создавая образ нарочитой «грубоватости» или провинциальности речи.

Словообразовательные метафоры. Под данным термином понимаются случаи переосмысления прямого значения слова, когда производное приобретает переносный смысл. В результате расширяется семантический диапазон лексемы и усиливаются её экспрессивные свойства. Примеры подобного механизма встречаются в молодёжном сленге достаточно часто: *гармошка* — «шпаргалка, сложенная гармошкой на листке бумаги»; *мыльница* — «примитивный фотоаппарат» (по аналогии с мыльницей прямоугольной формы); *бампер* — «ягодицы» (по аналогии с расположением автомобильного бампера).

Антономасия. Ещё один способ словообразования заключается в переходе имён собственных в разряд нарицательных. Наиболее наглядными примерами служат названия известных брендов: *адидасы*, *найки* (от *Adidas* и *Nike* — спортивные кроссовки — *кроссовкахои Adidas ё Nike*), *ливайсы* (от *Levi's* — джинсы марки *Levi's* — *шими чинси бренди Levi's*) [Береговская 1996: 125].

1.4.1. Среда пользователей интернета

Современный человек проводит большое количество времени в Интернете. Общение в Сети является неотъемлемой частью современного человека. С помощью Интернета люди получают необходимые сведения, используют социальные сети, обмениваются информацией, а также играют в различные онлайн-игры.

Благодаря стремительному развитию технической мысли, технологии стали быстро обновляться. Раньше общение в основном происходило на улицах, но оно постепенно перешло в Интернет и сейчас используется большой группой людей, которая именуется «пользователями Интернета». В связи с тем, что пользователям необходимо было постичь новое пространство

общения, они начали активно взаимодействовать в этом пространстве, в результате чего сформировались новые слова. Это привело к образованию новых терминов, которые впоследствии стали называться сленгом.

Как показывают исследования, сегодня основной способ коммуникации среди молодежи — это социальная сеть. Сетевая коммуникация является одним из самых популярных видов общения на планете. Для быстрой коммуникации необходимо быстрое написание сообщений, в связи с чем письма должны быть краткими и лаконичными. Количество слов в одном сообщении не превышает пяти-шести. Это обусловило процесс постепенной выработки и развития интернет-сленга, представляющего собой симбиоз устной и письменной речи.

Согласно мнению Е.М. Бурнаевой и О.П. Ерофеевой, «как и в любой профессии, субкультуре, городе – в интернете появился особый сленг. Когда человек видит непонятные выражения или слова в обычном тексте на страницах интернета, ему интересно и необходимо найти им объяснение» [Бурнаева, Ерофеева 2015: 265].

Язык социальных сетей активно пополняется. В сетевом общении используются профессиональный и другой жаргон, так как в сети люди могут легко и эмоционально выражать своё мнение. Вульгаризмам, как правило, не уделяется внимание образованными людьми, они чаще всего используются людьми низкого интеллектуального или социального уровня, такими как заключенные, торговцы нелегальным товаром, бездомные и другими.

Сленг позволяет программистам и продвинутым пользователям выражать своё мнение о предмете, а также использовать термины и выражения, понятные не только продвинутым пользователям, но и большинству людей. Среди выражений из лексики сленга часто встречаются и нецензурные выражения, что затрудняет идентификацию сленга.

Н. Курчакова пишет, что «пользователи Интернета активно отстаивают право на разные формы самовыражения. Многие сайты осознанно

отстаивают позиции социокультурной маргинальности и считают допустимым использование неформальной лексики. Сегодня они дополняются лавиной посредственной “литературы” – анекдоты, абракадабра на редкостных языках, SMS-переписка, пиктограммы, тексты-пастиши, тексты-заимствования, комбинации текстов на разных (многих) языках и др.» [Курчакова 2018: 203].

Создание литературного произведения требует длительной, кропотливой работы: необходимо глубокое знание языка, развитое чувство стиля и способность к содержательной рефлексии. Однако в условиях современной интернет-коммуникации при наличии различных цифровых инструментов — автоматических переводчиков, словарей синонимов, баз сленга и англицизмов — процесс общения всё чаще приобретает механистический характер. Происходит формирование текстов, где приоритет отдается скорости и краткости, а не глубине выражения мысли.

На сегодняшний день одной из наиболее популярных онлайн-площадок, в которой общается молодежь является приложение TikTok.

TikTok – это популярная социальная сеть, пользователи которой могут обмениваться короткими видеороликами. Именно она стала платформой, где формируется и распространяется американский сленг. В TikTok можно создавать самый разнообразный контент – от танцев до мемов и прочих развлекательных видео. Популярность и широкая аудитория позволили этой цифровой площадке стать весомым источником новых выражений, фраз и слов. Большинство из них очень быстро получают распространение среди пользователей и становятся частью американского сленга.

На основе примеров, взятых из социальной сети TikTok, исследователи выделяют следующие способы формирования сленга:

Деривация или словообразование – образование новых слов от однокоренных. Например, «foodie» (от слова «food» — еда) — человек, хорошо разбирающийся в еде и ресторанной культуре; «Hangry» (сочетание

слов «hungry» (голодный) и «angry» (злой)) – человек, который становится раздражительным и злым от голода.

Заимствования из других языков. К примеру, «ciao» (от итальянского) – «до свидания», «до встречи»; «fiesta» (от испанского) – «вечеринка», «праздник»; bon appétit (от французского) – приятного аппетита.

Полисемия – наличие у слова двух и более значений, которые при этом взаимосвязаны по смыслу и происхождению. Так, к примеру, «lit» может означать «яркий», «подсвеченный» или же являться синонимом слова «отличный», «крутой»; «sick» – может означать «больной» (по состоянию здоровья) или «крутой», «превосходный».

Инициальные сокращения. Например, FYI – «for your information» (к вашему сведению) – передача информации или каких-либо дополнительных сведений; JK – «just kidding» (шучу) – говорит о том, что предыдущее заявление было шуткой; IDK – «I don't know» (не знаю) – подчеркивает незнание или отсутствие информации.

Тмесис – языковое явление, при котором слово делится на две удаленные друг от друга части, между которыми появляются любые другие слова. Например: Abso-freakin'-lutely (абсолютно); fan-freakin'-tastic (фантастический); unbe-freakin'-lievable (невероятный); out-freakin'-standing (выдающийся); awesomely-freakin'-awesome (невероятно потрясающий).

Усечение корней. Например: bro – усечение от «brother» (брат); cuz – от «because» (потому что); kinda – от «kind of» (вроде, типа того); dunno – от «I don't know» (не знаю).

Метонимия – слово, заменяемое смежным понятием. Например: I need to get my wheels aligned – Мне нужно припарковать машину (“wheels” используется в качестве “car” машины); The White House announced a new policy – Правительство объявило о новой политике (“The White House” используется в качестве “government” или “administration”).

Антономазия – замена названия или имени указанием какой-нибудь существенной особенности предмета или отношения его к чему-либо. Например: That movie was a total mind-blower! – Этот фильм был просто потрясающим! (антономазия: «mind-blower» вместо «amazing» или «mind-blowing»); I can't believe he ghosted me, what a total jerk! – Не могу поверить, что он проигнорировал меня. Что за придурок! (антономазия: «ghosted» вместо «ignored» или «disappeared»)

Метатеза – взаимная перестановка звуков или слогов. Например: aksident – accident (происшествие); frustrated – frustrated (недовольный); aks – ask (спрашивать).

Телескопия – сложение двух и более слов. Например: brunch (breakfast + lunch – поздний завтрак или ранний обед); bromance (brother + romance – крепкая дружба двух парней); dramedy (drama + comedy – фильм с элементами драмы и комедии); motel (motor + hotel – придорожный отель) [Казаков 2023: 210-212].

Ряд исследователей объясняет активное проникновение интернет-сленга в речь объективными социально-техническими изменениями. В первую очередь это стремительное развитие компьютерных технологий, а также интеграция сетевых коммуникаций во все сферы повседневной жизни. Поскольку на начальном этапе становления цифровой среды на русском языке отсутствовал соответствующий понятийный аппарат, широко распространилась практика заимствования лексем из английского языка. Так, в русском сленге закрепились такие слова, как геймер (от англ. gamer), браузер (от browser), коннект (сокращённо от connecting — «соединение»), юзер (от user — «пользователь») [Кронгауз 2009: 119].

Развитие компьютерных технологий отразилось не только на формах коммуникации, но и на языке: возникли многочисленные неологизмы, а уже существующие слова приобрели новые значения. Одной из примечательных тенденций виртуальной речи стал феномен так называемого «олбанского

языка» или жаргона падонкафф. Его отличительной чертой являлось намеренное нарушение орфографических норм, использование обценной лексики и переосмысление значений общеупотребительных слов. Данный стиль распространился в русскоязычном сегменте Интернета в начале 2000-х годов, главным образом на форумах и в блогах, где пользователи стремились выделиться за счёт необычного написания и привлекали внимание к своим комментариям.

Бабалова Г.Г. и Широбоков С.Н. выделяют несколько основных функций компьютерного сленга: [Бабалова, Широбоков 2015].

1. Сленг как любой язык объединяет людей с их общими целями и задачами, делает общение внутри коллектива более удобным и доступным, уменьшая пропасть между новичками и продвинутыми пользователями.

2. Важную роль в сленге играет его эмоциональность, которая помогает людям выразить свои чувства, а также оценочные суждения; звучная и живая речь может оживить монотонную профессиональную дискуссию.

3. Сленговая лексика представляет собой культурный код языка, который включает в себя реалии жизни людей и несет в себе огромное количество смыслов для человека.

4. Из-за использования компьютерного сленга, акронимов и сокращений часто используемых в Интернете фраз, время на их написание значительно сокращается. Кроме того, благодаря этой функции пользователи могут вести общение в режиме реального времени, не ограниченного реальным временем собеседника [Бурнаева, Ерофеева 2015: 267].

Наряду с положительным влиянием компьютерного сленга на общение в Интернете, С.П. Семенова и Е.А. Заболотная и ряд других ученых также отмечают и отрицательные стороны таких заимствований [Введенская 2008: 123]:

1) Возможность потерять ценности нашего родного языка. С данным пунктом невозможно не согласиться, так как подменяя сленговыми

выражениями существующие лексические эквиваленты в родном языке, мы не задействуем знания нашего родного языка. Заимствования из других языков при наличии родного эквивалента делают нашу речь менее родной.

2) Возможность подменить свою родную культуру другой культурой в погоне за чужими ценностями. Мы объясняем это тем, что когда мы перенимаем другие лексические единицы, мы также перенимаем другой способ восприятия окружающего мира».

Согласно В. Гумбольдту «язык – не просто средство обмена, служащее взаимопониманию, а поистине мир, который внутренняя работа духовной силы призвана поставить между собой и предметами...» [Гумбольдт 2000: 171].

В молодёжном сленге, используемом в социальных сетях, можно выделить несколько групп:

слова, которые необходимы для общения с пользователями социальных сетей. Например, аккаунт (account) – учётная запись, личный кабинет на сайте. Аватар (avatar) – изображение пользователя в Сети. Директ (direct) – специальный сервис, функционирующий внутри приложения Instagram и предназначенный для общения между обладателями аккаунтов. Пост (post) – запись на стене личного аккаунта или группы в социальных сетях, то есть, короткое сообщение. Свайп (swipe) – жест, при котором гаджет управляется пальцем с помощью движений по экрану в нужном направлении. Лайк (like) – отметка «нравится». Это лишь некоторые слова, которые стали популярными в молодежной среде в социальных сетях [Бурнаева, Ерофеева 2015: 269];

знаки, которые передают чувства и эмоции. Часто для выражения своих эмоций используется смайлик. Через тот или иной смайлик можно передать эмоции в сообщении. 1.))) – смех; 2.) – улыбка; 3. :-* - поцелуй; 4. :-D – смеётся; 5. ;-) – подмигивание; 6. ;-(- плачущий; 7. :-P – дразнится

(показывает язык); 8. :(- обижен; 9. :-@ - злой; 10. :-> - недоволен; 11. :-/ - удивлен; 12. О_о – испуган; 13. (- немного грустно.

Смайлики используются для передачи эмоциональных состояний, поэтому сообщения могут содержать один или несколько смайлов, которые передают состояние пользователя. Например, если собеседник доволен, расстроен, смеется или радуется, то сообщение может быть составлено из одного смайлика; сложносокращенные слова, с помощью которых можно сэкономить время пользователя интернета. Эти слова часто встречаются в текстовых сообщениях и электронных письмах, что неизбежно снижает орфографическую грамотность пользователей социальных сетей: ЧД – что делаешь?; СПС – спасибо; ДР – день рождения; Зд – здорово!; Кд – как дела?; Пж – пожалуйста; Дз сделал? – домашнее задание сделал?; Нра – нравится; Крч – короче.

Мы видим, что сокращения слов стали популярными и удобными для пользователей Интернета. Сокращение слов экономит время и без них общение представляется невозможным, но такая экономия времени приводит к снижению грамотности населения.

Англицизмы - слова, продуктивно используемые молодежью в своей речи, их основу составляют кальки и гибриды. Связано это в основном с информационными и компьютерными технологиями, а также современной попкультурой. Примеры: рили (really) – реально; ок (o'kay) – хорошо; плиз (please) – пожалуйста; загугли (Google) – посмотри в Интернете; респект (respect) – уважаю –; хелп (help) – помощи; изи (easy) – легко.

Следует подчеркнуть, что наибольшее количество заимствованных единиц в сленге, функционирующем в русскоязычной и таджикоязычной интернет-среде, связано именно с английским языком. Эта тенденция объясняется не только возрастающим влиянием западной культуры, но и объективной ролью английского как основного языка глобальной сети. Он

стал универсальным инструментом коммуникации в цифровом пространстве, что неизбежно отразилось на лексике пользователей.

Наиболее распространённые заимствования включают: *админ* — сокращённая форма от *администратор* (англ. *administrator*), *юзер* — обозначение пользователя (англ. *user*), *инет* — разговорное сокращение от слова *интернет*, *онлайн* — статус присутствия в сети (от англ. *online*), *контент* — наполнение, информационное содержание сайта или страницы (от англ. *content*). Подобные слова прочно вошли в повседневную речь пользователей, особенно в молодежной среде, где стираются границы между формальной и неформальной лексикой.

Иллюстрацией подобного использования может служить вымышленный диалог: «Мне срочно нужен нормальный инет — нужно отснять концерты! Да и фильмы заценить онлайн, когда в дороге или на перекуре. А ты вечно только жалуешься, ничего годного в контент не добавляешь».

Данный пример отражает не только активное употребление заимствованной лексики, но и особенности речевого поведения, характерные для интернет-коммуникации: эмоциональность, стремление к лаконичности и экспрессии, частое использование англицизмов как элементов стильной, «продвинутой» речи [Ковалева 1983: 78].

Сленг, формирующийся в пространстве социальных сетей, во многом базируется на заимствованиях, возникающих именно в этой коммуникативной среде. Наиболее характерными примерами являются слова *лайк* — «отметка ‘мне нравится’» (*like*), *лайкнуть* — «выразить одобрение» (*like*), *коммент* — «комментарий» (*comment*), *комментить* — «оставлять комментарий» (*leave a comment*). В текстах пользователей встречаются такие высказывания, как: «Когда увидела 300 с копейками лайков — подумалось, будто это под её комментарием... стало таки страшно... Ну и конечно Филдеву комментить, сидя на работе, опять же, если перерыв» (*When I saw more than 300 likes, I thought it was under her comment... it became scary... And of course,*

comment on Fildeva while sitting at work, but if there's a break). Другой пример иллюстрирует эмоциональную окраску речи: «Твои беспонтовые комменты, без причины наполненные хамством и матом, противны большинству подписчиков» [Ковалева 1983: 83] (*Your bad comments for no reason, filled with rudeness and obscenities, are disgusting to most subscribers*).

В современных реалиях интернет-общения особое распространение получают сленговые выражения, оформленные в виде разнообразных аббревиатур. Эта форма языковой экономии стала неотъемлемым элементом цифрового дискурса, благодаря своей компактности и экспрессивности. При этом подобные аббревиатуры могут быть как прямыми заимствованиями из английского языка, так и результатом калькирования на русскую графику, но без адаптации к грамматическим нормам.

Характерной чертой подобного сленга является его многозначность, зависимость от контекста и ироничный подтекст. Примером может служить следующая фраза: «Грамотный, конечно, ошибку заметит, а вот воспитанный не станет упрекать. ИМХО — просто сразу зарядит по башке, с разворота». Здесь *ИМХО* используется не только как сокращение, но и как элемент стилистической игры, подчеркивающий субъективность высказывания.

Подобные языковые формы демонстрируют, как интернет-пространство создаёт собственные нормы коммуникации, где сокращения становятся не просто средством экономии текста, но и носителями дополнительного смысла, иронии или даже агрессии. Этот феномен отражает глубокие процессы трансформации языка в цифровую эпоху, где границы между традиционной речью и виртуальной экспрессией становятся всё более размытыми.

В связи с постоянными изменениями в компьютерном мире и обществе, официальные слова чаще всего сохраняют свою актуальность, но когда речь идет о сегодняшней оценке людей, то лексика постоянно обновляется, «обрастая» новыми единицами. В связи с растущим спросом на виртуальное

общение, использование сленга как средства коммуникации и взаимодействия стало особенно актуальным. Он не только помогает пользователям сети общаться и обмениваться информацией, но также является своего «скрытой» лексикой для тех, кто использует компьютеры в настоящее время, представляя собой некую «визитную карточку» того мира, в котором они находятся, а также отражает их взгляд на компьютерный мир в целом.

Самадова С. С. отмечает, что в процессе использования современных технологий «слова, относящиеся к различным частям речи, участвуя в формировании синтаксических единиц ... меняют свою семантическую и функциональную характеристику» [Самадова 2017: 143].

Ж.М. Рагрина и С.П. Турковский считают, что «компьютерный сленг развивает у пользователей лень и безграмотность, потому что слова очень часто подвергаются сокращениям и коверканьям “на свой лад”, забываются простые правила пунктуации и правописания, когда пропускаются запятые или слова заведомо пишутся неверно (“круть”, “спс”, “пажалста”))» [Юрина 2017: 63].

С этой точки зрения мы согласны, что изменения в нашей повседневной речи и общении в Интернете являются строго индивидуальными, однако спорить с этим нельзя, потому что это является одной из основных функций сленгизмов для общения в Интернете.

В молодёжной среде сленг практически не подвержен контролю, поскольку сами подростки и юношество активно используют его в повседневной коммуникации, особенно в интернет-сообществах, где он быстро распространяется. В этой связи, на наш взгляд, важно формировать у молодых людей чувство уважения и привязанности к родной культуре и языку. Взрослому поколению, участвующему в сетевом общении, не следует опускаться до уровня небрежного «анальфabetного» письма и переходить на чрезмерно упрощённые сленговые формы. Напротив, необходимо

стимулировать развитие языкового чутья, формировать внимательное отношение к слову и расширять словарный запас молодого поколения.

Проведённое исследование показало, что использование социальных сетей имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, оно позволяет экономить время, способствует развитию коммуникативных навыков и облегчает взаимодействие. С другой стороны, постоянное использование сетевых ресурсов может негативно сказаться на пользователях, особенно на подростках и молодых людях. В частности, не формируются полноценные навыки устной диалогической и монологической речи, снижается уровень орфографической грамотности, возрастает число случаев некорректного или агрессивного поведения в виртуальной среде. Более того, чрезмерное пребывание в социальных сетях нередко отражается не только на физическом здоровье, но и на психическом состоянии молодёжи.

С нашей точки зрения, сленг не должен становиться нормой для современного информационного общества. В виртуальной коммуникации его допустимо рассматривать лишь как вспомогательный инструмент, используемый в определённых условиях. При этом молодёжь должна осознавать двойственную природу сетевого сленга, уметь критически оценивать его влияние и выявлять как положительные, так и отрицательные стороны собственной активности в цифровом пространстве.

1.4.2. Средства массовой информации

Общение с ровесниками и пребывание в молодёжной среде — далеко не единственный источник появления и распространения сленговых выражений.

Англоязычный сленг начал входить в языковое употребление благодаря газетам еще с давних времен. В 1862 году в шотландском издании «Каледониан Меркюри» («Caledonian Mercury») впервые появилось выражение, которое используют жители Новой Англии – «skedaddle», что в переводе означает «убегать». Оно было употреблено в предложении: «Пока,

приятель, я убегаю отсюда». Первично слово означало торопливое отступление солдат, проникнутых паникой, однако уже через месяц сленгизм начали использовать повсюду.

В газету «Таймс» («Times») начали поступать письма с новостями про этимологию этого выражения. Вскоре их перепечатали несколько провинциальных изданий. Британский журнал «Панч» («Punch») и другие юмористические издания тут же ввели сленгизм «убегать» в лексикон своих американских героев [Лисяк 2020: 254].

Возникновение новых тенденций стало возможным в том числе благодаря СМИ. Непрофессионалы начали употреблять в своей речи термины, которые ранее входили в лексикон закрытых социальных групп. Например, выражение «to go into a flat spin» появилось как авиационный термин для обозначения потери контроля над самолетом, однако со временем фраза вышла за профессиональные границы употребления и сегодня означает «потерять ориентацию, растеряться». В 1949 г. в журнале «Американ Спич» (American Speech) появилась фраза: «I don't buy that idea» – «Я на это не куплюсь». По словам автора статьи, если заинтересованный человек «купился», это означает, что он поверил аргументам без подтверждения [Лисяк 2020: 255].

Кроме того, средства массовой информации обусловили возможность миграции лексики, а также ее интерференцию в англоязычной среде. Так, к примеру, географическая удаленность Австралии сделала бы невозможными процессы распространения и роста популярности австралийского сленга, которые наблюдаются сегодня. Например, выражение «dob in» – «скинуться, устроить складчину» распространилось и стало популярным, будучи частью австралийского сленга. В публицистике также встречается выражение «piss off» – «рассердиться»: «They all got pissed off at us» – «Они были рассержены на нас».

Мы можем рассматривать сленгизм «мачо», опираясь на его этимологию, в качестве примера миграции лексики. Эта лексическая единица появилась в испаноязычных странах. В 1964 году это слово уже использовалось авторами журнала «Панч» («Punch») – журналисты описывали «мужество, возмужалость» в контексте иронии и скепсиса.

В громких заголовках газетных текстов и при передаче прямой речи нередко употребляются сленговые выражения наподобие «cop» вместо «policeman», «foe» вместо «enemy», «to irk» – вместо «to irritate». В качестве примера можно привести заголовок «don't Shoot: The Culture of Cops and Guns» – «Не стрелять: Копы и оружие». Jack Ryan said: «Cops, at least most of them, don't like to shoot their guns» – Джек Райан сказал: «Копы, по крайней мере большинство из них, не любят использовать оружие» [Лисяк 2020: 256].

Влияние средств массовой информации на формирование языковой нормы сложно переоценить: ежедневно люди читают газеты, журналы или их электронные версии, чтобы следить за новостями и событиями. Даже не задумываясь над используемыми языковыми средствами, читатель формирует представление о том, какой язык является правильным и нормативным. При частом столкновении с жаргонизмами, просторечием или обценной лексикой аудитория постепенно начинает воспринимать их как допустимые формы речи. В книге «Русский язык на грани нервного срыва» М.А. Кронгауз неоднократно обращается к журналу Афиша, называя его «создателем и законодателем словесной моды» [Кронгауз 2009: 62]. Исследователи подчёркивают, что «медиа выполняют важнейшую задачу — информируют общество и одновременно участвуют в идеологических процессах».

В советский период медийные тексты — будь то телепередачи, газетные или журнальные публикации — проходили строгую цензуру и тщательное редактирование. Однако с распадом СССР в постсоветских республиках, включая Таджикистан, начался процесс демократизации

публицистического стиля, что привело к активному проникновению просторечных слов, жаргонной и обесцененной лексики в публичное пространство. Особенно заметной эта тенденция стала в интернет-изданиях, которые свободно используют как иностранные заимствования, так и сленговые выражения.

Примеры подобной лексики можно найти в заголовках современных СМИ:

«Лаконичные шоперы, остромодные торбы и минималистичные „полумесяцы“» (*Laconic shoppers, trendy bags and minimalist “crescents”* — речь идёт о женских сумках разных форм);

«Глянец и глиттер: какие губы сейчас в моде» [Симонова 2017: 12] (*Gloss and glitter: which lips are in fashion now* — «глянец» и «глиттер» означают блеск и блёстки);

«Видео: продюсеры The Village одеваются за косарь» [Симонова 2017: 12] (*Video: The Village producers dress for a thousand (dollars)* — «продюсерҳои The Village ба ҳазор (доллар) либос меҳаранд*).

Таким образом, роль средств массовой информации в формировании языковых норм очевидна, однако их влияние нельзя считать эталонным. Несмотря на культурно-просветительскую функцию, СМИ всегда стремятся к экспрессии и выразительности, что неизбежно приводит к выходу за рамки строгих языковых стандартов.

1.4.3. Среда и культура хип-хопа

Хип-хоп-сленг, будучи элементом средств коммуникации в рамках субкультуры, является инструментом языкового кода и средством субкультурного кодирования. Исторически хип-хоп возник в афроамериканских кварталах Бронкса, однако сегодня он всё чаще заявляет о себе как о мультикультурном стиле жизни. К этой культуре присоединяется и белая молодёжь, перенимающая особенности афроамериканского английского, отличающегося вариативностью грамматики [Выготский 2016:

152]. Подобный «чёрный английский» воспринимается молодыми людьми как символ «крутизны».

Согласно ряду исследований, в англоязычной хип-хоп-лирике нередко преобладает тема денег и богатства, а также желания иметь благосостояние. В американской рэп-лирике часто встречается такой сленгизм, как «сгеат», обозначающий понятия «деньги». Данная лексема, по мнению исследователей, стоит в синонимичном ряду sugar (сахар) – lolly (леденец, эскимо, угощение) – gravy (сладкий соус) – sweetener (подслащивающее вещество). В языковой картине мира американского рэпера эти лексемы используются в значении «деньги», поскольку отражают понятия, которые обладают способностью менять положение дел в лучшую сторону, «подслащивать». Это есть нечто существенное, что способно придавать особый вкус, особое удовольствие. Этот ряд ассоциативных представлений мотивирует и способствует появлению в сознании новой сленговой единицы «сгеат» в значении деньги.

Еще один пример – глагол flow (течь) – литься, струиться в каком-то направлении в рэп-лирике ассоциируется с постоянным увеличением финансовых объемов («денежный поток», «деньги текут»). Представление постоянного, направленного денежного движения – это, по выражению Р. Лангакера, абстрактное движение, и суть этого движения, его общая характеристика, сравнивается с такими же общими характеристиками знакомых нам ситуаций конкретного действия: течь, протекать. Оптимальным образом «подходящим», т.е. тождественным по своему семантическому типу (профилю), оказываются глаголы протекания, среди которых наиболее нейтральный – течь. Это и есть в самом общем виде механизм метафоры, который сродни аналогии, действует в грамматике. Другими словами, в данном случае действует метафорический способ появления сленга, основанный на принципе аналогии, только действующий в семантике.

Метафорическое переосмысление общеупотребительной лексики предполагает комплекс лингвистических и экстралингвистических знаний. Существенным моментом при всем этом является то, что для каждого конкретного индивида в конкретных условиях важна только одна из этих граней, она и выбирается для каждого конкретного случая в зависимости от когнитивного потенциала пользователя, частично обусловлена культурой и частично связана с нашим прошлым опытом [Ганиева 2017: 75].

В 2018 году международная исследовательская компания Nielsen, занимающаяся анализом потребительских рынков, опубликовала отчёт, согласно которому хип-хоп был признан самым популярным музыкальным жанром в мире. В ряде случаев его обозначают как синоним термина «рэп». Большинство скачанных в сети музыкальных альбомов в тот период принадлежало именно представителям этого направления [Ганиева 2017: 75].

Данные музыкального рынка подтверждают общемировую тенденцию. Так, по статистике крупнейшей российской цифровой платформы VK Music и музыкального канала BOOM, в 2018 году лидерами по числу прослушиваний оказались именно хип-хоп-исполнители. Основная аудитория данного жанра — молодёжь, что делает изучение хип-хоп-культуры особенно важным в рамках анализа молодёжного сленга, поскольку именно через неё активно распространяются новые лексические формы.

Одним из ключевых событий на российской рэп-сцене стало состоявшееся в августе 2017 года состязание (рэп-баттл) между Охххуmiron и Гнойным. Это выступление вызвало широкий резонанс: к нему проявили интерес не только поклонники жанра, но и федеральные СМИ, охарактеризовавшие его как «великую дуэль». Цитаты из текстов обоих участников быстро разошлись по интернет-изданиям и вошли в повседневный обиход. Показательно, что один из участников — Слава КПСС (Гнойный) — был приглашён на телеканал «Культура» в программу Михаила Швыдкого «Агора», где вёл дискуссию с писателем, профессором, депутатом

Госдумы и музыкальным продюсером. Ведущий отметил: «Мы не хотим вас уничтожать или хвалить, мы хотим вас понять».

Этот эпизод стал показателем изменений в восприятии молодёжной субкультуры старшими поколениями. Если ранее рэп-баттлы и сами исполнители воспринимались исключительно в негативном ключе, то упомянутое событие пробудило интерес к феномену рэп-культуры как части культурной жизни общества. Более того, у филологов появилась новая область исследований. Так, С. Друговейко-Должанская, член Совета по русскому языку и преподаватель СПбГУ, подчеркнула: «Баттл рэперов Оксимирона и Гнойного открыл филологам новый пласт культуры, заговорили о новом жанре литературы» [Хомяков 2009: 107].

Причина неоднозначного отношения к рэпу во многом кроется в текстах песен, где часто встречается обценная лексика и криминальный жаргон. Особенно это касается направления гангста-рэп, для которого характерны антисоциальные мотивы и провокационные тексты, вызывавшие опасения относительно их влияния на подростков [Левашов 1997: 63]. Вместе с тем именно табуированные темы и использование ненормативной лексики во многом обусловили его популярность среди школьников и студентов [Burkhardt 2019: 83].

Русский молодёжный сленг активно используется и в Таджикистане. Так, исследование сервиса «Яндекс.Музыка» 2018 года выявило наиболее типичные и нетипичные слова русского рэпа. Среди наиболее характерных оказались сленговые выражения, широко распространённые и в таджикской молодёжной среде: *пацан* — (*бача, boy*), *хата* — (*хона, home*), *тачка* — (*мошин, car*), *хейтер* — («человек, испытывающий ненависть к кому-либо или чему-либо» — *бадбинӣ нисбат ба шахс ё ширкат*), *базарить* — (*gap задан, speak*). В текстах нередко встречается антономасия — переход названий брендов в разряд нарицательных: *найки* (*Nike*), *айфоны* (*iPhone*), *мерины* (*Mercedes-Benz*), *бумеры* (*BMW*).

Сервис также сравнил характерные слова, используемые 1991-2018 годы. Всего было выделено пять периодов:

1991-2000 радио, слог, уличный, лирика, городской

2000-2005 награда, драка, битва, истина, братец

2006-2010 рэпчик, мэн, студия, мутить, убиваться

2011-2015 панч, айфон, почерк, музло, вата

2016-2018 хайп, блант, детка, кэш, тур

Анализ динамики расширения использования сленгизмов позволяет сделать вывод о том, что последние два периода наглядно показывают преобладание заимствований из английского языка в текстах, которые проникают в речь молодёжи.

В таджикской молодежной среде также можно отметить интенсивное употребление сленга и заимствований в своей речи, причем, лексика активно заимствуется как из английского, так и русского языков. Сленговая лексика перешла не только в разговорную речь, но даже в песни, стихи. Одной из главных причин этого процесса является повышенный интерес молодого поколения к рэп-культуре в последние годы. Показательны тексты песен отечественных хип-хоп исполнителей, например, Lamaster и Sweetboy: Мора меган South sidaz lamaster да сахна / Мо мехонем репи точик арусак мешава гизала / Намешава пушаймон намашева хайрон / Баробари репи точик шерои нара бычымбон [<https://pesni.guru>]. - Нас зовут South sidaz lamaster на сцене / Мы читаем таджикский рэп девушка будет довольна / Не пожалеет, не удивиться / Наравне с таджикским рэпом заставит двигаться парней - Our name is South sidaz lamaster on stage / We read Tajik rap, the girl will be happy / Won't regret it, won't be surprised / Along with Tajik rap, it will make guys move

В качестве примера можно также привести тексты других молодых рэперов, например, Abada: Клубда шиштагиём да столик кати кенто / Тамошо када дуд дода сигаретой Кент / Abada Далер Искандар хами доля / Беҳа да бармон Павел барфак Воля / Советский як Испечак як ду Зарафшон /

Респекти ма шумода Душанбе Тоҷикистон - Мы сидим с кентами в клубе за столом / Рассматривая дым от сигарет «Кент» / У Abada - Далер Искандар – такая доля / Беҳа рядом с нами - Павел «Снежок» Воля / Советский – раз, Испечак – раз, два – Зарафшон / Мой респект вам Душанбе Таджикистан - We are sitting with friends at a table in a club / Looking at the smoke from Kent cigarettes / Abada - Daler Iskandar has such a share / Beha next to us - Pavel “Snowball” Volya / Sovetskiy - one, Ispechak - one, two - Zarafshan / My respect to you Dushanbe Tajikistan.

1.4.4. Общение как процесс обмена сленговой лексикой

Сегодня сленг прочно закрепился в интернет-коммуникации как среди англо- и русскоязычной молодёжи, так и в таджикской среде. Причины этого процесса достаточно очевидны.

Первая причина — бурное развитие компьютерных технологий и их внедрение во все сферы общественной жизни. Русский и таджикский языки часто не располагают достаточным количеством терминов для обозначения новых цифровых реалий, и поэтому активно заимствуют англоязычные единицы. Именно по этой причине широко используются такие слова, как юзер (от англ. user — «пользователь», тадж. корбар), браузер (от англ. browser — «программное обеспечение для просмотра веб-страниц», тадж. нармафзори дидани web-саҳифаҳо), гифка (графический файл формата GIF), дивайс (от англ. device — «техническое устройство», тадж. ҳар гуна дастгоҳи техникӣ).

Вторая причина связана с массовым доступом к Интернету и активной межкультурной коммуникацией, что обусловлено глобализацией культуры. Сленг в таких условиях выполняет экспрессивную функцию, придавая речи эмоциональность и выразительность.

Глобализация культурного пространства способствовала резкому увеличению доступности зарубежного контента — фильмов, музыкальных треков, молодёжных движений и клубной культуры, что, в свою очередь,

привело к пополнению сленгового слоя языка. Так, например, в обиход вошли термины артхаус (от art house — буквально «дом искусства»), спойлер (от to spoil — «испортить», обозначает преждевременное раскрытие ключевой информации о сюжете), трейлер (краткий видеоролик-анонс), мем (вирусное изображение, видеоклип или фраза, распространившаяся в интернет-пространстве с высокой скоростью) [Crystal 2003: 219].

Отдельным фактором формирования новой лексики выступает популяризация здорового образа жизни и навязанный медиасредой культ физической привлекательности. На этом фоне появляются выражения, уместные в фитнес-среде: «У меня есть крутая прога для стрейчинга твоего боди» (имеется в виду программа для растяжки), «ты сегодня в раме?» (вопрос о том, будет ли человек играть на воротах, если речь идёт о спортивной игре) [Фурманова 1994: 31].

Главными источниками пополнения молодёжного сленга выступают ровесники, через которых представители молодого поколения в процессе общения пополняют свой словарный запас; средства массовой информации, особенно интернет-издания, в работе которых для выражения экспрессии и красочности очень часто используются жаргонизмы и обесцененная лексика; культура хип-хопа, ассоциируемая в молодежной среде с «крутостью»; Интернет, развитие которого отражается на языке общения людей, и генерирующий в своем пространстве ход возникновения сленговых форм.

Виртуальная коммуникация требует стремительного обмена информацией и мгновенной эмоциональной реакции. Это обуславливает появление специфических выражений, упрощающих и ускоряющих процесс общения: *узбагойся* (ироническая форма от «успокойся»), *аааа* (возглас боли или паники), *WTF* (аббревиатура от What The Fuck, выражающая негативное удивление), *шикардос* (иронически-положительная оценка), *зашибись* (высшая степень удовлетворения), *обломно* (о чувстве разочарования), *гы*

(смех с оттенком иронии), ммм (обозначение заинтересованности или удовольствия) [Хомяков 2009: 111].

Таким образом, интернет-сленг формируется под влиянием цифровизации, межкультурных контактов и специфики виртуального общения. Он становится неотъемлемой частью современной речевой практики, отражая изменившиеся нормы восприятия, стилистики и выразительности.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод: компьютерный сленг имеет многогранный характер и развивается параллельно с такими сферами нелитературного языка как профессиональные термины, жаргонизмы, вульгаризмы и др. Распространение сети Интернет в подавляющем большинстве регионов планеты обуславливает широкое использование компьютерного сленга среди различных социальных групп. Благодаря широкому распространению английского языка во всем мире, можно сделать вывод о том, что многие люди пользуются сленгом в различных областях: начиная от обычного пользователя соцсетей и до программиста, работающего в компьютерном бизнесе.

Выводы по первой главе

В лексиконе сленга содержится широкий набор сниженных оценочных терминов и лексики, имеющей выраженную эмоциональную окраску, которые широко используются в разговорном языке и выходят за пределы литературного стандарта. Сленг в молодежной среде постоянно меняется и используется для общения между людьми, особенно свободно в кругу, состоящем из знакомых или друзей.

Впервые в письменной форме сленг появился в Великобритании в XVIII столетии. Сленг, в частности молодёжный, берёт своё начало с XIX века. В таджикском языке само понятие «сленга» появилось только в XX столетии. В исследуемых языках, несмотря на общее социально-политическое, политическое и другое происхождение, сленг имеет некоторые различия. В русском языке большое количество заимствований происходит из английского, в то время как в таджикском – основным источником заимствований является русский язык.

Сленг появился благодаря возможности обозначить через него какие-либо несуществующие в языке явления. В то же время, отсутствие стандартизированных терминов в некоторых областях жизнедеятельности в таджикском и русском языках приводит к широкому распространению заимствований среди молодежи.

В зависимости от сферы употребления, сленг делится на: а) общий сленг, который имеет широкое распространение в речи и б) специальный сленг - специфическая социальная или профессиональная лексика: молодёжный, военный, журналистский или компьютерный сленг, уголовный жаргон и др.

Технический прогресс привел к тому, что главным способом коммуникации молодежи во всём мире стали интернет-ресурсы. Из-за необходимости быстро и точно выражать свои эмоции в соцсетях возникла необходимость использовать сленг, лексика которого отличается

лаконичностью и краткостью. Молодежный сетевой сленг включает в себя несколько групп слов, которые необходимы для общения на страницах социальных сетей: это слова, предназначенные для выражения эмоций (смайлы), а также сложные сокращения слов, которые экономят время пользователя интернета.

Способы номинации молодёжного сленга такие же, как и у языка в целом. Так, заимствования из английского языка активно вступают в систему словоизменения и спрягаются по правилам русского языка. В таджикский язык эти сленгизмы переходят с русского языка практически без изменений. Главная причина заимствований - отсутствие эквивалентов в родном языке. В образовании сленгизмов также используются: аффиксация, метафорика, полисемия, усечение, аббревиация и антономасия.

Молодёжная лексика пополняется в основном за счет следующих источников: в процессе общения с ровесниками; СМИ, где широко используются жаргонная и обесцененная лексика, частое использование которой создает у аудитории ложное впечатление о том, что они говорят правильно; культура хиппи, которая ассоциируется с «крутостью». Одной из главных причин популярности рэп-музыкантов является обсуждение запрещенных тем и использование сниженной лексики; сеть Интернет, генерирующий в своём пространстве различные сленговые новшества, что отражается на языке общения людей.

Общение молодежи изобилует моментами, имеющими эмоциональную окраску и требует своего выражения в языке. Благодаря использованию сленговой лексики речь молодёжи становится более эмоциональной и позволяет передать настроение говорящего, его отношение к происходящему или обсуждаемому вопросу. В молодёжном сообществе сленг используется в качестве языка игры, которая влияет на статус человека в социальной иерархии. Среди других возможных причин можно назвать желание молодых людей общаться, оставаясь непонятыми для посторонних лиц, а также

стремление к языковому творению, которое могло бы быть оценено в социальной среде [Снигеров 2001: 177].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что сленг представляет собой одну из форм разговорной речи, которая отличается от норм литературного языка и функционирует преимущественно в неофициальном общении. Эта языковая форма носит системный характер и развивается внутри отдельных социальных или возрастных групп. Особенно ярко сленговая речь проявляется в лексиконе молодежи, формируя так называемый молодежный социолект. Под этим термином подразумевается особая разновидность языка, типичная для возрастной категории примерно от 12 до 25 лет, которая формируется как средство самоидентификации и противопоставления себя старшему поколению, а также официальным языковым нормам.

Молодёжный сленг отличается тем, что носит преимущественно разговорный, нередко эмоционально насыщенный и даже нарочито фамильярный характер. Он подвержен постоянной трансформации: одни выражения исчезают, другие, напротив, стремительно входят в обиход, отражая актуальные культурные и технологические тенденции.

Таким образом, сленговая речь — это не просто отклонение от литературной нормы, а динамичный, живой компонент современного языка, чутко реагирующий на социальные, культурные и технологические изменения. Молодёжный сленг, в свою очередь, выполняет важную функцию в формировании групповой идентичности и отражает специфику коммуникации в цифровую эпоху.

ГЛАВА II. СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ СЛЕНГА В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ

2.1. Основные источники номинации в молодежном сленге.

Язык можно сравнить с живым организмом: он находится в постоянном движении, изменяясь и приспосабливаясь к новым условиям существования. Словообразование при этом выступает важнейшей частью языкового творчества, отражающей мировосприятие и способ мышления народа.

Номинация в молодёжном сленге осуществляется теми же путями, что и в языке в целом, — через заимствование, аффиксацию и словосложение. Рассмотрим данные процессы подробнее.

Иноязычные заимствования представляют собой один из наиболее продуктивных способов пополнения словаря. Особенность этого пути заключается в том, что уже существующая иностранная основа приспосабливается к нормам словообразовательной системы русского языка. В процессе адаптации заимствованное слово подвергается аффиксации, в результате чего возникает его русифицированная форма. Исторически наибольший объём заимствований в XVIII–XIX вв. поступал из французского и немецкого языков, что было напрямую связано с реформами Петра I [Ахманова 2004: 11].

В современной ситуации и в русском, и в таджикском языках основным источником пополнения словаря стал английский язык. Основная причина подобных заимствований заключается в отсутствии эквивалентных обозначений в национальных языках, что связано с развитием технологий, массовым распространением социальных сетей и появлением новой бытовой и компьютерной техники. Так, в русский и таджикский языки вошли такие слова, как: *веб-сайт* (от англ. *web* — «паутина» — «тортанакхона» и *site* — «место» — «чой»), *файл* (от англ. *file* — «цепочка» — «занчир»), *миксер* (от англ. *to mix* — «смешивать» — «омехта кардан»), *перест* (от англ. *repost* — «пересылка» — «ирсол»).

Заимствования связаны и с освоением новых реалий и профессий. Среди них можно выделить: *дайвинг* (от англ. *diving* — «погружение» — «ғўтониш»), *боулинг* (от англ. *to bowl* — «катить» — «ғелондан»), *бейсджампинг* (акроним *BASE: Building* — «здание» — «бино», *Antenna* — «антенна», *Span* — «пролёт моста» — «равок», *Earth* — «земля» — «замин» и *jumping* — «прыжок» — «чаҳиш») — экстремальные прыжки с высоты, *копирайтер* (от англ. *copywriter* — «автор рекламных текстов» — «нависандаи матни реклама»), *хедхантер* (от англ. *headhunter* — «специалист по подбору персонала» — «шахсе, ки дар интихоби кадрҳо иштирок мекунад»).

Англицизмы в молодёжном сленге. Как показывают приведённые выше наблюдения, именно английские слова становятся наиболее востребованными среди молодёжи. По словам исследователей, «языковые игры» в этом случае объясняются естественным стремлением «наполнить семантически пустую и морфологически неподвижную английскую единицу новым русским содержанием». Заимствованные лексемы быстро адаптируются к нормам русского языка и начинают функционировать в его словоизменительной системе. В таджикскую речь такие сленгизмы, как правило, переходят через русский язык практически в неизменённом виде. Так, от английского *repost* образованы существительное *репост* (тадж. *репост*) и глагол *репостить* (*репост кардан*) — пересылать сообщение или публикацию в социальных сетях. Подобных примеров можно привести множество: *чатиться* (*дар чат сӯҳбат кардан*), *ретвитить* (*дубора наиш кардани маълумот дар шабакаи иҷтимоии Twitter*), *свайпать* (*имову ишораи идоракунии экраном — проводить пальцем по сенсорной поверхности*), *расшаривать* (*ба ҳам дидани файл, тасвир, пайванд ва ғайра дар Интернет*).

Любопытно, что в русском языке встречаются и случаи образования слов по английским моделям из русских основ. Один из примеров — слово *зацепинг* (от «зацепить»), обозначающее экстремальный способ проезда на

поезде, когда так называемые «зацеперы» цепляются за вагон снаружи. Для части молодёжи подобные практики стали своеобразным «развлечением» в поиске острых ощущений.

Если иноязычные суффиксы *-er*, *-or*, *-изм* закрепились в русском давно, то суффикс *-инг* появился сравнительно недавно вместе с англицизмами. С его помощью в язык вошли такие слова, как *шопинг* (от англ. *shopping* — «харид кардан»), *спарринг* (от англ. *sparring*) и другие. При этом сразу же возникла проблема орфографии, связанная с написанием удвоенных согласных в подобных заимствованиях.

Необходимо отметить и другой способ заимствования — калькирование, то есть передачу не формы слова, а его структуры. В первом случае речь идёт о полной кальке, например: *вебинар* (от англ. *webinar* — «семинар в сети»), *геймер* (от англ. *gamer* — «игрок»), *онлайн* (от англ. *online* — «в сети»). Второй вариант — полукалька, когда заимствуется основа: *трудоголик* (от англ. *workaholic*), *программист* (от англ. *to program*). Отдельного упоминания заслуживает явление фонетической мимикрии, когда создаётся звуковая имитация иноязычного слова, что нередко становится формой языковой игры.

Следует подчеркнуть, что дефицит терминов в русском и таджикском языках не является единственной причиной широкого проникновения англицизмов. Важным фактором служит статус английского языка как универсального средства межкультурного общения, изучаемого во многих странах с раннего возраста. Свою роль играет и доминирующее влияние британской и американской культур, воспринимаемых молодёжью как «модные» и престижные. Музыкальная индустрия, кинематограф, телевизионные шоу, а также YouTube- и Instagram-блогеры транслируют стиль жизни, который становится образцом и в значительной степени формирует речевые привычки молодых людей [Ахмадова 2004: 17].

Аффиксация. Под аффиксацией понимается образование новых слов при помощи различных суффиксов и приставок. В молодёжном сленге этот способ чрезвычайно продуктивен и использует как традиционные модели словообразования, так и оригинальные модификации. Так, от существительного прикол («шутка, розыгрыш») формируется целый ряд производных: приколист, прикольщик (шутник, юморист), прикалываться («подшучивать, насмехаться»), прикольно («весело, оригинально, с юмором»), прикольный («забавный, достойный иронии») [Кузнецов 1998: 879].

Префиксация как особый вид аффиксации широко представлена в молодёжном языке благодаря приставкам без-/бес-. Примеры этого механизма — слова беспонтовый («никчёмный, малозначимый») и безбашенный («ведущий себя как безумец»).

Что касается суффиксации, то, по наблюдениям Э.М. Береговской, прилагательные, образованные от английских основ, чаще всего формируются с ударным суффиксом -ов-: топовый (от top), хитовый (от hit), хайповый (от hype) — все эти лексемы обозначают «популярный» [Береговская]. Исключение составляет суффикс -лов-о, используемый для образования нарицательных существительных: мочилов (драк), ширялов (наркотик для внутривенного введения), стебалов (нечто смешное).

Среди продуктивных моделей словообразования в молодёжном сленге можно выделить целый ряд суффиксов, служащих для образования существительных:

- -щик: колыщик («предатель»);
- -ник: педушник («студент педагогического института»);
- -ик: пазик («пацифист»);
- -ак/-як: медляк («спокойная мелодия или медленный танец»);
- -ист: приколист («шутник»);

- -ан: полкан («полковник»);
- -уха: степуха («стипендия»);
- -ка: молодёжка («молодёжная сборная команда»).

Метафора и полисемия. Метафора представляет собой троп, основанный на переносе значения слова по принципу сходства или аналогии. В молодёжном сленге этот механизм особенно продуктивен и часто окрашен юмористическим подтекстом. Так, лексема *Пьеро* (персонаж классической комедии) используется в значении «девушка с чрезмерным количеством косметики на лице» (*girl with a lot of makeup on her face*). Слово *ряса* (традиционная одежда священнослужителей) получает новое значение — «любая длинная одежда» (*any long clothes*). Лексема *стручок* (ботанический термин — плод некоторых растений) в молодёжной речи приобретает значение «мужской половой орган» (*male genital organ*).

Важным процессом в молодёжной речи становится и развитие полисемии — многозначности слов. Одно и то же слово может интерпретироваться по-разному в различных социальных группах. Характерный пример — слово *винт*, которое в словарях сленга фиксируется как минимум в шести значениях: «наркотическое вещество», «бутылка водки с винтовой пробкой», «винтовка или огнестрельное оружие», «мужской половой орган», «арест или задержание», «милиционер».

Усечение и аббревиация. Усечение основы — один из наиболее распространённых способов образования сленгизмов. В отличие от интерфиксации, где основа расширяется, при усечении конечная часть слова опускается. Особенно наглядно это проявляется в студенческом жаргоне: *диссер* (от *диссертация*), *инст* (от *институт*), *универ* (от *университет*), *экз* (от *экзамен*), *студак* (от *студенческий билет*), *препод* (от *преподаватель*), *академ* (от *академический отпуск*).

Распространены также усечённые формы с конечной гласной: *абитура* (от *абитуриент*), *лаба* (от *лабораторная работа*), *общага* (от *общеежитие*), *Челяба* (от *Челябинск*) [Максимов 1992: 505].

Ещё один путь образования новых единиц — использование начальных букв слов, что ведёт к появлению аббревиатур: *ДШИ* (детская школа искусств), *ПТУ* (профессионально-техническое училище). Наряду с этим активно применяется усечение начальных частей слов: *матан* (от *математический анализ*), *журфак* (от *факультет журналистики*), *спислит* (от *список литературы*).

Особого внимания заслуживает форма, при которой к основе прибавляется звук «э». Подобные модификации часто имитируют речь провинциальной или малообразованной молодёжи. Например: *Стопэ, хорош базарить!* («Стоп, хватит ругаться!»); *Всё нормэ, катим дальше* («Всё в порядке, едем дальше»). Такие варианты функционируют как средство стилистической игры, создавая образ нарочитой «грубоватости» или провинциальности речи.

Словообразовательные метафоры. Под данным термином понимаются случаи переосмысления прямого значения слова, когда производное приобретает переносный смысл. В результате расширяется семантический диапазон лексемы и усиливаются её экспрессивные свойства. Примеры подобного механизма встречаются в молодёжном сленге достаточно часто: *гармошка* — «шпаргалка, сложенная гармошкой на листке бумаги»; *мыльница* — «примитивный фотоаппарат» (по аналогии с мыльницей прямоугольной формы); *бампер* — «ягодицы» (по аналогии с расположением автомобильного бампера).

Антономасия. Ещё один способ словообразования заключается в переходе имён собственных в разряд нарицательных. Наиболее наглядными примерами служат названия известных брендов: *адидасы*, *найки* (от *Adidas* и

Nike — спортивные кроссовки — *кроссовкаҳои Adidas ё Nike*), ливайсы (от *Levi's* — джинсы марки *Levi's* — *шими ҷинси бренди Levi's*).

2.2. Морфологический анализ лексики сленга в английском, таджикском и русском языках

Сленговая лексика представляет собой уникальный пласт лингвистического материала, который активно реагирует на изменения в социальной, культурной и технологической сферах. Морфологическая структура сленга отличается высокой степенью гибкости и изобретательности, демонстрируя нестандартные, порой даже провокационные механизмы словообразования. В отличие от литературного языка, где словообразовательные процессы подчинены строгим нормам и исторической преемственности, в сленге допустимы нарушения грамматических канонов, намеренные деформации корневых и аффиксальных структур, а также заимствования, адаптированные к внутренним моделям языка.

Одной из наиболее характерных черт морфологии английского сленга является интенсивное использование аффиксации с нестандартной семантикой. Так, в качестве суффиксов часто выступают морфемы, лишённые стабильного значения в стандартной лексике. Примером может служить суффикс *-ster*, добавляемый к корням для придания значения принадлежности к определённом стилю поведения или субкультуре (*gangster*, *prankster*, *hipster*) [Бурнаева Ерофеева 2015: 263]. В большинстве случаев этот суффикс формирует существительные, обозначающие типичного носителя определённой модели поведения или участника неформальной группы.

Аналогично, суффикс *-zilla* (производный от названия вымышленного персонажа *Godzilla*) используется для образования слов с экспрессивной окраской, обозначающих чрезмерные или гипертрофированные качества: *bridezilla* (чрезмерно капризная невеста), *tomzilla* (навязчивая мать). Эти

аффиксы приобретают продуктивность именно в сленговой среде, где их использование воспринимается как проявление лингвистической дерзости и социальной иронии [Taylor 1948: 167].

Не менее распространённой является конверсия — морфологический процесс, при котором слово меняет свою грамматическую категорию без изменения формы, меняя при этом своё изначальное значение или синтаксическую роль. В сленге это наблюдается в таких примерах, как *to friend* (добавлять в друзья), *to google* (искать в интернете), *to adult* (вести себя как взрослый). Здесь существительные или даже брендовые названия приобретают статус глаголов, демонстрируя стирание границ между частями речи. Подобная грамматическая текучесть — один из признаков живого и динамичного сленгового пространства.

Особое внимание заслуживает явление сокращения — как в виде аббревиации, так и в виде усечения. Сленг активно использует клиппинг (*clipping*) — устранение части слова без потери коммуникативной функции: *bro* (от *brother*), *fam* (от *family*), *sis* (от *sister*), *prob* (от *problem*), *cray* (от *crazy*). Эти формы придают речи лаконичность, эмоциональность и чувство принадлежности к определённой языковой среде. Интересно, что такие сокращения нередко сохраняются в массовом употреблении и проникают в рекламный и медийный дискурс [Бурнаева Ерофеева 2015: 263].

Значительное распространение получили также словообразовательные телескопии — объединение частей двух слов с образованием нового, смыслового гибрида (*blended words*). Этот процесс является центральным в формировании неологизмов сленга. Примеры: *smog* (*smoke* + *fog*), *brunch* (*breakfast* + *lunch*), *hangry* (*hungry* + *angry*), *glamping* (*glamorous* + *camping*). В подобного рода лексемах отражается не только морфологическая изобретательность, но и культурные тренды: стремление к компактности, игре слов, иронии [Борисова-Лукашанец 1983: 18].

Особый интерес представляет использование **редупликации** — приёма повторения звуков или слогов для усиления экспрессии или создания игривого, детского оттенка. В английском сленге встречаются конструкции типа *boogie-woogie*, *wishy-washy*, *super-duper*, *hip-hop*, *goody-goody*, *teeny-tiny*. Такие формы придают речи эмоциональную окраску, демонстрируют фонетическую выразительность и создают эффект запоминаемости. Несмотря на свою кажущуюся наивность, редупликация используется в самых разных контекстах — от уличной речи до рекламных слоганов, сохраняя при этом свою морфологическую цельность [Бурнаева Ерофеева 2015: 264].

Следует выделить и словообразование с помощью чисел и символов в контексте цифрового общения — явление, получившее широкое распространение в эпоху мессенджеров и социальных сетей. Такие формы, как *gr8* (*great*), *b4* (*before*), *l8r* (*later*), представляют собой комбинацию букв и цифр, сокращающую слово и одновременно создающую эффект шифра, понятного только «своим» [Mager 1982: 222]. Подобная морфология особенно характерна для подростковых чатов, игровых сообществ и интернет-форумов, где скорость общения и принадлежность к цифровому поколению становятся важными прагматическими факторами.

Дополнительную гибкость морфологической системе сленга придаёт переосмысление префиксальных моделей. Так, префикс *un-* может приобретать в сленге комичный или саркастический оттенок: *unfriend* (удалить из списка друзей), *unsee* (пытаться забыть то, что увидел), *unlove* (перестать любить). В выше приведенных примерах префикс *un* сохраняется, при этом слово, а в отдельных случаях и словообразование, понимаются по-иному. Эти формы нарушают традиционные правила словообразования, но именно благодаря своей новизне и парадоксальности закрепляются в разговорной практике [Mager 1982: 222].

Следует также выделить активное создание искусственных корней, не имеющих реальных аналогов в лексике, но обладающих морфологической функциональностью. Такие лексемы, как *yeet*, *sus*, *bae*, формально не разбираются на привычные морфемы, однако воспринимаются как единые смысловые единицы. Они становятся частями более сложных морфологических конструкций: *yeetable* (что можно «закинуть»), *susness* (состояние подозрительности), *baehood* (состояние влюблённости). Это свидетельствует о формировании собственной морфологической системы внутри сленга, подчинённой игровым, меметическим и эмоциональным законам [Борисова-Лукашанец 1983: 19].

Не менее важную роль играет морфологическое взаимодействие сленга с субкультурными кодами. Каждая молодёжная группа (например, геймеры, реперы, тиктокеры, активисты, спортсмены) формирует собственные морфемные предпочтения. В частности, в геймерской среде популярны конструкции с *-core*. аффикс в зависимости от части речи, обозначающий стиль, степень, тип и т.д. Например, (*hardcore*, *softcore*, *normcore*, *glitchcore*), обозначающие степень вовлечённости или стилистическое направление. В музыке и моде используются словообразования с *-wave* (*vaporwave*, *synthwave*), создающие ощущение ретроспективного жанра или культурного тренда [Mager 1982: 223].

Фонетико-графический облик сленговых единиц в таджикском языке представляет собой значимую область лингвистического анализа, особенно в контексте молодёжного субстандарта. Именно на этом уровне проявляются наиболее заметные отступления от литературной нормы, которые обусловлены стремлением к экспрессивности, идентичности и лаконичности речевого акта. Молодёжный сленг, функционирующий преимущественно в устной и цифровой коммуникации, нередко включает в себя трансформированные звуковые и графические формы, которые отражают как живую разговорную речь, так и влияние других языков и локальных говоров.

Одной из ключевых черт таджикского молодёжного сленга в фонетико-графическом аспекте является сознательное упрощение или искажение фонетической структуры слов с целью стилистической игры или экспрессии. Например, в жаргоне таджикской молодёжи слово «нафар» (человек) в сленговом контексте может редуцироваться до «наф» или «напа» — в зависимости от ситуации и интонации. Это явление может быть объяснено как экономией речевых усилий, так и желанием придать слову собственную маркерную окраску [Джураев 2003: 46]. Особого внимания заслуживает явление графической мимикрии под русскоязычные или англоязычные нормы, особенно в онлайн-переписке. Например, в таджикоязычном сегменте мессенджеров и социальных сетей широко используется латиница, причём написание часто отражает именно разговорную фонетику, а не нормативный таджикский язык. Так, слово «гап» (разговор, беседа) может передаваться как “gar”, “gur” или даже “garak”, в зависимости от авторской стилистики. Такие формы подчеркивают ироничность, игровую составляющую речи, а также дистанцируют говорящего от формальной нормы [Бобоева 2019: 95].

Кроме того, на фонетико-графическом уровне фиксируются процессы ассимиляции и редукции, типичные для беглой устной речи, но в сленге эти процессы приобретают статус нормы внутри определённого социолекта. Например, слово «хамин» (этот) в разговорной и сленговой речи редуцируется до «хам» или «мин», особенно при высокой частотности употребления. Подобные трансформации не только упрощают артикуляцию, но и выполняют функцию интонационно-ритмического структурирования сленговой речи.

Фонетико-графические трансформации также проявляются в использовании аналогов на основе звуко- и графоимитации. К примеру, слово «пул» (деньги) в молодёжной среде может трансформироваться в «пука», «пыл», и т.д., где явное искажение исходной формы усиливает экспрессивный потенциал высказывания. Слово «пул» в рассматриваемом контексте

используется также в форме «лой» первоначальное значение- грязь, глина. Таким образом, создаётся сленговая вариативность, подчинённая не нормам фонетики, а законам социальной коммуникации и языковой игры.

Примечательно, что отдельную роль играет использование интонации и паралингвистических элементов в передаче сленговых форм, особенно в устной речи. Падение или повышение голоса, протяжённое произнесение гласных, акцентирование отдельных слогов — всё это конституирует особую фонетическую семиотику молодёжного языка. Например, растягивание гласной в слове «даааа» может означать одновременно удивление, разочарование или сарказм, в зависимости от ситуации.

Необходимо также отметить влияние диалектов и говоров на сленговые фонетические формы. Хотя в настоящем исследовании проблема диалектологии не подвергается предметному рассмотрению, невозможно игнорировать тот факт, что региональная вариативность влияет на реализацию звуковых форм. Так, слова, характерные для согдийского (северный регион Таджикистана) населения, могут иметь отличные от литературной нормы ударения и акцентные схемы, которые сохраняются и в молодёжной сленговой речи. Это создаёт дополнительную сложность при классификации сленговых единиц, так как фонетическая форма может быть маркером как социального, так и территориального различия.

В цифровом общении таджикской молодёжи, как и в остальных рассматриваемых языках, наблюдается тенденция к «графической экспансии», т. е. замене букв на символы, цифры и англоязычные аналоги. Например, слово «бача» (парень) может быть написано как «b4cha», «b@cha» или даже «b4ch@», 2гончик (подруга), часпак (настырный/надоедливый), check кардан- проверять («check» от англ. проверять и «кардан» от тадж. делать, совершать. Эти практики формируют визуальный код, который легко распознаётся внутри молодёжной аудитории, но может быть затруднителен для внешнего восприятия. С одной стороны, это упрощает коммуникацию

внутри сообщества, с другой — усиливает отчуждение от формального языка.

В целом, фонетико-графические особенности таджикского молодёжного сленга демонстрируют яркую динамику и гибкость, характеризующуюся постоянным обновлением, адаптацией к новым медиасредам и сознательным отклонением от нормы. Эта область требует дальнейшего изучения, особенно в контексте социолингвистической интерпретации, поскольку именно на этом уровне закладываются основы стилистического самовыражения нового поколения носителей таджикского языка.

Лексико-семантический анализ таджикского молодёжного сленга представляет собой важнейший этап в исследовании, поскольку именно в семантической плоскости проявляется специфика национального, возрастного и социокультурного контекста функционирования языка. Молодёжный сленг в таджикской речевой практике формируется на пересечении разговорного таджикского языка, заимствований из русского, узбекского и английского, а также активно впитывает лексемы, отражающие ментальность, быт и мировосприятие городских и сельских подростков.

Исследование выявило, что одним из ключевых факторов, влияющих на формирование интернет-сленга в таджикской молодёжной среде, выступает технический билингвизм — активное использование таджикского и русского языков, а в последние годы — и английских вкраплений. Это приводит к формированию гибридных форм, таких как:

- “*мехнатмешкинг*” (от тадж. *mehnat* – «труд» + англ. *-ing*),
- “*бчм*” — сокращение от русскоязычного выражения «больше чем» в латинизированной подаче,
- “*sms омад* (от англ. «*sms*» *Short Message Service*- Служба коротких сообщений+ тадж. Слово «*пришло*» — трансформированная форма от

«сообщение пришло» (от нома — письмо, сообщение + глагол омад, расид — становиться, происходить).

Такие формы чаще всего фиксируются в среде подростков и молодых людей 16–25 лет, использующих мессенджеры Telegram, WhatsApp и соцсети как Instagram и TikTok. Особенность таджикского интернет-сленга заключается в его гибкости: молодёжь свободно варьирует формы, игнорируя грамматические правила, особенно в части словообразования, а также фонетические нормы.

Гендерные различия в употреблении сленговой лексики также становятся всё более отчётливыми. Девушки, как правило, чаще используют эмоционально окрашенные и уменьшительно-ласкательные формы, включая транслитерированные выражения:

- “зурчик” (от зӯр — классно, сильно + уменьшительно-ласкательный суффикс -чик),

- “кулчахак” — ласкательное от «пышка», применяемое как флирт или дружеский комплимент.

Следует отметить, что такие языковые практики зачастую противоречат литературной норме. Особенно это проявляется в:

– нарушении лексической сочетаемости: «сахт кул» (образовано от англ. cool- круто, крутой) вместо правильного бисёр хуб (очень хорошо),

– ошибках в словообразовании: образование новых слов на основе иноязычных корней без морфологической адаптации,

– неформальной графике: использование латиницы или транслита для таджикских слов — «*safar raftam*», «*xub bud*» и пр.

Однако полное игнорирование нормы не наблюдается. Молодёжь интуитивно различает стилистические регистры: в официальной обстановке (работа, учёба) сленговые формы заменяются нейтральной или книжной лексикой. Тем самым сленг выступает не как угроза норме, а как

динамический пласт языка, обслуживающий функции идентичности, юмора, сплочения и самовыражения в пределах ограниченного контекста.

Интернет-сленг таджикской молодёжи демонстрирует не только динамику языкового развития, но и важнейшие социокультурные процессы — гендерную дифференциацию, культурный синтез, цифровую гибкость. Исследование этих явлений позволяет сделать вывод о существовании нового лексического уровня таджикского языка, находящегося в постоянном диалоге с нормативной основой.

Анализ представленного материала позволяет более полно представить специфику формирования и функционирования молодёжного сленга в таджикском языке. Сленговая лексика таджикской молодёжи проявляет себя как динамичная, гибкая и многослойная система, включающая элементы традиционного языка, диалектные формы, русские и английские заимствования, а также оригинальные интернет-новообразования. На развитие и распространение подобных единиц оказывают влияние разнообразные социокультурные факторы — региональные особенности, уровень образования, гендерная принадлежность, особенности цифрового общения. Особенно заметна активизация таких процессов в интернет-среде, где наблюдаются отступления от грамматических норм, усиление экспрессивных и оценочных компонентов и тенденция к языковой экономии.

Гендерные различия в речевом поведении, отражённые в выборе лексики и стилистике выражения, свидетельствуют о высокой чувствительности сленга к социолингвистическим параметрам. Одновременно молодые носители демонстрируют способность к переключению между нормативной и сленговой речью в зависимости от коммуникативной ситуации, что подтверждает существование стилистической компетентности как части языковой личности.

Сравнительный анализ позволяет отметить, что английский и таджикский молодёжный сленг демонстрируют разные полюса

морфологической креативности: первый опирается на инновационные аффиксальные модели и искусственные корни, второй — на фонетико-графическую вариативность и билингвизм. Логичным продолжением является рассмотрение русского языка, где процессы словообразования, с одной стороны, сохраняют преемственность традиционных моделей, а с другой — активно адаптируют заимствования и формируют гибридные формы.

Морфологическая структура сленговой лексики в таджикском языке представляет собой продуктивное поле языковых инноваций, в котором чётко прослеживаются тенденции к упрощению, экспрессивной трансформации и комбинированию элементов, заимствованных из различных функциональных стилей. Молодёжный сленг активно использует морфологические механизмы создания новых слов, причём преимущество отдается тем моделям, которые обеспечивают яркость и лёгкость восприятия.

Одной из характерных черт таджикского сленга является широкое использование редупликации — удвоения основы, нередко с изменением гласных или согласных для усиления эмоциональной окраски: бех-бех, гаш-гаш, хир-хур. Подобная структура характерна и для разговорной речи, но в молодёжной среде она приобретает устойчивый стилистический статус: например, гаш-гаш кади («кайфовать», «отрываться») становится глаголом со стабильной сленговой функцией.

Продуктивно развивается суффиксация, особенно с использованием уменьшительно-ласкательных и иронических формантов: классак («крутой чел»), гуляк («прогульщик», от гуляк кардан), тупояк, говак аклак («туповатый», с юмористическим оттенком). Суффикс -ак/-чак (уменьшительно-ласкательный суффикс в таджикском языке) в данных примерах приобретает не только словообразовательную, но и оценочную функцию, отражая отношение говорящего к обозначаемому лицу или явлению.

Интерес представляет и процесс суффиксальной агглютинации, особенно при заимствовании слов из русского языка и их адаптации к таджикским морфологическим моделям. Так, слово «зашквар» превращается в зашкварида, где к российскому сленговому корню добавляется таджикское словообразовательное окончание, типичное для наречий или деепричастий. Эта адаптация демонстрирует гибкость морфологической системы таджикского языка и его способность к ассимиляции внешнего лексического материала.

Отдельного внимания заслуживает тенденция к усечению морфем, что характерно для интернет-коммуникации и мессенджеров. Молодёжь активно использует сокращения: тачка (от автомобиль), пафос (от пафосный образ жизни), чифт (от чифир, означает крепкий чай в сленговом значении — ‘замут’, ‘план’). Слова подвергаются обрезке, но сохраняют своё значение и коннотативную нагрузку.

Стоит подчеркнуть, что морфологические преобразования в сленговом таджикском языке не всегда поддаются традиционным лингвистическим классификациям. Молодёжный сленг активно нарушает правила литературной нормы, создавая экспериментальные гибриды, предназначенные не для устойчивого употребления, а скорее для временного эффекта в рамках определённой коммуникативной ситуации. Это связано с желанием выделиться, быть в тренде и продемонстрировать свою принадлежность к определённой социальной группе [Махмудов 2011: 119],

Синтаксис сленговой речи таджикской молодёжи отличается высокой степенью вариативности и отступлением от литературных норм, что обусловлено стремлением к экспрессии, лаконичности и коммуникативной эффективности. Молодёжный сленг в таджикском языке демонстрирует устойчивые тенденции к синтаксическому упрощению, нарушению нормативного порядка слов, эллипсису и использованию нестандартных конструкций [Самадова 2017: 145].

Одной из наиболее характерных черт является нарушение традиционного порядка слов (инверсии) в предложении. В литературной норме таджикского языка глагол, как правило, располагается в конце предложения. Однако в сленговой речи, особенно в спонтанной устной форме и в интернет-коммуникации, этот порядок активно нарушается:

«Рафтӣ базм?» (‘Ты побывал на тусовке?’) вместо стандартного «Ба базм рафтӣ?». Подобная перестановка обусловлена желанием придать фразе эмоциональный оттенок, передать удивление, иронию или близость общения.

Распространено также использование эллиптических конструкций, при которых отдельные элементы предложения (в частности, подлежащее или сказуемое) опускаются как очевидные из контекста:

«Ту кай?» вместо «Ту кай меравӣ?» (‘А ты когда идёшь?’),

«Ҳа, задолбат» вместо «Ҳа, ман безор шудам» (‘Да, я задолбался’).

Эллипсис служит не только экономии речевых усилий, но и маркирует принадлежность говорящего к неформальной группе, где важна не формальная корректность, а скорость и эффект [Хасанов 2020: 217].

При использовании сленга в структуре предложений на таджикском языке наблюдается активное внедрение русскоязычных вставных конструкций, часто в виде кальки:

«Вай кани вообще?» или «Типа ман гуфтам». Эти примеры свидетельствуют о синтаксическом интерференционном давлении русского языка на таджикскую сленговую речь. Подобные синтаксические гибриды фиксируются преимущественно в городском дискурсе, особенно среди билингвальной молодёжи Душанбе, Худжанда и Бохтара.

Интерес представляет и использование риторических конструкций с гиперболизацией: «Ман агар уро бинум, хедшотуш мезанум!» (‘Если я его увижу, выстрелю ему в голову!’) или «Я ботай- Он обычный бот-это выражение распространено в таджикской геймерской среде и образовано от английского слова *robot*- сокр. *bot*» где сказуемое принимает форму

преувеличенной эмоциональной реакции, часто без грамматического согласования с подлежащим — типичный признак неформального синтаксиса.

Кроме того, в сленговом синтаксисе наблюдается тенденция к созданию фразеологически закреплённых паттернов, таких как: «*Занг заду, зад, зада рафт*», «*Ту гуфтй, гуфтй, не гуфтй — не гуфтй*». Подобные повторные конструкции выполняют роль риторических ходов, усиливают экспрессию и придают высказыванию ритмичность.

Морфологическая система русского молодёжного сленга демонстрирует богатый спектр словообразовательных процессов, многие из которых функционируют на стыке литературной нормы и разговорной экспрессии. Особенностью русского языка является чрезвычайная продуктивность аффиксального словообразования, что в полной мере отражается и в сленговом регистре. Сленг активно использует как традиционные модели, так и новые гибридные формы, в которых аффиксы приобретают нестандартные значения или ироническую окраску [Береговская 1996: 125].

Аффиксация в русском сленге занимает центральное место. Суффиксы *-ик* и *-чик* широко применяются для обозначения носителей определённой характеристики или принадлежности к группе: *препод* → *преподик*, *тусовка* → *тусовицик*, *мобила* → *мобилчик*. Стилистическая функция подобных форм заключается в создании уменьшительно-иронического оттенка, приближающего высказывание к разговорной среде. Другой продуктивной моделью является использование суффиксов *-уха* и *-юха*: *пьянка* → *пьянюха*, *тусовка* → *туснюха*. Эти образования несут одновременно фамильярный и экспрессивный характер, маркируя принадлежность говорящего к молодёжному сообществу [Смирницкий 1955: 46].

Префиксация в сленге часто сопровождается семантическим сдвигом. Так, префикс *за-* приобретает значение «достичь эффекта» или «осуществить

действие до конца»: *зачёт* (в значении «что-то удачное»), *закосить* (отказаться от работы или учёбы), *забить* (игнорировать). Подобные слова иллюстрируют отход от нормативных моделей в сторону метафоричности и контекстуальной многозначности. Префиксы *при-* и *от-* также демонстрируют переносные значения: *прикатить* (в значении «прийти неожиданно, без приглашения»), *отжечь* (совершить что-то яркое, эпатажное) [Береговская 2000: 106].

Усечение (клиппинг) — ещё один мощный источник сленговых слов в русском языке. Молодёжь активно сокращает многосложные слова, что делает речь более экономной и одновременно кодовой. Типичны такие формы, как *универ* (университет), *общага* (общежитие), *комп* (компьютер), *пред* (преподаватель), *лаба* (лабораторная работа). В условиях неформального общения эти формы становятся не просто удобными сокращениями, но и знаками принадлежности к студенческому или молодёжному сообществу.

Не менее характерен для русского сленга процесс контаминации и телескопии, в результате которого возникают новые лексемы, образованные соединением частей двух слов. Классическими примерами можно назвать «*тусовка*» (от «*тусить*» + суффикс *-овка*), «*вписка*» (место, где можно переночевать, от глагола «*вписать*» в значении «*вписать человека в список*»), «*впаривать*» (навязчиво продавать) [Смирницкий 1955: 80]. Подобные новообразования носят ярко выраженный социальный характер и отражают культурные практики молодёжи — ночные встречи, неформальное взаимодействие, студенческие будни.

Существенную роль играет морфологическая адаптация заимствований. Иноязычные слова не просто усваиваются в лексике, но и включаются в русские словообразовательные модели. Английские корни получают типично русские окончания и суффиксы: *лайкать*, *чилить*, *зафрендить*, *краинуть*, *ангрейдить*. Эти формы демонстрируют интеграцию глобальных англицизмов в систему русского сленга, где они быстро

приобретают грамматическую гибкость и новые значения. Особенно продуктивной оказалась модель с суффиксом *-ить*, которая превращает существительные иноязычного происхождения в глаголы повседневного общения [Береговская 1996: 122; Смирницкий 1955: 82].

Редупликация и звукоподражания также присутствуют в русском сленге, выполняя функцию эмоциональной экспрессии. Конструкции типа «ха-ха», «бла-бла», «бац-бац», «йо-йо» закрепились в молодёжной речи как средства передачи неформальности и ироничного отношения к ситуации. Хотя такие формы внешне примитивны, они устойчиво функционируют как маркеры разговорного стиля.

Следует отметить и особый тип словообразовательной игры, характерной для русского сленга. Молодёжь активно экспериментирует с префиксами и суффиксами, создавая новые слова с иронической окраской: «ржачно» (очень смешно), «угарно» (весело, экстремально), «зачётно» (круто, одобрительно), «офигеть» (выражение удивления). Эти слова показывают, что морфологическая система сленга выходит за пределы нормативного словообразования и формирует собственные механизмы смыслопорождения.

Важным направлением остаётся и функциональная гибридизация. Сленговые слова могут образовываться на стыке разных моделей, комбинируя усечение, заимствование и аффиксацию: «репостнуть» (от англ. *repost* + рус. суффикс *-нуть*), «забанить» (от англ. *ban* + рус. префикс *за-* + суффикс *-ить*). Подобные формы ярко демонстрируют открытость русского сленга к влиянию глобального интернет-дискурса и его морфологическую адаптивность.

Таким образом, молодёжный сленг в таджикском языке выступает не маргинальным отклонением от нормы, а важным социолингвистическим индикатором, отражающим процессы языковой эволюции, культурной трансформации и цифровизации коммуникации. Понимание этих процессов

необходимо для адекватной интерпретации современных тенденций в развитии таджикской лексики.

Морфологическая система современного русского сленга демонстрирует высокую степень деривационной активности и тенденцию к созданию компактных, экспрессивно окрашенных единиц. Наиболее продуктивным способом образования сленговых слов выступает **суффиксация**, позволяющая формировать оценочные значения и усиливать разговорную стилистическую окраску. Суффиксы **-уха**, **-ня**, **-ик/-чик**, например в словах *тусовуха*, *движня*, *крашик*, создают эффект фамильярности и вовлечённости, что является ключевой коммуникативной установкой молодежных групп. Продуктивной является и глагольная деривация с использованием суффиксов **-ить** и **-нуть**, генерирующих глаголы действия (*загуглить*, *скипнуть*, *запушить*). Особое место занимает **заимствование** сленговых основ из английского языка с последующей русской морфологической адаптацией: так, существительные *хайп*, *краш*, *фолловер* оформляются по моделям склонения русского языка, а глаголы *лайкать*, *репостить*, *хейтить* получают типичные русские словообразовательные аффиксы. Наблюдается также активное использование **контаминации** и **гибридизации** слов, характерной для интернет-коммуникации: *рофлить* (от *ROFL* + рус. суффикс), *крИнж* (адаптация англ. *cringe* с русской графикой и морфологией), *крашнуться* (английская основа + рус. словообразовательный формант). Префиксация применяется реже, однако выполняет семантическую функцию усиления или уточнения действия: *захейтить*, *перепостить*, *недопонимать* в сленговом употреблении. Характерной чертой является и явление **конверсии**, проявляющееся в переходе слов из одной части речи в другую без изменения формы: *хайп* → *хайпить*, *бан* → *забанить*. Таким образом, морфологическая структура сленговой лексики отражает инновационные процессы современной коммуникации, стремление к экономии выразительных средств

и быстрой интеграции новых, преимущественно англоязычных, элементов в русскую словообразовательную систему.

Таким образом, сопоставительный морфологический анализ сленговой лексики английского, таджикского и русского языков показывает, что, несмотря на различия в структуре и типологии этих языков, сленг развивается по общим закономерностям, отражая потребности молодежной коммуникации, динамику культурных влияний и особенности цифровой среды. В английском языке морфологическое формообразование сленга основано преимущественно на конверсии, аббревиации и усечении основ, что соответствует аналитическому строю языка. Русский язык демонстрирует высокую продуктивность суффиксации, глагольной деривации и адаптации заимствованных основ к собственным словообразовательным моделям — что характерно для флективной системы. Таджикский язык, как представитель индо-иранской группы, сочетает аналитические и аффиксальные механизмы, применяя как аффиксацию, так и лексико-семантические преобразования, а также активно интегрируя русские и английские заимствования в свою морфологическую структуру. Сравнение этих языков показывает, что сленговые процессы всегда опираются на внутренние словообразовательные ресурсы конкретного языка, но при этом одинаково стремятся к экономии формы, усилению выразительности и быстрой передаче новых культурных и социальных реалий. Это позволяет рассматривать сленг как важный индикатор развития современной коммуникации и как область, где морфологические инновации проявляются наиболее ярко.

2.3. Лексико-семантический анализ сленга в сопоставляемых языках

Современный молодёжный сленг в таджикском языке представляет собой сложный и гибкий лексический пласт, отражающий повседневные интересы, культурные коды и социальную динамику молодого поколения. Одним из ключевых параметров анализа данной лексики выступает её

тематическая структура — то есть распределение сленговых единиц по сферам употребления и коммуникативным ситуациям. Такая классификация позволяет выявить доминирующие мотивационные и социолингвистические векторы в речевой практике таджикской молодёжи. [Джураев 2003:45]. На основе эмпирического материала, собранного посредством анкетирования, онлайн-наблюдения в соцсетях, форумах и живых интервью со студентами вузов Душанбе, Худжанда и Бохтара, выделяются следующие основные тематические группы:

1. Социально-бытовая и повседневная сфера.

Эта категория охватывает лексику, связанную с жизнью в городе, бытовыми реалиями, взаимоотношениями с семьёй и друзьями. Сюда входят такие выражения, как «*джебс кардан*»- *джепс от таджикского слова чебак-карман* (в значении «прикарманить» «нажиться, срубить деньги»), «*зур мезана*» (о чём-то крутом или эффектном), «*шапар*» (дешёвая еда на вынос) и др. Эти слова часто демонстрируют прагматизм и ориентированность на выживание в условиях урбанизации.

2. Учёба и образовательная среда.

В этой тематике часто встречаются ироничные и саркастические конструкции: «*сдавать на салом*» (дать экзамен не учась, «на авось»), «*мухофиза*» (в значении — преподаватель, «надсмотрщик»), «*скроллить лексы*» (поверхностно просматривать лекции перед зачётом). Нередко наблюдается совмещение таджикских, русских и англоязычных элементов, свидетельствующее о гибридизации речевых практик.

3. Финансовая и коммерческая тематика.

Материальный достаток, заработок и уличная торговля часто становятся предметом вербализации. Так, используются выражения вроде «*лой кардам*» («срубил деньги»), «*чек задан*» (получить перевод), «*базаро гирифт*» (захватить внимание клиентов, «стать топом»). Молодёжь активно

использует финансовую лексику с оценочной нагрузкой, подчеркивая не только прибыль, но и ловкость в социальном взаимодействии.

4. Взаимоотношения и гендерные роли.

Особо насыщенным сленговыми номинациями является лексикон, связанный с темой романтических и сексуальных отношений. Например: «*ахтул*» (симпатичный парень), «*ромбо*» (девушка, которая «ведёт» парня), «*хазел кади*» (неудачно подкатить). Здесь лексика особенно динамична и подвержена моде, отражая как ценности, так и стереотипы. Также проявляются гендерные маркеры: парни чаще используют экспрессивные глаголы действия, девушки — оценочные прилагательные и метафоры [Хасанов 2020: 146].

5. Эмоциональные состояния и психология.

Тематическая группа охватывает выражения, описывающие настроение, отношение к событиям, уровень усталости или мотивации. Примеры: «*бемалол*» (расслабленный, «по кайфу»), «*жгонда*» (разбитый, уставший), «*аташии*» (в восторге, «огонь»), «*титу нит*» (без настроения, «разбитый духом»). Эти слова служат маркерами аффективного состояния и часто используются в молодежной поддерживающей коммуникации [Хасанов 2020: 146].

6. Интернет и цифровая культура.

В последние годы развитие социальных сетей, а именно *TikTok*, *Instagram* и *Telegram* привело к появлению отдельного пласта интернет-сленга, активно внедряющегося в повседневную речь. Например, «*рекад*» (от *record* — сделать видео), «*челленч задан*» (принять вызов), «*блогчиба*» (девушка-блогер). В этом сегменте наблюдается активная адаптация заимствованных слов, их таджикизация и интеграция в устную речь.

Основу лексико-семантической структуры составляют слова и выражения, обозначающие повседневные явления, состояния, эмоциональные реакции, оценки, а также ироничные характеристики

социальных ролей. В молодёжной среде активно употребляются, например, такие единицы, как рухсора (красивая девушка, с налётом романтической или идеализированной оценки), гахворагир (буквально – «качатель колыбели», перен. – чрезмерно заботливый, старомодно мыслящий человек), гушнагй задагй (голодранец, человек низкого достатка, с оттенком презрения), хакиқатгӯ (тот, кто говорит правду, но с нежелательным сарказмом или дерзостью) и др.

Одной из характерных черт является оценочность и экспрессивность сленговых единиц. Эмоциональная окраска выражается не только в коннотативном значении, но и в звуковой структуре: резкие, короткие слоги (чап, гап, туп) используются для передачи пренебрежения или осуждения, а удлинённые или интонационно выразительные формы (бачааа, раавшанфикр) – для создания эффекта притягательности или иронии.

Важное место занимает категория ролевых обозначений. Молодёжь часто переопределяет общественные роли в ироничной или провокационной форме: модари замонави («современная мама») обозначает девушку, которая берёт на себя чрезмерную ответственность в отношениях; челавек (искажённое от русского «человек») может использоваться как ироничная самопрезентация, подчёркивающая индивидуальность или абсурдность ситуации; додарчон (букв. «милый брат») в молодёжном употреблении часто ироничен и используется как обращение между незнакомыми людьми для обозначения «прикольного» контекста.

Семантика таких лексем крайне подвижна и ситуативна. Одно и то же слово может менять значение в зависимости от контекста: гап нест может означать и «всё круто», и «всё пропало» – в зависимости от интонации, мимики, ситуации. Эта многозначность требует контекстуального подхода к анализу: без знания интонационной окраски и речевой ситуации сленговая лексика теряет свою семантическую глубину.

Немаловажно и то, что многие сленговые выражения формируются по модели метафорического переноса. Так, например, слово *ракета* в сленге может означать как «очень быстрая девушка», так и «тот, кто быстро решает дела»; *зарба* («удар») может использоваться в значении «неожиданный успех» или «сильное эмоциональное впечатление» [Джураев 2015: 75].

Ещё одним направлением лексико-семантического анализа является выявление слов с функционально-дискурсивной нагрузкой. Многие единицы выполняют не только номинативную, но и прагматическую функцию: они маркируют принадлежность к определённой социальной группе, сигнализируют о солидарности или дистанцировании, создают комический или провокационный эффект. Например, использование выражений типа *дастнорас* («тот, до кого не дотянешься» – элитный, недоступный) или *аспиён* (от *асп* – лошадь, в смысле «мощный», «крутой») выполняет идентификационную и ценностно-ролевую функцию.

Современный таджикский язык, особенно в молодёжной среде, переживает активную трансформацию под влиянием цифровых технологий и социальных сетей. В таких условиях наблюдается формирование особого слоя лексики — интернет-сленга, который отражает не только лингвистические, но и социальные, психологические и гендерные особенности носителей. Анализ данной подсистемы языка позволяет проследить, как нормы таджикской литературной речи взаимодействуют с живыми практиками повседневного общения, включая отступления, компромиссы и инновационные адаптации.

Современный таджикский медиадискурс — будь то социальные сети, YouTube-каналы, Telegram-каналы, TikTok или молодёжные подкасты — активно интегрирует сленговую лексику как важнейший стилистический инструмент, обеспечивающий эффект идентичности, вовлечённости и эмоциональной близости с аудиторией. В отличие от традиционного журналистского дискурса, ориентированного на нормативную лексику,

молодёжные и полуофициальные медиа всё чаще используют элементы разговорной и сленговой речи, создавая новые каноны публичной коммуникации.

Одной из ключевых стилистических функций сленга в таджикском медиaprостранстве является функция экспрессии и эмоциональной акцентуации. Выражения типа «зур зад!» (‘круто сыграл’), «хайфи хайф» (‘просто/очень жаль’), «база гап зад» (‘сильно сказал’), активно используются в комментариях под роликами, в шапках публикаций и даже в названиях видеоконтента. Подобная лексика создаёт атмосферу неформального доверия, вовлекает зрителя в пространство «своих» и усиливает субъективную подачу материала.

Сленг также выполняет функцию креативного самовыражения, позволяя авторам медиаконтента формировать индивидуальный стиль. Например, таджикские TikTok-блогеры создают устойчивые сленговые фразы: «ахи, ранги хаами кино!» (‘Вау, как в кино!’), «Як кас хушруи бад шидай!» (кто-то похорошел!’), «У гунохи ту ука гунохе нест» (Не так уж и нагрешил), «Кай кайфи ту, на акл дори на тамиз» (Беспечный, а именно так в интернет-пространстве называют человека, который загружает в социальные сети неуместные видео и не задумывается о последствиях своих действий.) Затем эти сленговые выражения и фразы которые подхватываются подписчиками и циркулируют как мемы. Это способствует формированию уникального стилистического кода, узнаваемого в рамках конкретного блогера или платформы.

Значимую роль играет и инклюзивная функция, когда сленговая лексика выступает маркером принадлежности к определённой группе, классу или поколению. В частности, использование слов как «тупи» (‘круто’), «мурдангӣ» (‘реально офигенно’), «кайф дод» (‘доставило кайф’) позволяет адресату почувствовать себя частью молодёжной среды, в которой правила

общения определяются не академическим стандартом, а принадлежностью к виртуальной субкультуре.

Наблюдается и иронико-саркастическая функция, при которой сленг используется как средство дистанцирования от официального дискурса. Примером могут служить комментарии под политическими или социальными видеороликами:

«Раис гап намеэанад, “пахлавон” аст» (‘Председатель молчит, он “герой” же’) — здесь сленговый компонент служит для создания насмешки, подрыва авторитетности и формирования альтернативной точки зрения на происходящее [Шаропов 1988: 81].

Важной тенденцией последних лет стало внедрение сленговых выражений в заголовки и превью-картинки видеоконтента, что повышает кликабельность. Формулы типа: «Шарманда кард!», «Боз як базми чинсӣ», «Гап нест!» — выполняют функцию «крючка» (clickbait), действуя на подсознательном уровне и активизируя эмоциональное восприятие. Такая практика всё чаще применяется и в новостных телеграм-каналах, имитирующих стилистику неформального общения, чтобы расширить охват.

Особое внимание следует уделить женскому медиасленгу, который в таджикском медиапространстве активно развивается через beauty-блоги, шопинг-контент и лайфстайл-видео. Лексемы вроде «чизҳои феферӣ» (‘модные штучки’), «ай “базарӣ” ҳам крутар», «гулчида» (‘отборная/элитная’) становятся элементами самопрезентации и одновременно способом противопоставления себя «простым» потребителям.

Сленговая лексика также используется в рекламном дискурсе. Примеры:

«Пиёда мафию намешӣ – бо hamin кроссовка рав»,
«Гулчин кардани либос нест, ҳаёти real!».

Такая реклама апеллирует к живому языку потребителя и разрушает границу между информацией и развлечением, стирая дистанцию между брендом и целевой аудиторией.

Несмотря на широкое распространение сленговой лексики среди молодёжи, в таджикском социокультурном контексте сохраняется выраженная тенденция к нормативному контролю над речью, особенно в публичной, официальной и образовательной сферах. Это обуславливает наличие устойчивых институциональных и культурных барьеров, ограничивающих спонтанное или свободное употребление сленга.

Образовательные учреждения играют ключевую роль в формировании установки на литературную норму таджикского языка. В школах, лицеях, колледжах и вузах республики обучение построено с ориентацией на классический вариант языка. Именно эти работы закладывают основу представлений о “правильной” речи, задавая высокую планку соответствия нормативному стандарту. Употребление сленговой лексики среди учащихся зачастую воспринимается как отклонение от нормы и может повлечь за собой дисциплинарные замечания со стороны преподавателей. В ряде образовательных учреждений существует внутренняя установка, закреплённая в регламентах или практиках — «пурра ба забони адабӣ сухан гуфтан» (“говорить исключительно на литературном языке”).

Официальный дискурс таджикских государственных органов, СМИ и административных структур по-прежнему сохраняет высокую степень формализации. В рамках таких платформ, как телевидение, парламентские обсуждения, правительственные документы, сленговые выражения исключены из употребления. Их использование приравнивается к снижению уровня компетентности или даже неуважению к адресату. Эта стилистическая жесткость формирует представление о «двух уровнях» языка: официальном и бытовом, причём последний считается менее престижным.

Немаловажную роль в сдерживании сленга играет традиционалистская культура таджикского общества, в которой особое внимание уделяется вежливости, уважению к старшим и нормам благопристойности. Молодёжный сленг, содержащий иронические, грубые или неологические элементы, часто рассматривается старшим поколением как «фасоди забон» — порча языка. Некоторые выражения, распространённые в молодёжной среде (например, *шишик* ‘наглый’, *пурра захматӣ* ‘полностью отстойный’), воспринимаются как свидетельство культурной деградации или подражания “западному стилю”.

В условиях многоязычия и миграционного опыта значительная часть молодёжи, особенно из мегаполисов или вернувшихся из России, привносит в речь заимствованные русизмы, адаптированные в сленговой форме: *расписани дорӣ?*, *свобод ҳастӣ?*, *проблем нест*, *вопроси ҷиддӣ*. Несмотря на популярность таких конструкций, они часто становятся объектом критики со стороны пуристов, видящих в них угрозу таджикской языковой идентичности. Особенно острая реакция прослеживается среди филологов, членов Союза писателей и преподавателей таджикского языка и литературы.

В свою очередь, государственная языковая политика направлена на поддержку и развитие таджикского литературного языка, что может проявляться в форме рекомендаций, контролирующих публикации, официальных выступлений и образовательных программ. Например, Комитет по языку и терминологии при Правительстве РТ регулярно издаёт глоссарии и методические пособия, в которых подчёркивается необходимость избегать просторечных или жаргонных форм в общественной речи.

При этом стоит отметить, что институциональные барьеры не препятствуют полностью бытовому функционированию сленга. Он живёт и развивается в непринуждённой коммуникации — среди друзей, в социальных сетях, на улицах и в неформальной среде. Однако его легитимность остаётся ограниченной и ситуативной: он «незаметен» в официальной речи и

подвергается стигматизации при попытке выйти за пределы приватного общения.

Таким образом, региональные, социальные, гендерные и медиальные факторы оказывают значительное влияние на характер сленговой лексики в таджикском языке. Языковая среда в городе и селе, интенсивность межьязыковых контактов, принадлежность к определённой социальной группе, а также степень вовлечённости в цифровое пространство определяют не только набор используемых выражений, но и их статус внутри молодежных сообществ. Отдельное внимание заслуживает влияние нормативного дискурса, поддерживаемого образовательными учреждениями и медиа, которое формирует представления о «правильной» речи и зачастую противопоставляется живому молодежному языку. При этом таджикский сленг демонстрирует гибкость и способность к адаптации, отражая актуальные социальные реалии и процессы самоидентификации. Изучение этих параметров не только позволяет глубже понять лингвистическую картину современной молодёжной среды, но и закладывает основу для дальнейшего описания механизмов языковой динамики в таджикском обществе.

В отличие от таджикского молодёжного сленга, где семантическая классификация в большей степени отражает реальные сферы жизни — учёбу, отношения, финансы или интернет-коммуникацию, — английская сленговая система демонстрирует иной принцип организации. Её ядро составляет метафоризация, то есть перенос значений из одной области опыта в другую. Слова, изначально принадлежащие к бытовой или гастрономической лексике, получают новые, нередко экспрессивные значения, позволяющие выразить эмоции, социальные характеристики и культурные оценки.

Такая особенность связана с высокой образностью английской культуры повседневной речи, в которой язык метафоры служит основным инструментом юмора, иронии и социального маркирования. Если таджикская

молодёжь чаще создаёт сленг через адаптацию заимствованных слов или намеренные фонетические трансформации, то английские носители склонны к играм со значением, превращая обыденные слова в условные знаки групповой принадлежности.

Важно подчеркнуть, что метафоризация в английском сленге редко бывает случайной. За ней почти всегда стоит культурная ассоциация: еда как символ удовольствия или привлекательности, животные как обозначение силы или глупости, напитки как маркеры свободы и нарушения табу. Именно благодаря этому метафорические модели становятся устойчивыми и понятными для широкой аудитории, а сленговые единицы быстро закрепляются в молодёжной речи [Береговская 1996: 123].

Лексика, используемая в сфере гастрономии, занимает особое место в формировании образных переносов как в английском, так и в таджикском молодёжном сленге. Если для англоязычной среды характерно активное использование названий продуктов и процессов приготовления пищи в переносном смысле, то в таджикском языке пищевая метафорика тесно связана с культурной ценностью еды как символа благополучия, радости и социальной коммуникации [Джураев 2015: 77].

В таджикском молодёжном сленге нередко встречаются слова, которые изначально обозначают конкретные продукты или вкусовые характеристики, но в разговорной речи приобретают переносные значения. Так, слово *мазаватӣ* (от «мазза» — вкус, наслаждение) используется в значении «крутой», «классный», «в удовольствие»: «Имрӯз базм мазаватӣ буд» («Сегодня вечеринка прошла очень весело, с кайфом»). Пища как источник удовольствия становится основой для описания эмоционального состояния.

Интересны и более тонкие переносы. Например, *шӯр шудан* («посолииться») используется в речи молодых людей для описания ситуации, которая вышла из-под контроля или испортилась: «Ин гап шӯр шуд» («Это дело испортилось»). Метафора строится на ассоциации чрезмерно солёной

пищи с негативным опытом. Напротив, слово *ширин* («сладкий») приобрело значение «милый», «приятный», особенно в адрес девушек: «духтари *ширин*» — «милая девушка». Таким образом, вкусовые характеристики становятся важным инструментом эмоциональной оценки.

В таджикской речи также фиксируются более современные инновации. Так, слово *кайф дод* («доставило кайф») часто используется в молодёжных компаниях после удачного мероприятия или хорошей еды. Здесь семантика «кайфа» — удовольствия от пищи или напитка — переносится на широкий спектр позитивных эмоций. В студенческой среде встречаются ироничные выражения типа *пилафӣ шудан* («стать как плов») — в значении «перегрузиться, устать после большой работы», где ассоциация строится на тяжёлой, сытной пище. [Музофиршоев 2012].

Таким образом, в таджикском молодежном сленге наблюдается активное переосмысление лексики, связанной с пищей и вкусовыми ощущениями, которая используется для выражения положительной эмоциональной оценки и субъективного удовольствия.

В английском языке подобные механизмы также развиты. Глаголы *bake*, *boil*, *fry*, *steam* обозначают кулинарные процессы, но в сленге приобретают переносные значения: *bake* — «устроить вечеринку» или «находиться в состоянии наркотического опьянения», *boil* — «злиться» или «напиться», *fry* — «казнить на электрическом стуле» или «сильно пострадать», *steam* — «вступить в драку». Продукты питания также активно используются как метафоры: *tomato* — привлекательная женщина, *lettuce* — деньги, *onion* — голова, *sake* — соблазнительная девушка или «лакомый кусок» [Береговская 1996: 124].

Сопоставление английских и таджикских примеров позволяет выявить разные векторы семантического развития. В английском акцент делается на ироничной оценке внешности, социального статуса или эмоционального состояния через гастрономические образы. В таджикском же сленге пищевая

метафорика теснее связана с культурными реалиями: плов, чай, сладости становятся символами гостеприимства, радости и в то же время ироничными маркерами бытовых ситуаций.

Например, выражение чифт нӯшидан («пить чифир») вошло в молодёжный обиход не только в значении крепкого чая, но и как метафора «замутить что-то», «сделать план». Слово шӯрбо («суп») в разговоре студентов может использоваться в значении «путаница», «неразбериха»: «Лекция як шӯрбо шуд» («Лекция превратилась в полный беспорядок»). Подобные примеры показывают, что гастрономическая лексика в таджикском языке также активно переосмысливается, но её образы ближе к повседневному быту и традиционной культуре.

Лексика, связанная с напитками, занимает особое место в молодёжном сленге, так как она тесно связана с повседневным опытом, культурой досуга и символикой запретного. В английском языке слова, относящиеся к напиткам, часто используются в качестве эвфемизмов для обозначения алкоголя, наркотиков или неформальных встреч. Подобные метафоры помогают молодым людям обойти цензурные ограничения и создать кодированный язык общения внутри группы.

Одним из самых известных примеров является слово *tea*. Помимо прямого значения «чай», оно в молодёжной речи закрепилось в двух новых значениях: во-первых, как обозначение марихуаны, во-вторых, как «сплетня» или «инсайд». Популярное выражение *spill the tea* («пролить чай») означает «раскрыть секрет», «рассказать что-то пикантное». Другой пример — *juice*, которое в сленге обозначает крепкий алкогольный напиток, энергетик или даже бензин, когда речь идёт о криминальной среде. Выражение *liquid lunch* используется для обозначения обеда, сопровождающегося алкоголем. Эти метафорические переносы формируют особое поле значений, где напитки выступают как символы расслабления, нарушения норм и неформальной коммуникации.

В таджикском молодёжном сленге аналогичные процессы также наблюдаются, хотя их культурная окраска отличается. Так, слово *чифт* (чай особой крепости) стало в разговорной речи синонимом «замута» или «плана», когда речь идёт о совместном деле или тайной договорённости: «чифт мекунем» — «замутим что-то». Напиток, традиционно связанный с дружеской встречей, превращается в метафору сообщничества. Выражение *ширчой* (молочный чай) в неформальной речи студентов используется как ироничный символ простоты или наивности: «ӯ ширчой аст» («он простак, неопытный»). Таким образом, напитки приобретают оценочную функцию, выходя за пределы прямого значения.

Современные инновации также затрагивают напитки в контексте интернет-культуры. Молодёжь в Душанбе и Худжанде употребляет выражение *кафе-бозӣ кардан* («играть в кафе») в значении «проводить время без дела, притворяясь занятым». Здесь культурный образ «кафе» как места встречи переносится в ироничный план. Ещё один пример — *кока-кола* и сокращённая форма **кола**, которые в речи подростков могут обозначать как сам напиток, так и «модный стиль жизни», связанный с западными ценностями [Ахмадзода 2020: 69].

Животные традиционно выступают богатым источником метафорических переносов в молодёжной речи, так как они позволяют передавать социальные характеристики, оценку внешности или поведения в образной форме. В английском и таджикском сленге этот пласт имеет общие черты, но наполняется разными культурными ассоциациями.

В английском языке лексема *beef* имеет сразу несколько сленговых значений: «сильный, мощный человек», «жалоба» или «ссора». Такое разнообразие объясняется тем, что мясо ассоциируется и с физической силой, и с тяжёлой проблемой, от которой трудно избавиться. Выражение *mutton-head* (букв. «овечья голова») употребляется как обозначение глупого человека, а *ham* может характеризовать как «слабого боксёра», так и

«человека, переигрывающего на сцене». Выражение *big cheese* (букв. «большой сыр») стало символом влиятельного человека. Образ животного или продукта животного происхождения в английском сленге несёт оценочную нагрузку и выполняет функцию социальной маркировки.

В таджикском молодёжном языке этот механизм также широко используется, но со своими культурными особенностями. Например, слово *тупча* (букв. «маленький шар», от «туп» — мяч) закрепилось в значении «простак» или «человек с ограниченными умственными способностями». Животное *хар* («осёл») в устойчивом выражении пир-хар используется для обозначения взрослого мужчины, который ведёт себя неподобающе или навязчиво ухаживает за молодыми девушками. Подобная метафора несёт в себе ярко выраженный отрицательный оттенок. Лексема *асп* («лошадь») в производной форме аспиён в молодёжной среде стала обозначать сильного и энергичного человека, чаще всего с оттенком восхищения.

Отдельного внимания заслуживает образ собаки. В английской идиоме *dog's breakfast* речь идёт о хаосе и беспорядке, а *dog's dinner* обозначает чрезмерно вычурный, показной внешний вид. В таджикской речи параллели с собакой нередко несут негативный смысл: слово *сагбача* («щенок») может употребляться как уничижительное обращение к младшему или неопытному человеку, а выражение *сагвор шудан* — в значении «обнаглеть». Однако в молодёжных компаниях иногда наблюдается и ироничная переоценка этих образов, когда «саг» может использоваться в значении «свой парень», «близкий друг».

Проведённый разбор показал, что метафорические и тематические поля английского и таджикского сленга строятся по сходным принципам, но реализуются через разные культурные коды. В обоих языках молодёжная речь стремится к экспрессивности, ироничности и сжатию смысла, однако выбор образов определяется национальной традицией, историческим опытом и актуальными социальными реалиями.

В английском материале доминирует стратегия метафоризации. Продукты питания, напитки, животные и бытовые предметы становятся источниками переносных значений, формируя целые семантические кластеры. Bake, boil, fry, tomato, cake, cheese, beef или dog's breakfast иллюстрируют способность языка превращать самые обыденные слова в маркеры эмоциональной оценки, социального статуса или культурной принадлежности. Здесь особенно важна роль массовой культуры и глобальных трендов, которые закрепляют метафорические модели в молодёжной среде.

В таджикском языке, напротив, ключевым фактором выступает интеграция традиции и современности. С одной стороны, сленг активно использует культурно значимые реалии — плов, чай, молочные продукты, базар, глину — превращая их в образы социального взаимодействия, успеха или хаоса. С другой стороны, молодёжная речь открыта к заимствованиям: русские и английские слова легко адаптируются к морфологии таджикского языка и получают новые значения, нередко далекие от исходных. Таким образом, сленг становится площадкой для взаимодействия национальной и глобальной языковой картины мира [Ахмадзода 2012: 68].

Сопоставление также выявляет различия в способах выражения экспрессии. В английском языке доминируют словесные игры, редупликации и идиоматические конструкции, а в таджикском — интонационные и фонетические приёмы, создающие особую выразительность речи. При этом обе традиции стремятся к выполнению одних и тех же функций: обозначению «своего круга», укреплению групповой идентичности, передаче эмоциональных оттенков и созданию ироничного взгляда на действительность.

Итак, английский и таджикский молодёжный сленг демонстрируют универсальные механизмы семантической игры, но наполняют их различным культурным содержанием. Английский язык опирается на глобализированные

модели, связанные с едой, животными и массовой культурой, тогда как таджикский — на локальные бытовые реалии, национальную символику и адаптированные заимствования. В совокупности это подтверждает, что сленг является не только лингвистическим феноменом, но и социокультурным индикатором, отражающим процессы идентичности, глобализации и языковой креативности.

2.4. Сленговая лексика таджикоязычной молодёжи: социальные и лингвистические аспекты

Формирование молодежного сленга в таджикском языке представляет собой сложный и динамичный процесс, отражающий социокультурные трансформации современного таджикского общества. В отличие от устоявшихся лексических пластов, молодежный жаргон возникает в результате активного взаимодействия нескольких факторов — социального, языкового и медийного. Его происхождение связано не только с внутренними механизмами словообразования в таджикском языке, но и с внешним влиянием — прежде всего, русскоязычной и англоязычной интернет-культуры, а также с экспансией глобализированных моделей общения.

На ранних этапах становления сленговой речи среди таджикской молодежи (особенно в конце 1990-х — начале 2000-х годов), активную роль играли заимствования из русского языка, что было обусловлено постсоветским языковым ландшафтом и образовательной системой. Молодые люди включали в повседневную речь такие выражения, как «прикол», «тусить», «отстой», что демонстрировало их принадлежность к определённой социолингвистической группе. Эти элементы не столько ассимилировались, сколько адаптировались к местному языковому контексту — например, с морфологической трансформацией: *приколидан* (прикалываться), *туси кардан* (тусоваться).

Следующим важным этапом стало появление собственных сленговых единиц, основанных на таджикском словотворчестве. Это проявлялось, с одной стороны, в игривом и экспрессивном использовании существующих слов — например, *мазаватӣ* («с кайфом», от *мазза* — «вкус») или *гангбоз* (от английского «gang» и таджикского *боз* — суффикс активности, «тот, кто...»), а с другой — в образовании новых единиц с нулевой мотивацией, смысл которых понятен лишь внутри молодежного сообщества.

Существенную роль в формировании сленга играет городская молодежь, в особенности студенческая среда. Университеты, общежития, кафе и социальные сети становятся пространствами для формирования и распространения новых лексем. Например, в городах Душанбе, Худжанд и Бохтар можно зафиксировать локальные отличия в употреблении сленговых выражений. В столице, под влиянием интернета и блогеров, распространились такие слова, как *чалфак* (яркое, эксцентричное поведение), *гуггидан* (болтать без смысла, от «Google»), *зурбоз* (человек, активно проявляющий уверенность — от *зӯр* «сильный» и *боз*).

Источником инноваций также становятся мессенджеры и социальные сети, где молодежь свободно экспериментирует с языком. Виртуальное пространство позволяет обойти цензурные ограничения и свободно выражать мнение, что ведёт к формированию особых кодов и семиотических маркеров. Так, в TikTok и Telegram фиксируются такие выражения, как *фидотӣ* (от англ. «feedback», означает «ответный отклик», обычно положительный), *блокзада* (человек, часто попадающий в блок-лист), *мотикидан* (тратить время впустую, от англ. «to waste» и таджикского суффикса *-идан*).

Происхождение молодежного сленга в таджикском языке — это не просто результат заимствования, но комплексный процесс внутреннего и внешнего языкового моделирования. Молодёжная речь развивается в диалоге между традицией и глобализацией, между литературной нормой и уличным жаргоном. Эта лексика свидетельствует не только о креативности молодёжи,

но и об изменении самих принципов коммуникации в современном таджикском обществе.

Сленг таджикской молодёжи отличается не только богатством выразительных средств, но и внутренней структурой, которая отражает основные сферы интересов и жизненные приоритеты нового поколения. В речи студентов и школьников чётко прослеживаются пласты, связанные с самопрезентацией, модой, эмоциями, межличностными отношениями, материальным положением и учёбой.

Важным направлением является лексика социальной идентификации. Молодые люди используют её для того, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к определённым группам и стилям, а также выразить отношение к чужому поведению. Так, слово *хайпбоз* закрепилось в значении человека, стремящегося к популярности; *блогй* обозначает активного пользователя социальных сетей; а ироничное *инфлюбол* применяется по отношению к навязчивым инфлюенсерам. В этих терминах сочетается и констатация принадлежности, и элемент насмешки.

Немалую роль играет сленг, описывающий внешность и одежду. Молодёжь пристально следит за стилем и охотно создаёт экспрессивные обозначения для модных или броских образов. Например, *чапчақ* употребляется в отношении вычурного и показного стиля, *лаклакй* — девушки с чрезмерным макияжем, а *кросбоз* — человека, который акцентирует внимание исключительно на брендовых кроссовках. Эти слова не только фиксируют визуальные приёмы, но и выражают ироническое или обесценивающее отношение к ним.

Отдельный пласт составляют выражения, связанные с эмоциями и поведением. Слова *зиқ шудан* («сильно переживать, впадать в уныние»), *тормид* («слишком спокойный, вялый») или *супербаз* («быть в полном восторге») отражают богатую палитру эмоциональных состояний, которая особенно важна для подростковой и студенческой среды.

Заметное место занимает и язык романтических отношений. Молодые таджики используют оригинальные конструкции для описания пар и межличностных связей: *синуҳақ* («он и она»), *гап задан* в значении «встречаться», *махфӣ ловер* («тайный воздыхатель»), *чоркадан* («пытаться привлечь внимание»). Такие выражения придают коммуникации оттенок иронии и демонстрируют креативность в сфере личных контактов.

Не менее значимым является отношение к деньгам и социальному статусу, которое также нашло отражение в молодёжном сленге. Лексемы *долларбоз* («одержимый деньгами»), *кайфкалон* («живущий в своё удовольствие за счёт родителей»), *топкор* («успешный, обеспеченный человек») отражают ценностные ориентиры и одновременно выполняют оценочную функцию.

Даже учебная сфера не обходится без жаргонных обозначений. Здесь встречаются слова *зубзанақ* («отличник»), *копбоз* («постоянно списывающий студент»), *профбоз* («умеющий договориться с преподавателями»). Эти выражения служат способом критически осмыслить образовательную систему и адаптироваться к ней с элементами юмора и самоиронии.

Молодёжный сленг систематизирует опыт повседневной жизни и охватывает ключевые сферы деятельности молодых людей. Он выражает неформальную оценку действительности, помогает закреплять модели поведения и формировать групповую идентичность. Несмотря на то что все эти слова возникают на базе общего литературного таджикского языка, они демонстрируют заметную вариативность и создают целый пласт уникальной речевой культуры, которая отражает не только индивидуальное самовыражение, но и коллективные ценности поколения.

Так, например, в Душанбе, как в столице и крупнейшем студенческом городе, сленг стремительно адаптирует модные русские заимствования и англицизмы: среди подростков и студентов широко распространены такие формы, как *захвати кардан* («поймать хайп»), *таймша брать* («отдохнуть»),

конект шудан (‘завязать отношения’) — все они основаны на английских и русских глагольных основах, адаптированных через персидскую морфологию. Молодёжные группы с высоким уровнем медиа-грамотности создают собственные микроязыки, ориентированные на Instagram, YouTube и TikTok-эстетику.

В Согде (в особенности в Худжанде и Истаравшане) сохраняются более архаичные формы сленга, в которых можно уловить следы классических персидских оборотов, например: шукри калон, инсоншикаста, нурдон (про умного), облама шудан (уничижительная форма проигрыша). Однако и здесь молодёжь активно заимствует столичные выражения, особенно через студенческие обмены и социальные сети.

В региональных центрах Хатлонской области, таких как Курган-Тюбе и Бохтар, наблюдается определённая интеграция сленг бытового общения с разговорным русским, особенно в семьях с миграционным опытом. Здесь можно услышать такие конструкции, как палка кардан (‘постараться’), базар нест (‘вопросов нет’), проблема дорам (‘у меня проблема’), фаҳмиш нест (‘ничего не понял’). Часто используются формулы, заимствованные из миграционной среды, особенно в речи подростков, чьи отцы или братья работают в России.

Интересно, что даже внутри одного города, например, в Душанбе, наблюдаются субрегиональные различия, особенно между центральными районами и окраинами. В районах 82, Гипрозема или Водонасоса могут употребляться выражения, непонятные жителям микрорайонов, — такие как хушёри? (‘ты нормальный?’ в вызывающем смысле), сигнал кардам (‘подмигнул’), хӯрдӣ? (‘обломался?’).

Региональные особенности выражаются не только в лексике, но и в интонации, паузах, способе подачи. Так, в северных регионах фразы чаще строятся с использованием длинных оборотов, тогда как в Душанбе и южных городах — более лаконичные и динамичные.

Важно отметить, что эти вариации не мешают взаимопониманию между представителями разных регионов, но могут служить маркерами принадлежности к определённой социолингвистической группе. Это особенно ярко проявляется в университетской среде, где языковая идентичность молодого человека часто определяется по тому, какие именно сленговые выражения он использует.

Развитие цифровых технологий и массовое распространение социальных сетей радикально трансформировали языковую картину мира таджикской молодёжи. Такие платформы, как Instagram, TikTok, Telegram и YouTube, стали не только средством коммуникации, но и пространством интенсивного языкового творчества, в рамках которого активно формируется, распространяется и закрепляется молодёжный сленг.

Во-первых, социальные медиа стали главным источником заимствований в современном таджикском молодёжном языке. Под влиянием англоязычного и русскоязычного контента в сленг активно входят слова и выражения, связанные с цифровыми практиками. Так, получили широкое распространение слова вроде «хайп кардан» (от англ. hype — «поднимать волну внимания»), «блок кардан» (от англ. block — «заблокировать пользователя»), «лайк задан» (поставить лайк), «сторизша дидм» (я видел(а) её сторис), «мент» (ментор или полицейский), «стрим кардан» (вести прямой эфир) и т. д. Эти формы активно используются как в устной речи, так и в переписке, особенно среди студентов, школьников и работающих в сфере услуг молодых людей.

Во-вторых, благодаря специфике онлайн-общения, сленг обогащается сокращёнными формами, кальками и комбинациями таджикского с другими языками. Например, слова типа «рофл» (от рус. ROFL — rolling on the floor laughing), «ор» (от «орали», русск. сленг), «админша», «настройкаша гап задам» (я поговорю с её настройками — в смысле, повлияю на поведение) —

представляют собой гибридные образования, которые укореняются в молодёжной лексике и со временем даже воспринимаются как «свои».

Особый интерес в развитии современного таджикского молодёжного сленга представляют новейшие номинативные модели, возникшие в интернет-среде и быстро распространившиеся в устной коммуникации. Эти единицы характеризуются яркой экспрессивностью и демонстрируют своеобразный синтез разговорной речи, иронической игры и культурных ассоциаций.

Наиболее продуктивным механизмом выступает конструирование новых прозвищ и насмешливых наименований по модели «лексема-основа + антропонимический элемент». В качестве основы используются семантически нейтральные или разговорные слова, которые в сочетании с антропонимами (например, -гулька, -бек) приобретают новое, ироничное значение.

Так, выражение *чимчи-гулька* образуется от разговорного «чимчи» (‘что-то неопределённое, пустое’) и имени «Гуль» (традиционный компонент женских имён). В молодёжной речи данное сочетание используется в значении «девушка, ориентированная преимущественно на материальные выгоды», то есть охотница за деньгами. По аналогии формируется и *чимчи-бек* — номинация мужчин, стремящихся к отношениям с привлекательными женщинами, что также сопровождается иронической окраской.

Ещё один показательный пример — *пир-хар*, образованный из элементов *пир* (‘старый’) и *хар* (‘осёл’). Это обозначение используется по отношению к мужчинам зрелого возраста, проявляющим интерес к молодым девушкам («чимчи-гулькам»). Лексема несёт ярко выраженную негативную коннотацию и отражает критику социального поведения.

Интересен и вариант *шашак-бек* (*шашак* — разговорное ‘шестерка’, ‘мелкий помощник’ + «бек»). Эта номинация служит для характеристики

мужчин низкого социального статуса, стремящихся выглядеть значимыми и авторитетными, но фактически не обладающими реальным влиянием.

Общая закономерность данных примеров заключается в том, что антропонимы «Гуль» и «Бек» становятся словообразовательными формантами, способными задавать гендерно маркированные значения: «-гулька» — для женских характеристик, «-бек» — для мужских. При этом семантика основы наполняет слово ироничным, часто уничижительным содержанием.

В целом, указанные примеры демонстрируют актуальный процесс в таджикском молодежном сленге — активное создание игровых и насмешливых прозвищ, формирующих систему культурных стереотипов. Данный феномен отражает социальные представления о «гендерных ролях», критикует материальную ориентацию в межличностных отношениях и служит маркером групповой идентичности в молодежной среде.

Особое место в современном таджикском молодежном сленге занимают заимствованные из интернета слова, которые, однако, в процессе адаптации приобретают специфические, локально окрашенные значения. Так, лексема *skuf*, широко известная в англоязычном и русском сленге как обозначение «провала», «потери репутации», в таджикской молодежной речи претерпела семантический сдвиг.

В реальной практике общения среди таджикской молодежи *skuf* употребляется в значении «мужчина, утративший привлекательность», «полноватый, неухоженный, с животом, с признаками возрастных изменений». Таким образом, в таджикском дискурсе акцент переносится с социального на физико-бытовой аспект: слово маркирует не репутационную неудачу, а внешний облик и жизненный стиль.

Форма «*скуф бдай*» в разговорной речи используется не для обозначения «позора» или «ошибки», а скорее как характеристика состояния человека: «он уже скуф», то есть «он выглядит некрасиво, не следит за

собой». Это значение не встречается ни в русском, ни в английском молодежном сленге, что свидетельствует об оригинальности и автономности таджикской семантической адаптации.

Такой случай демонстрирует важную тенденцию: даже глобальные заимствования, активно распространяемые через интернет и соцсети, в таджикском молодежном сленге претерпевают трансформацию и закрепляются в специфически национальной форме. Это делает таджикский вариант сленговых выражений самобытным и отличным от других языковых традиций.

Третье важное направление влияния — это визуализация языка, когда сленг становится частью мемов, стикеров, видео с субтитрами. Молодые таджики часто копируют стилистические особенности инфлюенсеров и блогеров, включая тон, интонации и даже текстовые шаблоны, такие как: «ай чиии бадай шуд?» (эй, что вообще произошло?), «чӯракам хаёл кард вай блогерай» (мой друг возомнил себя блогером), «хо, гап нест» (ну, без комментариев) и прочее. Такие конструкции становятся вирусными, быстро тиражируются и закрепляются в языке.

Следует подчеркнуть, что виртуальная среда снимает традиционные ограничения, связанные с возрастом, полом, социальным статусом. Молодые девушки, например, позволяют себе сленг и экспрессию, которые в офлайн-коммуникации могли бы считаться недопустимыми. Также наблюдается «уравнивание» диалектных и литературных норм: в социальных сетях гораздо проще использовать регионализмы, варьировать стиль и код, не сталкиваясь с осуждением.

При этом стоит отметить, что социальные сети также формируют новую норму — норму цифровой молодежной идентичности. Умение «разговаривать сленгом интернета» становится своего рода маркером принадлежности к продвинутой, современной и «в теме» аудитории. В этом смысле сленг, рождённый в социальных сетях, выступает не только

языковым, но и социальным кодом, исключая тех, кто не владеет его элементами.

Несмотря на распространённое представление о молодёжном сленге как о временном, нестабильном и вторичном явлении по отношению к литературной норме, современные лингвистические подходы допускают возможность его частичной кодификации, в частности, фиксации устойчивых форм, закрепившихся в повседневной практике. В условиях активного расширения цифрового общения и трансформации языковой картины мира у молодёжи Таджикистана, возникает необходимость научного осмысления этих лексических единиц и их возможного включения в описательные словари, глоссарии и другие формы академической фиксации.

Кодификация в данном контексте не означает превращение сленга в нормативную единицу, но предполагает его описание как части живого языкового материала, который выполняет важную коммуникативную и идентификационную функцию. Уже сейчас в онлайн-пространстве появляются стихийные формы систематизации сленга, например, на платформах Instagram, TikTok и Telegram-каналах, где участники предлагают расшифровки терминов, объясняют их значения и даже создают мини-словарики. Эта спонтанная лексикография отражает внутреннюю потребность в упорядочении языковой новизны и может служить базой для научной работы.

С научной точки зрения, исследование и частичная фиксация молодёжного сленга, особенно в таджикском языке, позволяет:

- проследить живые процессы словообразования и заимствования (например, таджикизированные формы английских и русских слов);
- выявить культурно значимые модели коммуникации (юмористические, иронические, криптокодовые конструкции);
- обогатить представление о современной языковой картине мира носителей таджикского языка.

Помимо лингвистического интереса, молодёжный сленг может рассматриваться как педагогический ресурс, особенно в преподавании таджикского языка как родного. Использование элементов актуального разговорного кода позволяет активизировать интерес учащихся, повысить их мотивацию к изучению языка и одновременно сформировать навыки осознанного стиля речи. В практике преподавания языка можно использовать упражнения, основанные на декодировании сленга, сопоставлении его с литературными аналогами, выявлении семантических сдвигов и анализе языковых игр.

Следует отметить, что даже элементы сленга, воспринимаемые как маргинальные или «уличные», при правильной дидактической подаче способны выполнять метаязыковую функцию — быть материалом для осознания границ стиля, уместности выражения, жанровой дифференциации.

2.5. Анализ результатов опроса-анкетирования, проведенного для получения данных о практическом использовании сленга молодежью Таджикистана

Изучение особенностей функционирования сленговой лексики, в частности разговорной речи молодёжи в условиях Таджикистана, представляет собой одну из наиболее дискуссионных тем в современной лингвистике. Этот феномен вызывает устойчивый исследовательский интерес, поскольку отражает как социолингвистические изменения, так и культурные трансформации в молодежной среде.

Лексическая основа молодёжного сленга, как правило, формируется на базе студенческого жаргона, который вбирает в себя и иные формы молодёжного речевого поведения, включая школьный субжаргон. Последний представляет собой совокупность экспрессивно-модифицированных номинаций, направленных на обозначение объектов и процессов, актуальных для молодого поколения: компьютерные технологии, спортивная деятельность, образовательные реалии, развлекательные практики и прочее.

Следует подчеркнуть, что между различными уровнями молодёжной сленговой лексики происходит постоянный языковой обмен, обусловленный динамикой социальной мобильности и расширением коммуникативных практик.

Однако необходимо отметить, что чрезмерное употребление жаргонной лексики в повседневной речи молодого человека может привести к своеобразной **коммуникативной замкнутости**: когда высказывание формируется исключительно в пределах сленгового кода, это затрудняет реализацию других стилей речи, снижает уровень речевой культуры и препятствует полноценной языковой социализации. В этой связи можно говорить о возникновении лингвистической проблемы, имеющей тенденцию к расширению в рамках молодежных сообществ Таджикистана.

С целью достижения целей настоящего исследования, а также для эмпирической фиксации факторов, обуславливающих активное использование сленга в молодёжной среде, было проведено **социолингвистическое анкетирование**. В исследовании приняли участие 132 респондента, включая студентов 1–4 курсов и молодых преподавателей факультета иностранных языков Российско-Таджикского (славянского) университета в городе Душанбе. Анализ полученных результатов позволил выявить основные мотивационные установки, типологию используемых сленгизмов и частотность их употребления в зависимости от образовательного уровня и возраста участников.

Анкета состояла из 15 вопросов, на большинство из которых были даны варианты ответов, из которых опрашиваемые могли выбирать (см. Приложение 1).

1. Первый из вопросов – место рождения – дает возможность сравнить распространенность сленга среди молодежи в регионах и столице, и, таким образом, в сельской и городской местности.

2. По возрастному критерию участники были разбиты на 5 групп:

ответы студентов в возрасте от 18 до 22 лет позволили получить информацию об использовании сленга среди начальных курсов вуза - молодых людей, речь которых изобилует выражениями, распространенными в средней школе;

в возрасте 21-22 года (у студентов старших курсов бакалавриата) в процессе учебы, общения со сверстниками в речь молодых людей начинают входить новые слова, что обусловлено как взрослением и изменениями в самовыражении, так и особенностями жизни в городе (доступность технологий, иностранных языков и др.);

к возрастной категории 23-30 лет относятся как студенты-магистранты, так и аспиранты и молодые преподаватели. Их ответы позволили определить динамику изменений в речи молодежи данного возраста, влияние жизнедеятельности в городских условиях на употребление сленговых слов и выражений;

ответы возрастных категорий 31-40 лет и выше, состоявших из преподавателей и молодых ученых, позволили отследить изменения в отношении к сленгу и его использованию среди молодежи и таким образом увидеть эволюцию взглядов к данному языковому феномену в процессе взросления и жизнедеятельности.

3. На вопрос «Используете ли Вы сленг в обиходе? Если да, то насколько часто?». Основная масса опрошенных, 68,2% (90 чел.), ответила, что использует сленг в общении каждый день, 14,4% (19 чел.) отметили его употребление при необходимости, 10,6% (14 чел.) затруднились дать ответ на вопрос. Лишь 6,8% (9 чел.) из общего числа дали отрицательный ответ.

4. На вопрос «Как вы считаете, влияет ли использование сленга на мнение других людей о вас?» ответы распределились следующим образом: 37,9% (50 чел.) опрошенных считает, что такое влияние имеет место, но ее взаимосвязь с мнением о человеке является слабой и весьма опосредованной,

отрицали наличие подобного влияния 34,1% (45 чел.), а 28,0% (37 чел.) респондентов ответили на данный вопрос утвердительно.

5. Вопрос «Где вы чаще всего используете сленг?» распределил ответы почти поровну: если использование сленговых слов и выражений в основном в интернете признали 51,5% (68 чел.) опрошенных, то 48,5% (64 чел.) отметило их употребление в большей степени в повседневной жизни. Следует отметить, что в возрастном разрезе интернет - пользователей сленга больше среди молодого поколения.

6. На вопрос «Откуда в Вашей речи появляются сленговые выражения?» ответы распределились следующим образом: 44,0% (58 чел.) опрошенных считают, что их сленговый лексикон пополняется в процессе повседневного общения с друзьями, на учебе и на улице, 33,3% (44 чел.) признают влияние общения в интернете, 3,8% (5 чел.) - влияние членов семьи (например, старших братьев), 18,9% (25 чел.) респондентов назвали все варианты.

7. Для определения отношения опрашиваемых к сленгу в анкету был включен вопрос «Как вы считаете, нужно ли избавляться от употребления в своей речи сленга?», на который большинство участников опроса ответило, что не считают использование сленга является проблемой, такое мнение сложилось у 2/3 или 66,6% (88 чел.) респондентов. В то же время 33,3% (44 чел.) считают, что сленг сильно загрязняет речь. Здесь на наш взгляд, следует пояснить, что основная масса респондентов находятся в молодом возрасте (до 30 лет), что определило соотношение ответов. Анализ ответов более старшего поколения опрошенных выявил в основном более негативное отношение к употреблению сленга и его главенствующей роли в загрязнении повседневной речи.

8. Следующий вопрос «Влияет ли использование сленга на грамотность речи?» был логически связан с предыдущим пунктом анкеты. Ответы на данный вопрос распределились равным образом, т.е. по 33,3% (44 чел.)

опрошенных признают очень сильное влияние сленга на грамотную речь человека; отрицают наличие такого влияния; и считают, что сленг частичное влияние. Заметное влияние сленга в данном вопросе было подтверждено более старшим поколением опрошенных.

9. На вопрос «К каким проблемам может привести использование сленга?» получены следующие ответы: 28,8% (38 чел.) анкетированных на первый план выдвигают проблему деградации или неразвития у людей навыков четко и красиво излагать свои мысли, 20,5% (27 чел.) выделяют снижение интереса к чтению, 12,1% (16 чел.) считают одним из самых негативных последствий использования сленга непризнание литературных норм, большинство респондентов - 38,6% (51 чел.) – отметили все три предложенных варианта ответов.

10. На вопрос «Как Вы считаете, является ли сленг единственно правильным (верным) способом выражения мысли?» положительно ответило менее 1% (1 чел.) опрошенных.

11. На вопрос «Как Вы относитесь к тому, что употребление сленга становится нормой среди молодежи» респонденты ответили следующим образом: хорошее отношение высказало 19,7% (26 чел.) опрошенных, нормальное – 27,3% (36 чел.), нейтрально относятся к данному факту 43,2% и крайне плохо – 10% принявших участие в опросе.

На некоторые вопросы анкеты, перечисленные ниже, не были предложены варианты ответов, студенты самостоятельно отвечали на поставленные вопросы.

12. Следующий пункт анкеты-опросника касался наиболее часто используемых респондентами сленговых слов и выражений, где опрашиваемым необходимо было самостоятельно привести несколько примеров. Различный возрастной состав и социальный статус участников определил разнообразие ответов, которые подверглись тщательному анализу.

13. Причины употребления сленговой лексики: анализ ответов респондентов.

На данном этапе анкетирования участникам было предложено самостоятельно обозначить мотивы, побуждающие их к использованию сленга в повседневной речи. Вопрос имел открытый характер, то есть список возможных причин не предлагался, что позволило зафиксировать наиболее естественные и субъективные объяснения со стороны опрашиваемых. По результатам обобщения индивидуальных ответов были выделены следующие основные категории:

- **коммуникативная ёмкость сленговых единиц**, когда сложные по структуре выражения заменяются краткими словами с высокой семантической нагрузкой — 28,8% от общего числа респондентов (38 человек);
- **простота и точность в передаче эмоциональных оттенков**, характерная для неформальной разговорной среды — 27,3% (36 человек);
- **влияние цифровых платформ**, включая социальные сети, мессенджеры и интернет-среду в целом — 24,3% (32 человека);
- **социальная мода и стремление быть «на волне»**: соответствие возрастной норме, желание подчеркнуть принадлежность к определённой группе, подчеркнуть собственную продвинутость или индивидуальность — 13,6% (18 человек);
- **ограниченность лексического запаса**, проявляющаяся в неспособности выразить мысль иными способами — 3% (4 человека);
- **удобство запоминания и использования сленговых конструкций** — также 3% (4 человека).

Таким образом, на первом плане у респондентов находится прагматическая и эмоциональная функциональность сленга, а также влияние цифровой среды на повседневную речевую практику.

14. Языковая основа сленговых заимствований

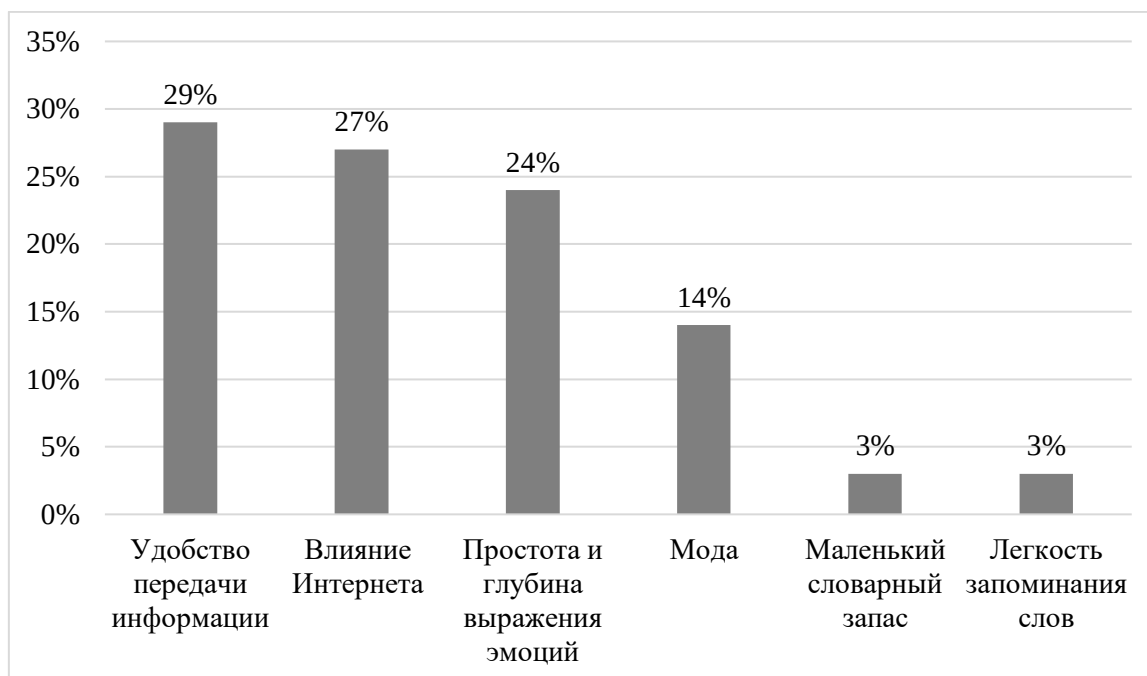
В ответ на вопрос «С какого языка вы чаще всего заимствуете слова и выражения сленгового характера?» большинство студентов — 81% опрошенных — указали **русский язык** в качестве главного источника. Эта тенденция, на наш взгляд, напрямую связана с коммуникативной средой, в которой пребывает значительная часть молодежи: русский язык по-прежнему доминирует в СМИ, образовательной сфере, социальных сетях и массовой культуре.

Следует отметить, что предпочтение того или иного языка заимствования во многом определяется **интересами и специализацией** молодёжи. Так, активные пользователи интернета, не обладающие профессиональными IT-навыками, преимущественно заимствуют лексику из русского языка (например, *materinka* — материнская плата, *контр мерем* — «пойдём играть в Counter-Strike»). В то же время студенты инженерных направлений и сферы цифровых технологий используют **английские термины**, так как специализированная лексика в данной области практически не переводится на другие языки.

Не менее значимым источником новых сленговых форм остаётся **бытовое и уличное общение**, в том числе элементы жаргона **криминальной среды**, такие как «горение» (в значении «классно, очень хорошо»), «путат накун» (буквально «не запутывай» — «не переходи границы»), «балабол» — человек, не отвечающий за собственные слова.

Причины употребления сленга, указанные студентами
Распределение ответов на вопрос о причинах использования сленга
(ответы указаны самостоятельно)

Диаграмма

Анализ полученных данных, представленных в диаграмме 1, позволяет сделать вывод о том, что наиболее значимым фактором при выборе сленговых выражений для студенческой молодёжи является удобство передачи информации, обусловленное способностью сленга лаконично выражать развернутые смысловые конструкции. Эту причину указали 29% респондентов. Как показали пояснения самих участников, сленговая лексика позволяет заменять целые фразы отдельным словом или устойчивым выражением, что делает коммуникацию более быстрой и «своей» по стилистике.

В рамках анкетирования студенты продемонстрировали широкий диапазон синонимических рядов, употребляемых в реальной повседневной практике. Примеры:

– «деньги» — кэш, бабло, бабки, бобы (рус.), лой (тадж.), cash (англ.);

- «сто рублей» — бумага, однохатка (рус.), коғаз, садак (тадж.), a hundred rubles (англ.);
- «встречаться / заводить отношения» — мутить, зажигать (рус.), гаштан, часпондан (тадж.), to get with (англ.);
- «любить» — тащиться, залипать, западать, втюриться (рус.), Мачнунзада, лол, хор шудан, часпидан, об шудан (тадж.), to crush (англ.);
- «смешно» — прикольно, угарно, ржака (рус.), кафонак (тадж.), comically (англ.);
- «плохо» — беспонтово, стремно, хреново (рус.), бе маза, гандук (тадж.), awkward (англ.);
- «ночной клуб, вечеринка» — тусовка, туса, пати, дискач, вписка, тусаджуса (рус.), чумбон-чумбон (тадж.), party (англ.).

Фиксация подобных параллелей демонстрирует не только языковую креативность молодёжи, но и многоуровневость её языковой личности, выражающейся через гибкость в выборе выразительных средств и их ситуативную уместность.

Следующей по значимости причиной употребления сленговых слов участники исследования назвали влияние интернета и цифровой коммуникации — этот вариант выбрали 27% опрошенных. Из числа респондентов, отметивших этот фактор, две трети составили юноши (67%), в то время как девушки — 33%. Эта тенденция, на наш взгляд, обусловлена не только более активным участием юношей в интернет-среде, но и стилистическими предпочтениями: сленг в онлайн-общении становится неотъемлемым инструментом выражения индивидуальности, принадлежности к виртуальному сообществу и актуальности высказывания.

Около четверти всех опрошенных (24%) указали в качестве мотивации простоту и выразительность передачи эмоций, что особенно важно в условиях неформального общения. При этом внутри данной группы респондентов наблюдается ещё более заметное гендерное различие: 71%

составили мужчины, 29% — женщины. Такое распределение, по всей вероятности, отражает большую коммуникативную раскрепощенность молодых мужчин, а также склонность использовать яркие, экспрессивные формы, позволяющие передать оттенки иронии, сарказма, энтузиазма и других состояний.

Таджикский сленг также отличается высоким уровнем эмоциональной насыщенности. В нём активно используются метафорические конструкции, основанные на телесности, угрозе или гиперболе, что типично для разговорного и особенно молодёжного стиля. Примеры включают:

- «чигарта бхрм» — дословно «съем твою печень», выражает крайнюю симпатию, восхищение или эмоциональную привязанность;
- «э, ту вайрони?» — «эй, ты что, ненормальный?» — употребляется как реплика на бессмысленные или нелепые высказывания собеседника;
- «кичон» — универсальное обращение к любому человеку, вне зависимости от пола и возраста, с лёгким оттенком фамильярности.

Результаты анкетирования и последующего обсуждения с респондентами позволяют выделить одну из значимых мотивационных причин употребления молодежью сленговой лексики — ориентация на моду и стремление к социальной идентичности. Данный фактор был отмечен 14% опрошенных студентов. Как показал анализ пояснительных высказываний, за сленговыми формами речи скрывается потребность найти «своё» коммуникативное пространство, соответствующее внутренним установкам, интересам и кругу общения. Употребление модных речевых конструкций становится способом самопрезентации, символом «вписанности» в определённую социальную группу. Примечательно, что именно среди девушек этот мотив оказался ведущим, что подтверждает значимость коммуникативного самовыражения через языковые средства в женской молодёжной среде.

Особого внимания заслуживает тот факт, что все приведённые студентами примеры сленговых выражений на таджикском языке сопровождались переводом на литературный русский язык, чаще всего через синонимическую или фразеологическую замену. Это говорит о том, что респонденты обладают способностью осознанно соотносить разговорные формы с нормированной лексикой, сохраняя при этом повышенный уровень экспрессии и стилистического акцента. Таким образом, сленг, по сути, выступает инструментом семантической трансформации, а не замещения нормы.

Более двух третей опрошенных (свыше 66%) подчеркнули, что основной причиной использования сленга является эффективность в передаче смысла и возможность экономии речевых усилий. Сленг, в данном случае, воспринимается как функционально адаптированный регистр, обеспечивающий краткость, образность и стилистическую гибкость.

Наряду с этим, около 4% студентов назвали причиной обращения к сленгу ограниченность активного словарного запаса. При этом 80% из данной категории составляют первокурсники, что, по мнению преподавателей, отражает в целом низкий уровень языковой культуры среди части учащейся молодежи. Указанное обстоятельство объясняется как недостатком читательской практики, так и преобладанием визуально-цифровой коммуникации в информационной среде.

Наблюдения в ходе исследования показали, что с увеличением возраста и уровня образования снижается частотность употребления сленговых единиц. Так, у студентов старших курсов фиксируется значительно меньшая зависимость от неформального языка, что можно интерпретировать как свидетельство речевой зрелости, социального и психологического взросления. Это подтверждается более взвешенной аргументацией взглядов, активной гражданской позицией и осознанным языковым выбором в различных коммуникативных ситуациях.

Также в качестве одной из вторичных причин 2% студентов указали легкость запоминания сленговых слов и выражений, что, по их мнению, делает сленг удобным средством повседневной коммуникации.

Интересные результаты дал сравнительный анализ по гендерному признаку: 96% юношей признались в регулярном использовании сленга, в то время как среди девушек этот показатель составил 55%. Подобное расхождение можно объяснить различиями в коммуникативных стратегиях и социокультурных установках: мужчины, как правило, склонны к более открытому, динамичному и стилистически свободному взаимодействию, в то время как девушки проявляют большую осторожность в выборе языковых средств.

Комплексный анализ анкет и наблюдений позволяет утверждать, что сленговая лексика отражает не только особенности речевого поведения студентов, но и ментальные установки, ценности, интересы и модели восприятия окружающей действительности, характерные для молодёжи Таджикистана. В функциональном отношении сленг выполняет как творческую, так и адаптационно-коммуникативную функцию, формируя устойчивые модели речевого поведения как в академической среде, так и за её пределами.

Можно заключить, что сленг предоставляет молодым людям возможность выразить эмоциональное отношение к происходящему, придавая высказыванию актуальные, «модные» коннотации, соответствующие ценностям молодёжной субкультуры. По своему стилевому коду он находится в оппозиции к формализованной, нормативной речи, активно эксплуатируя экспрессивные номинации для обозначения предметов, явлений и состояний.

Примеры: вместо нейтрального «хорошо» молодёжь использует «ништяк», «чума», «классно» (*cool, nice*); в таджикском языке позитивная оценка может быть выражена такими лексемами, как «девона» (букв.

«сумасшедший», в значении — «восхитительный»), «четка- от рус. четкий» (настроен, в форме «всё в порядке»), «меша» (от мешавад — «будет», в значении — «подходит», «годится»).

На сегодняшний день употребление сленговой лексики среди молодёжи приобрело повсеместный характер. Даже те студенты, которые критически относятся к активному внедрению сленга в повседневную речь, тем не менее, осведомлены о значении большинства неформальных выражений и активно распознают их в общении. Часто стремление к признанию в рамках определённой молодёжной группы или «тусовки» побуждает молодого человека демонстрировать знание актуальных речевых клише и модных словечек. Это позволяет позиционировать себя как «продвинутого» и тем самым интегрироваться в нужную социальную среду, быть воспринятым как «сагираи худӣ» — «свой среди своих».

Современная молодёжь взаимодействует посредством динамично развивающегося социального жаргона, функциональные особенности которого уже вышли за рамки узкогрупповой лексики и начинают использоваться более широкими слоями населения. Это явление свидетельствует о расширении коммуникативной зоны влияния молодёжного сленга и его проникновении в общезыковую практику.

В то же время важно отметить наличие региональных и социокультурных различий в употреблении сленговой лексики. Так, сравнительный анализ речи студентов из Душанбе и учащихся, приехавших из сельских или периферийных районов, показывает значительное расхождение в активном сленговом словаре. У городских студентов преобладают заимствования из русского и английского языков, что, на наш взгляд, связано как с более интенсивным языковым контактом, так и с большей вовлечённостью в цифровую среду, в которой эти языки функционируют как основные. Кроме того, городской социолингвистический

контекст формирует иные стилистические предпочтения, включая большее количество неологизмов и интернационализмов.

Также были зафиксированы гендерные различия в использовании молодёжного сленга. Девушки чаще прибегают к уменьшительно-ласкательным формам, придающим речи эмоциональную мягкость и экспрессивность, тогда как юноши, напротив, склонны к употреблению грубоватых и фамильярных выражений, усиливающих речевую агрессию или иронию. Кроме того, интенсивность употребления сленговых единиц также отличается: юноши демонстрируют большую частотность и разнообразие жаргонных слов по сравнению с девушками.

Молодёжное речевое поведение, в котором задействованы все уровни общезыковой системы, подтверждает наличие устойчивой сленговой подсистемы, обладающей собственными нормами и тенденциями. Вместе с тем, неформальный характер этой лексики делает её открытой к изменениям, что способствует постоянному обновлению сленгового корпуса.

Несмотря на это, следует признать, что сленг, будучи языковым маркером поколения, может не обладать достаточным потенциалом для долговременного закрепления в литературной норме. По всей вероятности, большая часть используемых сегодня сленгизмов уйдёт из активной речи по мере взросления носителей, а на смену им придут новые лексические единицы.

Тем не менее, **фиксация текущего состояния сленгового языка** остаётся важной задачей лингвистического анализа, поскольку каждый этап языкового развития представляет собой ценный эмпирический материал, отражающий не только речевые, но и социокультурные трансформации общества.

Сленг выполняет важную идентификационно-оградительную функцию, служа своеобразной закрытой территорией для молодёжи, где возможно свободное самовыражение и дистанцирование от мира взрослых. Невзирая на

критику со стороны филологов, педагогов и представителей старших поколений, сленговая лексика продолжает развиваться, претерпевая постоянные изменения в зависимости от времени, среды и технологических нововведений.

Её лексический состав характеризуется высокой степенью подвижности: одни слова утрачивают актуальность, другие — появляются и быстро распространяются, особенно в условиях цифровой коммуникации. Этот процесс формирует живую языковую среду, в которой молодёжь осмысленно (или интуитивно) использует сленг как инструмент не только общения, но и самоидентификации, эстетизации повседневности и вербальной креативности.

Несмотря на то, что сленговая речь не способна полностью заменить нормативную литературную коммуникацию, современное молодое поколение невозможно представить без активного использования сленга. Его главными достоинствами являются лаконичность, выразительность и яркость, благодаря которым он находит своё применение не только в неформальном общении, но также и в сферах массовой культуры, журналистики и художественной литературы, где выполняет экспрессивную и стилистическую функции.

Следует отметить, что восприятие сленга различается в зависимости от позиции: молодёжь преимущественно акцентирует положительные стороны сленгового общения, такие как экономия речевых усилий, креативность и стилистическая свобода, в то время как исследователи и представители старшего поколения склонны рассматривать это явление через призму деструктивного влияния на языковую норму. Тем не менее, для обеих сторон сленг представляет безусловный интерес: для одних — как инструмент социальной и личностной самореализации, для других — как объект лингвистического, семантического и социокультурного анализа.

Выводы по второй главе

Вторая глава диссертации была посвящена комплексному описанию молодёжного сленга в трёх разноструктурных языках — английском, таджикском и русском— с акцентом на структурно-семантические, функциональные и социолингвистические параметры.

В разделе 2.1 рассматриваются основные источники номинации в молодёжном сленге. Показано, что процессы словообразования в сленговой лексике реализуются в рамках общелитературных языковых механизмов, однако отличаются повышенной продуктивностью, вариативностью и экспрессивной направленностью. Выделены ключевые способы номинации, среди которых ведущую роль играют иноязычные заимствования, прежде всего из английского языка, а также аффиксация, словосложение, калькирование и усечение. Установлено, что заимствованные единицы активно адаптируются к словообразовательной и грамматической системе русского языка и, как правило, проникают в таджикскую молодёжную речь опосредованно — через русский язык.

Особое внимание уделяется метафорическим и семантическим механизмам номинации, включая метафору, полисемию, антономасию и словообразовательные метафоры, которые обеспечивают расширение семантического потенциала сленговых единиц и усиливают их экспрессивность. Отмечается высокая продуктивность усечения и аббревиации, особенно в студенческой языковой среде.

Сделан вывод о том, что молодёжный сленг представляет собой динамичную систему номинации, формирующуюся под влиянием социокультурных факторов, межъязыковых контактов и внутреннего потенциала языка.

В разделе 2.2. был проведён комплексный анализ словообразовательных механизмов, определяющих формирование сленговой лексики в английском, русском и таджикском языках. Установлено, что во всех трёх системах активно задействуются аффиксация, усечение,

телескопия, метафоризация и заимствование, однако их продуктивность различна. Для английского языка наиболее характерны композиции, конверсия и аббревиации; для русского — суффиксальные модели, использование уменьшительно-ласкательных форм и словоигра; для таджикского — адаптированные заимствования, метафорические переносы, а также продуктивные модели с элементами -боз, -ак, -гарй. Особое внимание уделено интернет-сленгу, который во всех трёх языках проявляет высокую динамику и креативность, а также выявлены гендерные особенности употребления и степень отклонения от литературной нормы.

В разделе 2.2 рассмотрены прагматические и коммуникативные функции сленга. Были выделены ключевые функции: коммуникативная, экспрессивная, контактная, оценочная, и идентификационная. Показано, что сленг в молодёжной среде выполняет не только роль лексического инструмента, но и служит механизмом социализации, укрепления групповой принадлежности и эмоционального самоутверждения. Подробно описаны особенности использования сленга в различных регистрах общения, включая студенческую среду, интернет-коммуникацию и уличное общение.

В разделе 2.3 представлен сравнительный анализ сленговых единиц по степени их проникновения и функционирования в молодёжной речи. Показано, что английские сленгизмы чаще всего проникают в таджикский язык через социальные сети и цифровую среду, тогда как русские — преимущественно через образовательные учреждения и бытовое общение. Отдельное внимание уделено сопоставлению частотности употребления сленга у городских и сельских респондентов, что позволило выявить территориальные особенности речевого поведения.

В разделе 2.4 был проведен анализ сленговой лексики таджикоязычной молодёжи в социальном и лингвистическом аспектах. Показано, что формирование молодёжного сленга в таджикском языке представляет собой динамичный процесс, обусловленный взаимодействием внутренних

словообразовательных механизмов и внешних факторов, прежде всего влиянием русскоязычной и англоязычной интернет-культуры.

Выявлены основные этапы становления таджикского молодёжного сленга: от преобладания русскоязычных заимствований в постсоветский период к активному формированию собственных сленговых единиц и гибридных номинаций в условиях цифровизации и глобализации. Отмечается ведущая роль городской и студенческой среды, а также виртуального пространства в создании и распространении сленговых инноваций. Установлено, что сленг таджикской молодёжи выполняет важные функции социальной идентификации, оценки и самопрезентации, отражая ключевые сферы интересов молодого поколения. Подчёркивается наличие региональной вариативности, не нарушающей взаимопонимания, но служащей маркером социолингвистической принадлежности. Особое внимание уделяется процессам семантической адаптации заимствованных единиц и формированию оригинальных номинативных моделей, свидетельствующих о самобытности таджикского молодёжного сленга. Делается вывод о целесообразности его научного описания и частичной фиксации как значимого компонента современной языковой картины мира.

Наконец, в разделе 2.5 была проанализирована специфика таджикского молодёжного сленга как отдельного лингвистического феномена. С целью получения эмпирических данных о распространённости и характере использования молодёжного сленга в современной речевой практике таджикской молодежи было проведено анкетирование среди студентов Российско-Таджикского (славянского) университета в городе Душанбе. В исследовании приняли участие 132 респондента различного пола, возраста и места проживания.

Анкета состояла из 15 вопросов, охватывающих следующие аспекты:

- частота использования сленга в повседневной речи;
- источники заимствования сленговых выражений;

- влияние интернета и социальных сетей;
- отношение к сленгу со стороны респондентов;
- гендерные особенности употребления;
- различия между городской и сельской молодежью.

Анализ показал, что 29% респондентов активно используют сленг, считая его удобным способом передачи мыслей, эмоций и оценки ситуаций. 27% опрошенных отметили влияние социальных сетей как основной фактор распространения неформальной лексики. Примерно 24% респондентов подчеркнули, что использование сленга позволяет выражать эмоциональные состояния с большей экспрессивностью и индивидуальностью. Остальная часть респондентов указала на такие причины, как ограниченность словарного запаса и стремление к языковому творчеству. Выявлены также различия по половому признаку: девушки чаще используют уменьшительно-ласкательные формы и менее склонны к грубой, экспрессивной лексике, тогда как юноши активнее употребляют агрессивные или табуированные слова. Интересным оказался и тот факт, что студенты из сельской местности используют меньше англицизмов, чем их сверстники из города, где уровень доступа к современным технологиям выше.

Результаты опроса подтвердили ключевую гипотезу исследования: молодежный сленг является неотъемлемой частью речевой практики молодых таджикистанцев, отражающей их культурные ориентиры, социальную принадлежность и языковую адаптацию к глобализирующемуся миру.

Таким образом, совокупность собранных данных позволяет утверждать, что молодёжный сленг представляет собой не только гибкую и динамичную языковую подсистему, но и ценный индикатор социокультурных процессов. Его изучение в контрастивном аспекте способствует более глубокому пониманию механизмов языкового изменения, речевой адаптации и межъязыкового влияния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование молодёжного сленга в английском, русском и таджикском языках позволило достичь поставленной цели — выявить его структурно-семантические особенности в сопоставительном аспекте. Все задачи, обозначенные во введении, были реализованы последовательно, что обеспечило целостность и комплексность итоговых выводов. Работа опирается на лексико-семантический и морфологический анализ, социолингвистическое анкетирование и сопоставительный метод, что позволило рассмотреть явление сленга с разных сторон и выявить как универсальные, так и специфические закономерности.

Основные результаты исследования могут быть обобщены следующим образом:

1. В английском, таджикском и русском языках функционируют как литературная форма, регулируемая нормами и закреплённая в официальной и деловой сферах, так и нелитературная, обслуживающая повседневную коммуникацию. К последней относятся просторечие, жаргон, аргó и сленг. Молодёжный сленг выполняет особую роль: он не только выражает экспрессивность речи, но и закрепляет групповую идентичность, служит средством разграничения «своих» и «чужих».

2. В каждом из исследуемых языков сленг имеет собственную историю становления. В английской традиции первые фиксации относятся к XVIII веку и связаны с речью моряков и маргинальных групп. В русском языке сленг начал складываться в XIX веке на базе ученического и городского жаргона; позднее закрепился в лексикографической практике. В таджикском языке понятие «сленг» как научная категория сформировалось лишь во второй половине XX – начале XXI вв., что связано с расширением контактов с русским и английским языками, а также с влиянием медийного пространства. Сравнительный анализ показал, что в настоящее время во всех трёх языках термин «сленг» прочно вошёл в научный и практический обиход, хотя трактовки его статуса и границ по-прежнему остаются дискуссионными.

3. Исследование подтвердило, что сленг является гетерогенной подсистемой, неоднородной по своему происхождению и степени приближения к литературной норме. Для него характерны эмоционально-оценочные значения, игровая природа, нестабильность и высокая динамика. Материал исследования показывает, что сленг включает как общий пласт, используемый широкой молодёжной аудиторией, так и специализированные разновидности, обслуживающие потребности отдельных социальных и профессиональных сообществ (студенческий, военный, интернет-сленг и др.). При этом устойчивость сленговых единиц определяется социокультурными факторами: одни слова закрепляются в речи на десятилетия, другие быстро исчезают под воздействием моды и цифровых трендов.

4. Изучение научной литературы и сопоставление с эмпирическим материалом показали, что распространение сленга определяется сочетанием социально-исторических и культурных факторов. Наиболее значимой причиной является смена поколений, когда новые ценности и формы поведения требуют соответствующего языкового выражения. Существенное влияние оказывают масштабные политические и социально-экономические трансформации: распад СССР и последовавшие за ним изменения в структуре общества обусловили активные международные контакты, что повлекло интенсивное заимствование лексики, прежде всего англоязычного происхождения. Эти слова стали необходимыми для номинации новых реалий и социальных практик и были адаптированы в молодёжной речи, обогащая сленговый пласт. К числу дополнительных факторов следует отнести развитие цифровых технологий, мобильной связи и интернета, которые задали новые форматы коммуникации и стимулировали ускоренные процессы словообразования. Определённое влияние оказывает и криминальный жаргон, используемый молодыми людьми как средство лаконичного и экспрессивного выражения оценок. Важную роль в

закреплении и распространении сленговых единиц играют средства массовой информации, социальные сети и медиа - культура, выступающие каналами трансляции новых форм речевого поведения.

5.Основная причина популярности сленга среди молодёжи заключается в его способности выполнять функцию самовыражения и подтверждения принадлежности к группе сверстников. Языковая игра, дерзость и экспрессивность, свойственные молодёжной коммуникации, находят отражение именно в сленговых формах. Благодаря им речь приобретает эмоциональную насыщенность и позволяет говорящему передавать личное настроение, иронию или критическое отношение к ситуации. Таким образом, сленг становится не просто средством номинации, но и важным механизмом формирования идентичности, выполняя те же задачи, что стиль одежды или образ жизни. В составе молодёжного сленга доминируют сниженные оценочные выражения и эмоционально окрашенные единицы, выходящие за пределы литературного стандарта. Динамика этой лексики проявляется особенно ярко в условиях цифровой коммуникации: социальные сети и мессенджеры формируют новые модели речевого поведения, где важна краткость и скорость передачи эмоций. Именно поэтому интернет-сленг включает в себя сокращения, акронимы, визуальные символы и заимствованные формы, органично интегрированные в повседневное общение. Наряду с этим, сленг используется молодыми людьми и как код, позволяющий оставаться непонятыми для посторонних, а также как поле языкового творчества, оцениваемого внутри своего социального круга.

6.Одной из важнейших характеристик сленговой лексики является её аморфность и размытость границ. Нестабильность и гибкость понятийного аппарата объясняются тем, что сленг используется представителями разных возрастных и социальных групп, что исключает возможность его строгой кодификации. Молодёжная речь особенно ярко демонстрирует этот процесс: одно и то же слово может иметь несколько вариантов произношения и

написания, а фиксированной грамматической структуры у сленга нет. Тем не менее его жизнеспособность и устойчивость в речевой практике очевидны. На протяжении десятилетий он сохраняет актуальность, обновляясь и адаптируясь к новым реалиям. Более того, молодёжные языковые предпочтения всё чаще проникают в речь старших поколений, которые нередко копируют речевые модели подростков и студентов, что свидетельствует о широкой социолингвистической значимости данного феномена.

7. Современная языковая ситуация, особенно в таджикском языке, демонстрирует двойственную динамику: с одной стороны, происходит активное проникновение заимствований из русского и английского языков, с другой — формируются собственные, оригинальные модели сленгообразования. Заимствованная лексика претерпевает фонетическую и морфологическую адаптацию, приближаясь к нормам таджикского языка и становясь органичной частью разговорной речи. Параллельно в молодёжной среде создаются самобытные номинации, основанные на национально-культурных кодах и ироническом переосмыслении социальных ролей. Примеры *чимчи-гулька*, *шашак-бек*, *пир-хар* показывают, что подобные новообразования закрепляются как локальные маркеры идентичности. Эти процессы свидетельствуют о том, что таджикский молодёжный сленг развивается не только под влиянием глобализации, но и как результат внутренней языковой креативности.

8. Анализ словообразовательных механизмов подтвердил, что наряду с традиционными моделями — аффиксацией, усечением, аббревиацией и метафоризацией — в таджикском молодёжном сленге активно применяются игровые конструкции с личными именами, уменьшительно-ласкательными суффиксами и словосложением. Подобные модели позволяют создавать экспрессивные и социально маркированные номинации, отражающие культурные установки и речевую креативность молодёжи. Усиление влияния

интернет-коммуникации привело к закреплению заимствованных выражений, которые подвергаются морфологической адаптации и обретают национальные формы. Семантический анализ показал, что во всех трёх сопоставляемых языках действуют сходные механизмы переосмысления значений, однако в таджикской речевой практике они приобретают специфический характер. Так, выражения *чимчи-гулька* или *шашак-бек* не имеют прямых аналогов в английском или русском сленге и отражают уникальные реалии таджикской культуры. Одновременно заимствованные слова подвергаются локальному переосмыслению: например, *кринж* в таджикской молодёжной речи обозначает не только чувство неловкости, но и ироническое дистанцирование, а *скѹф дай* закрепились в значении характеристики мужчины, утратившего привлекательность или ухоженность. Это подтверждает многоуровневую природу молодёжного сленга, в котором универсальные закономерности переплетаются с оригинальными национальными инновациями.

9. Семантический анализ сленговой лексики исследуемых языков позволил сделать вывод о том, что сленгизмы в основном заимствуются из литературного языка, претерпевая метаморфозы или метонимически переосмысливаются и используются в молодёжной среде с обновленным значением. Заимствованные из профессиональной и корпоративной лексики слова часто меняют свою семантическую структуру, расширяя или уменьшая значение. Метафоризация играет важнейшую роль в изменении семантики слова, способствуя образованию новых сленгизмов. Среди наиболее часто используемых современных молодёжных метафор самыми распространенными являются антропоморфная (сравнение растений или неодушевленных существ с людьми) и зооморфная (сравнение животного с человеком) модели метафоры.

В зависимости от принадлежности слова к определенной части речи, среди моделей метафор в молодёжных сленговых терминах, наиболее

распространённой считается субстанциональная. ходе исследования было обнаружено 1224 подобных примера.

Тематика метафор отражает интересы современной молодежи. Проведенный анализ сленгизмов показал, что сегодня в центре внимания молодого поколения находится человек, его поведение и поступки, а также описание человеческих эмоций и переживаний. Наиболее часто встречаются метафоры, связанные с наименованием лиц (28% от общего числа исследованных сленгизмов), частями тела человека (17%), описанием действий человека (9%).

10. Одной из характерных черт сленговой лексики является её динамичное взаимодействие с другими формами речи, включая как литературный язык, так и арготическую лексику, профессиональные термины и региональные диалекты. В рамках исследования было установлено, что многие единицы молодежного сленга имеют мультифункциональный статус, то есть могут одновременно функционировать в нескольких речевых регистрах. Это обусловлено тем, что социальные диалекты активно заимствуют лексику друг у друга, а смена социальной или коммуникативной маркировки нередко сопровождается трансформацией структуры слова и его семантики.

Так, семантическое поле арго и жаргонизмов претерпевает изменения в результате потери специфичности и профессиональной ограниченности: бывшие профессионализмы или арготизмы теряют статус закрытого кода и становятся частью открытого сленгового пространства. В результате такого процесса, лексические единицы с узкоспециализированной нагрузкой получают более широкое распространение, постепенно утрачивая исходные маркеры и адаптируясь к новой коммуникативной среде.

Важной особенностью молодёжного сленга является его контекстуальная зависимость. Значение одной и той же лексики может существенно варьироваться в зависимости от интонации, речевой ситуации,

коммуникативных целей и социальных ролей участников общения. Контекст выполняет функцию своеобразного семантического фильтра, усиливающего или, напротив, смягчающего экспрессивный потенциал слова.

Эмоционально-оценочная окраска, свойственная сленгу, обеспечивает возможность выражения субъективного отношения говорящего и создания эффекта личностного присутствия в коммуникации. Однако анализ показал, что эмоциональная насыщенность сленговых единиц не является фиксированной: в разных ситуациях она может ослабляться или усиливаться. Именно благодаря своей образности, лаконичности и выразительности сленговое слово нередко оказывается предпочтительнее нейтрального аналога, поскольку делает высказывание более живым и запоминающимся.

Таким образом, сленг выполняет не только номинативную, но и рецептивную функцию, облегчая восприятие смысла и эмоционального содержания внутри группы носителей субкультурного кода. Особое значение этот процесс приобретает в таджикской речевой практике, где значительная часть сленговых выражений опирается на диалектную лексику. Эти элементы не ограничиваются территориальным употреблением: под влиянием миграции и межкультурных контактов они распространяются в межрегиональной и даже транснациональной коммуникации, закрепляясь как часть общего молодёжного языкового пространства.

11. Анализ эмпирического материала показал, что номинация объектов окружающего мира играет ключевую роль в формировании сленговых единиц. Молодёжная речь активно использует особые признаки явлений действительности, превращая их в основу для новых наименований. В результате сравнительного изучения были систематизированы такие тематические сферы, как приготовление пищи, психоэмоциональное состояние человека, профессии и виды деятельности, одежда и быт, отдых и досуг, социальный статус и личностные характеристики, продукты питания и напитки. Методом сплошной выборки зафиксировано 185 актуальных

лексических единиц, функционирующих в молодёжной коммуникации и квалифицируемых как сленгизмы. На основе анализа трёх интернет-форумов была выявлена динамика речевых моделей и предложена тематическая классификация, включающая шесть групп: студенческий сленг, профессиональная лексика, номинации личностных качеств, обозначения интернет-статусов и поведения, позитивно окрашенные выражения и негативные характеристики. Выявлено, что доля заимствований составляет 23% от общего массива, преимущественно из английского языка, что объясняется его ведущей ролью в цифровой культуре. Наиболее продуктивными способами словообразования выступают аббревиация (15,2%) и усечение (12%), тогда как на морфологическом уровне преобладает аффиксация, особенно суффиксация (4,8%). Примечательно и использование зоосемантических метафор (9,4%), которые иллюстрируют образное и ассоциативное мышление молодёжи.

12. Социолингвистическое анкетирование, проведённое среди 132 студентов и преподавателей факультета Иностранных языков Российско-Таджикского (славянского) университета, позволило выявить ключевые параметры употребления сленга. Результаты опроса показали, что основными мотивами обращения к сленговой лексике выступают удобство передачи информации (29%), влияние интернета и социальных сетей (27%), а также потребность в эмоциональной экспрессии (24%). Часть респондентов (4%) связала использование сленга с ограниченностью словарного запаса. Было установлено, что у столичной молодёжи доминируют заимствования из английского и русского языков, тогда как в периферийной среде выше доля локальных форм. Анкетирование выявило также гендерные различия: девушки чаще прибегают к уменьшительно-ласкательным выражениям, тогда как юноши используют более грубые и фамильярные формы. Эти данные подтверждают тезис о социолингвистической обусловленности сленга, зависящего от территориальных, возрастных и гендерных параметров.

13. На основе проведённого исследования были уточнены функции молодёжного сленга. К числу основных относятся: коммуникативная (обеспечивающая обмен информацией в неформальной среде), экспрессивная (выражение эмоций и субъективных оценок), контактная (поддержание речевого взаимодействия), а также интегративно-идентификационная (маркирующая принадлежность к группе и поколению). Результаты анализа подтвердили гипотезу о двойственной природе сленга: он с одной стороны опирается на литературный язык, заимствуя его фонетические и морфологические модели, с другой — функционирует как самостоятельный социальный код, ограниченный интересами и потребностями молодёжи. Его носителями преимущественно являются лица от 12 до 25 лет, а популярность напрямую связана с процессами цифровизации, миграции и культурного обмена. Сленг формируется как динамичная, творческая система, отражающая ценности, формы самовыражения и социальные установки нового поколения. Изучение данного феномена имеет не только лингвистическую, но и культурологическую значимость, так как позволяет глубже понять современные трансформации языка и общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Монографии

1. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык / И.В. Арнольд; науч. ред. П.Е. Бухаркин. – М.: Флинта, Наука, 2012. – 384 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
3. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
4. Ахмадзода, М. М. Таджикский литературный язык: нормы и развитие / М. М. Ахмадзода. – Душанбе: Дониш, 2012. – 318 с.
5. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. — М.: Международные отношения, 1975. — 240 с.
6. Беднарская, Л. Д. Грамотный человек: учеб. пособие / Л. Д. Беднарская, Л. А. Константинова, Е. П. Щенникова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 167 с.
7. Беликов, В.И. Социоллингвистика / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: РГТУ, 2001. – 439 с.
8. Беляева, Т.М. Нестандартная лексика английского языка / Т.М. Беляева. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 136 с.
9. Бондаренко, Г. А. Современный русский язык: словообразование / Г. А. Бондаренко. — М.: Академия, 2003. — 256 с.
10. Брагина, А.А. Неологизмы в русском языке / А. А. Брагина. – М.: Наука, 1973. – 224 с.
11. Будагов, Р.А. Введение в науку о языке / Р. А. Будагов. – 3-е изд. – М.: Добросвет, 2003. – 544 с.
12. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студ. вузов / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
13. Вахитов, С. В. Лекция о русском сленге / С.В. Вахитов. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. — 47 с.
14. Введенская, Л. А. Этимология: учебное пособие / Л. В.

Введенская, Н. П. Колесников. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 343 с.

15. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание/А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.

16. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Высшая школа, 1976. – 248 с.

17. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1953. — 314 с.

18. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М.: Национальное образование, 2016. – 368 с.

19. Гак, В.Г. Язык как форма самовыражения народа/ В.Г. Гак// Язык как средство трансляции культуры: монография / под ред. М.Б. –М.: Наука, 2000. – С. 54-68

20. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. — М.: Высшая школа, 1981. — 340 с.

21. Гафурӣ, З.С. Вижагиҳои лингвистии сленгиҳои компютерӣ-интернетӣ дар забони англисӣ ва ифодаи инҳо дар забони тоҷикӣ. – Душанбе, 2023.- 180 с.

22. Головин, Б. Н. Основы культуры речи / Б. Н. Головин. — М.: Просвещение, 1987. — 287 с.

23. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт; пер. с нем. яз; под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили. — 2-е изд. — М.: Прогресс, 2000. — 396 с.

24. Даниленко, В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. — М.: Наука, 1977. — 246 с.

25. Джамshedов, П. Вульгаризмы в системе лексики английского языка/ П. Джамshedов. – Душанбе: РТСУ, 2010 – 160 с.

26. Джамshedов, П. Очерки по сопоставительной типологии английского и таджикского языков/ П. Джамshedов. – Душанбе, 1988 – 126 с.

27. Джамshedов, П. Д. Сравнительно-сопоставительная лингвистика: теория и практика / П. Д. Джамshedов. — Душанбе: Ирфон, 2018. — 302 с.
28. Джураев, Г. Неологизмы таджикского языка / Г. Джураев. — Душанбе: Дониш, 2015. — 254 с.
29. Джураев, Г. Основы таджикской лексикологии / Г. Джураев. — Душанбе: Ирфон, 1985. — 224 с.
30. Диброва, Е.И. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц / Е.И. Диброва. — М., 2002. — 557 с.
31. Заботкина, В.И. Неологизмы в современном английском языке / В.И. Заботкина, Г.М. Степанов. — Калининград, 1982. — 139 с.
32. Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка / В. И. Заботкина. — М.: Высш. шк., 1989. — 124 с.
33. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс/ В.И. Карасик. — Волгоград, 2002. — 477 с.
34. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность/ Ю.Н. Караулов. — М.: Наука, Караулов, Ю. Н., Филиппович, Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности: моделирование состояния и функционирования/ Ю.Н. Караулов, Ю.Н. Филиппович. —М.: Азбуковник, 2009. — 334 с.
35. Карашук, П.М. Словообразование английского языка / П.М. Карашук. — М.: Высшая школа, 1977. — 303 с.
36. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон. — М.; Л.: Наука, 1965. — 110 с.
37. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. — М.: Наука, 1984. — 175 с.
38. Котелова, Н. З., Сорокин, Ю. С. Новые слова и значения в русском языке / Н. З. Котелова, Ю. С. Сорокин. — Л.: Наука, 1973. — 276 с.
39. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. — М.: Языки славянских культур, 2009. — 229 с.
40. Крысин, Л. П. Русское слово, своё и чужое: исследования по

современному русскому языку и социолингвистике / Л.П. Крысин – М.: Языки славянских культур, 2004. – 883 с.

41. Левашов, Е. А. Современные процессы в русском словообразовании / Е. А. Левашов. — СПб.: Наука, 1997. — 224 с.

42. Леонтьев, А.А. Язык, речь и речевая деятельность /А.А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.

43. Лихачёв, Д. С. Заметки о русской культуре и языке / Д. С. Лихачёв. — М.: Советская Россия, 1987. — 304 с.

44. Маковский, М. М. Современный английский сленг / М.М. Маковский. – М.: ЛКИ, 2007. – 168 с.

45. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание / Ю.С. Маслов. – М.: Высш. шк, 1987. – 272 с.

46. Махмудов, М. Г. Современная лексикология таджикского языка / М. Г. Махмудов. — Душанбе: Ирфон, 2011. — 232 с.

47. Мачидов, Х. Фразеологияи забони хозираи тоҷик: Дастури илми / Х. Мачидов. – Душанбе, 1982. – 107 с.

48. Маъсуми, Н. А. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик: монография – Сталинобод, 1959 – 294 с.

49. Молодежная политика Республики Таджикистан: язык, культура, общество: матер. Респ. науч.-практ. конф. / ред. Д.М. Искандаровой. –СПб.: Сциентия, 2024. – 187 с.

50. Музофиршоев, М. Современный таджикский язык: слово и контекст / М. Музофиршоев. — Душанбе: Дониш, 2016. — 240 с.

51. Мухаммадиев, М. Лексикаи забони адабии тоҷик: (маводи таълими) / М. Мухаммадиев, Х.Талбаков, Ю. Нурмахмадов. – Душанбе: ДДМТ, 1991. – 192 с.

52. Назарзода, С. С. Развитие лексики таджикского языка в эпоху глобализации / С. С. Назарзода. — Душанбе: Ирфон, 2004. — 216 с.

53. Никитина, Т.Г. Современный молодежный лексикон в

лингвокультурологическом и лексикографическом аспектах / Т.Г. Никитина. – Псков: Псковский гос. ун-т, 2012. – 382 с.

54. Проблемы функционирования русского языка в Республике Таджикистан/ Шамбезода Х.Д., Дубовицкая И.М., Гусейнова Т.В. и др. – Душанбе, 2006. – 200 с.

55. Рахимов, С. А. Культура речи и нормы таджикского языка / С. А. Рахимов. — Душанбе: Дониш, 2004. — 52 с.

56. Реформатский, А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. — М.: Аспект Пресс, 1983. — 320 с.

57. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; пер. с англ. А. Е. Кибрика. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.

58. Сергеев, В.К. Молодежная субкультура в условиях мегаполиса / В.К. Сергеев. – М.: Ин-т соц.-полит. Исследований РАН, 2001. – 104 с.

59. Симонова, К. Н. Актуальные проблемы современной лингвистики: учебное пособие / К. Н. Симонова. — Ростов-на-Дону: Донской ГТУ, 2017. — 83 с.

60. Складаревская, Г. Н. Новые слова и значения в русском языке / Г. Н. Складаревская. — СПб. : Наука, 1998. — 245 с.

61. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Наука, 1956. – 260 с.

62. Снегирёв, Ф. В. Основы социоллингвистики / Ф. В. Снегирёв. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. — 192 с.

63. Собиров Э. К. Гулчин. Избранные статьи по таджикской лексикологии / Э.К. Собиров. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2021. – 354 с.

64. Стернин, И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX — начала XXI века / И.А. Стернин. – М.: Директ-медиа, 2015. – 73 с.

65. Судзиловский, Г. А. Сленг— что это такое? Английская просторечная военная лексика/ Г.А. Судзиловский. – М.: Воениздат, 1973. –

127 с.

66. Томас, К. Психоллингвистика и коммуникация / К. Томас. — М.: Прогресс, 1987. — 272 с.

67. Трахтенберг, В.Ф. Блатная музыка: («Жаргон» тюрьмы): По материалам, собр. в пересыл. Тюрьмах / В.Ф. Трахтенберг; под ред. и с предисл. проф. И.А. Бодуэн-де-Куртенэ. — Спб: тип. А.Г. Розена, 1908. — 116 с.

68. Хасанов, М. М. Языковая личность таджикской молодёжи / М. М. Хасанов. — Душанбе: Ирфон, 2020. — 220 с.

69. Химик В. В. Поэтика низкого или просторечие как культурный феномен / В. В. Химик. — СПб.: Филологический факультет, СПбГУ, 2000. — 272 с.

70. Хэмп, Б. Ф. Современная лингвистика / Б. Ф. Хэмп. — М.: Прогресс, 1979. — 346 с.

71. Шаропов, Н.А. Пути развития лексики современного таджикского литературного языка / Н.А. Шаропов. — Душанбе: Дониш, 1988. — 133 с.

72. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. — Изд. 3-е. — М.: ЛКИ, 2008. — 2008- 278 с.

73. Barder Ch. Linguistic Change in Present Day English / Ch. Barder. — Ed., 1964. — 179 p.

74. Burke, D. The Slangman Guide to Street Speech / D. Burke. — Los Angeles: Slangman Publishing, 2013. — 310 p.

75. Burkhardt, A. Youth Language and Identity / A. Burkhardt. — Berlin: De Gruyter, 2019. — 334 p.

76. Fries Ch. Teaching and Learning English as a Foreign Language / Ch. Fries. — Ann Arbor, 1947. — 498 p.

77. Gilbert, E. Linguistic Innovation and Social Identity / E. Gilbert. — Cambridge: Cambridge University Press, 1981. — 270 p.

78. Green, J. *Green's Dictionary of Slang* / J. Green. — London: Chambers, 2010. — 3 vols.
79. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago: University of Chicago Press, 1980. — 242 p.
80. Leech, G. *Semantics: The Study of Meaning* / G. Leech. — Harmondsworth: Penguin, 1974. — 312 p.
81. LeMay, A. *The Language of Slang* / A. LeMay. — New York: Longman, 1985. — 278 p.
82. Mager, N. *New Words in Modern English* / N. Mager. — London: Longman, 1982. — 231 p.
83. Partridge, E. *Slang Today and Yesterday* / E. Partridge. — London: Routledge, 1960. — 484 p.
84. Reifer, M. *Modern Slang and Colloquialism* / M. Reifer. — New York: Free Press, 1955. — 198 p.
85. Smith, L. *The New English Language* / L. Smith. — Oxford: Oxford University Press, 1972. — 305 p.
86. Spears, R. A. *Slang and Euphemism* / R. A. Spears. — New York: New American Library, 1982. — 423 p.
87. Talbot, M., Atkinson, K., Atkinson, D. *Language and Power in the Modern World* / M. Talbot, K. Atkinson, D. Atkinson. — Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2003. — 324 p.
88. Vandryes, J. *Le langage: Introduction linguistique à l'histoire* / J. Vandryes. — Paris: Payot, 1925. — 320 p.
89. Yusupova, A. *Teaching Terminology in Foreign Languages: Challenges and Solutions* / A. Yusupova. Kazan: Science, 2018. — 295 p.
90. Zandwort, R. *Slang Studies* / R. Zandwort. — Leiden: Brill, 1958. — 183p.

Диссертации

91. Андреева Г.Р. *Лексико- семантические особенности специального*

сленга: на материале английского языка: дис. канд. филол. наук: 10.02.04. / Андреева Галина Рустамовна. – М., 2004. – 177 с.

92. Арустамова, Е. А. Социально-психологические особенности молодежного сленга в русском языке: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / Арустамова Екатерина Андреевна. — М.: МГУ, 2018. — 189 с.

93. Баротзода, Ф. К. Образование и функционирование прозвищ и кличек в разноструктурных языках: дис. д-ра филол. наук: 10.02.19. Баротзода Файзиддин Кмолиддин. – Душанбе, 2022. – 421 с.

94. Бегидова, Ф. М. Языковая картина мира современной молодежи (на материале разговорной речи студентов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Бегидова Фатима Махмудовна. — Махачкала: ДГУ, 2019. — 183 с.

95. Гуломова, М. С. Социально- философское осмысление социокультурного отчуждения молодежи в Таджикистане: дисс.канд. филос. наук: 09.00.11 / Гуломова Мавзуна Сироджовна. – Душанбе, 2019.- 145 с.

96. Дмитриева, С. О. Динамика молодежного сленгового лексикона: лингвосоциокультурологический аспект и лексикографический аспект: дисс. канд. филол. наук: 10.02.19 / Дмитриева София Олеговна. – Калининград, 2024. – 239.

97. Ковалева, Л. М. Проблемы структурно- семантического анализа простой глагольной конструкции в современном английском языке: дис. д-ра филол. наук / Ковалева Людмила Михайловна. – Иркутск, 1983. – 392 с.

98. Матюшенко Е.Е. Современный молодежный сленг: дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Матюшенко Елена Евгеньевна. – Волгоград, 2007. – 188 с. (29 с)

99. Махадова, Г.Х. Развитие лексической системы таджикского и английского языков в конце XX и начале XXI вв.: дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Махадова Гулнисо Худоёровна. 2019 – 178 с.

100. Музофиршоев М.О. Неологизмы и способы их образования в

современном таджикском литературном языке (на материале периодической печати 90-х гг. XX и начала XXI веков): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Музофиршоев Мамадалишо Окимшоевич. – Душанбе, 2012. – 174 с.

101. Наджмиддинов, А. Ф. Особенности образования новых слов в английском и таджикском языках: по публицистическим текстам: дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Наджмиддинов Акбаршоҳ Файзуллоевич. – Душанбе, 2015. – 174 с.

102. Никитина Ю.М. Социальные и лингвистические средства современного русского молодежного жаргона: дисс. канд. филол. наук: 10.02.01 / Никитина Юлия Николаевна, – Москва, 2005 – 427 с.

103. Нозимов, А.А. Языковая ситуация в современном Таджикистане: состояние, особенности и перспективы развития: дисс. доктора филол. наук 10.02.22 / Нозимов Абдулхамид Абдуалимович. – Душанбе, 2010. – 309 с.

104. Раупова, Ш.М. Неологизмы общественно- социальной сферы в разносистемных языках: дисс. канд. филол. наук: 10.02.19. / Раупова Шахнозахон Махмуджоновна. – Душанбе, 2021. – 226 с.

105. Сирил Чебюке Нвайгве. Новый сленг английском языке XX века в сопоставлении с литературным английским языком: дисс. канд. филол. наук: 10.02.20 / Сирил Чебюке Нвайгве. – Душанбе, 2007.- 287 с.

106. Титарнеко С.А. Лингвопрагматический потенциал субстандартной лексики (на материале английского сленга): дис. канд. филол. наук 10.02.04 / Титаренко Сергей Александрович. – Волгоград, 2022. – 261 с.

107. Хомяков, Е. А. Концепт «Человек» в жаргоне русских и французских студентов: дис. ... канд. фил. наук /:10.02.20 Хомяков Евгений Александрович. – Орёл, 2009. – 238 с.

Авторефераты

108. Алексеев, А. А. Из истории общественно-политической лексики русского языка 18 в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук:10.02.01 / Алексеев Алексей Алексеевич. – Л., 1972. – 18 с.

109. Ахмадова, У. Ф. Семантика и прагматика слова в современном таджикском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук:10.02.01 / Ахмадова Ульфат Фарходовна. — Душанбе: Ирфон, 2004. — 45 с.
110. Борисова-Лукашанец, Е. Г. Лексические заимствования и их нормативная оценка (на материалах молодёжного жаргона 60–70 годов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук:10.02.01 / Борисова-Лукашанец Екатерина Георгиевна. — М., 1982. — 26 с.
111. Гафуров, З. С. Лингвистические особенности компьютерного интернет-сленга в таджикском и английском языках: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.20/ Гафуров Зоир Саъдуллоевич.
112. Захарченко, Т.Е. Эквивалентная лексика в русском и английском сленге: системный, словообразовательный и функциональный аспекты: автореф. Дис. канд. филол. наук: 10.03.19 / Захарченко Тимур Евгеньевич. — Ростов- на- Дону, 2006. — 24 с.
113. Зохидов А. Разговорная лексика в современном таджикском языке (на материале художественной литературы): автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.02 / — Зохидов Абдунаби. — Душанбе, 1991. — 18 с.
114. Кудинова, Н. А. Функциональный аспект языка молодежной субкультуры начала XXI века: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.01 / Кудинова Наталия Александровна. — Курск, 2010. — 20 с.
115. Рубцова Е.А. Лингвокультурологический анализ молодежного сленга начала XXI века (на материале печатных СМИ): автореф. дисс. канд. филол. наук: Рубцова Евгения Александровна. — М., 2009. — 20 с.
116. Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков: автореф. дис. ... д-ра пед. наук:13.00.02 / Фурманова Валентина Петрова. — М., 1994. — 58 с.
117. Хидиров Р.Г. Лексические изменения таджикского и узбекского языков конца XX- начала XXI вв.: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.22 /

Хидиров Раджаб Гульматович. – Душанбе, 2009. – 22 с.

118. Чжан Вэй. Типы и функции молодежного сленга в русском языке: автореф. дис. канд. филол. наук: 5.9.5 / Чжан Вэй. – М., 2024. – 22 с.

119. Шарифзода, Ш. Х. Пути формирования и развития слов и словосочетаний таджикского языка (в период независимости и в историческом ракурсе): автореф. дисс.канд. филол. наук: 10.02.19. / Шарифзода Шарифхон Хол. – Душанбе, 2022. – 24 с.

Статьи

120. Азнаурова, Э.С. Слово как коммуникативная единица языка / Э.С. Азнаурова // Коммуникативные единицы языка: Тез. докл. Всесоюзной научной конференции. – М., 1984. – С. 14-19.

121. Амонзода, С.Р., Вольская Н.П. Фразеологизмы в языке современной молодежи на примере молодежного языка России и Таджикистана / С.Р. Амонзода, Н.П. Вольская // Предмет воспитания-человек: матер. конф., посвящ. 200- летию со дня рождения Е.Д.Ушинского. – Душанбе, 2023. – С.19-21.

122. Афзали, М.К. Общая тенденция развития языков как результат генетической связи между ними / М.К. Афзали // Вестник Таджикского национального университета. – 2010. – №7. – С. 27-31.

123. Ахмадзода, М. М. Лексические новообразования в современном таджикском языке / М.М. Ахмадзода // Вестник Таджикского Национального Университета. — 2020. — № 4. — С. 61–68.

124. Бабалова, Г.Г., Широбоков, С.Н. Компьютерный сленг/ Г.Г. Бабалова С.Н. Широбоков // Омский научный вестник. – 2015. – № 3. — С. 38 - 42

125. Бархударов, Л. С. К вопросу о типах межъязыковых лексических соответствий / Л.С. Бархударов // Иностранные языки в школе. – 1980. – № 5. – С. 11-19.

126. Береговская, Э.М. Молодежный сленг: формирование и

функционирование / Э.М. Береговская // Вопросы языкознания. – 1996. – №3. – С.120-131.

127. Босак, Я.С. Разговорность как динамический фактор / Я.С.Босак // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 20. – С.24-27.

128. Бурнаева, Е. М., Ерофеева, О. П. Сленг в социальных сетях как способ самовыражения молодежи / Е.М. Бурнаева, О.П. Ерофеева // Символ науки. – 2015. – № 12–2. – С.260-271.

129. Ганиева, Г.Р., Гараева, Р.С., Славина, Л.С. Социально маркированные сленгизмы в англоязычной рэп-лирике / Г.Р. Ганиева, Р.С. Гараева, Славина Л.С. // Грамота. – 2017. – № 3(69): в 3-х ч. – Ч. 1. – С. 73-76.

130. Гафурӣ, З.С. Таърихи ташаккул ва таҳоввули сленг дар забонҳои англисӣ, русӣ ва тоҷикӣ / З.С. Гафурӣ // Паёми донишгоҳи омузгорӣ. – 2024. – №2 (109). – С. 29– 33.

131. Гафуров, З.С. Сленги компьютерӣ- қабати нави лексика дар забони тоҷикӣ ва роҳҳои ташкили он / З.С. Гафуров // Паёми Донишгоҳи Миллии Тоҷикистон “Бахши илмҳои филологӣ”. – Душанбе, 2020. – №7 – С. 254– 58.

132. Гуломова, М. С. Молодежь как объект социально- философского анализа и объект социокультурного отчуждения // М. С. Гуломова / Вестник Таджикского Национального Университета. – 2016. – № 3/6 (211) С. 140- 144.

133. Даль, В. И. Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка / В.И. Даль // Вопросы языкознания. — 1990. — № 1. — С. 134–156.

134. Дейк, Т. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. / Т.А. ван Дейк; пер. с англ., сост. В. В. Петров; под ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 294-300.

135. Джураев, Г. Тенденции словообразования в таджикском языке конца XX века / Г. Джураев // Язык и общество. — 2015. — № 3. — С. 87–93.

136. Джураев, Г., Фатхуллоев, С. О некоторых особенностях новой

лексики в таджикском языке / Г. Джураев // Вестник ТНУ. — 2003. — № 5. — С. 45–52.

137. Елистратов, А.А. О методе и методологии контрастивной субкультурной жаргонологии / А.А. Елистратов // Актуальные проблемы филологии. – Пермь: Меркурий, 2012. – С. 52-57

138. Иващенко, Д.Е. Особенности употребления сленга американскими и британскими подростками (на материале современных телесериалов) / Д.Е. Иващенко // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. – 2021. – №13. – С. 46-50.

139. Искандарова, Д. М. Индикаторы социального статуса в таджикском речевом этикете (сопоставительный аспект) / Д. М. Искандарова // Мир духовной культуры человечества: язык, литература, искусство: матер. Междунар. науч.- практ. конф. – Самарканд, 2006. – С. 132 –134

140. Искандарова, Д.М. Создание языкового портрета молодёжи Таджикистана: аспекты исследования / Д.М. Искандарова // Молодёжная политика Республики Таджикистан: язык, культура, общество: материалы Республиканской научно-практической конференции / ред. Д. М. Искандаровой. – СПб: Сциентиа, 2024. – С. 50-54.

141. Искандарова, Д.М. Языковая ситуация в Таджикистане: этноконтактные зоны / Д.М. Искандарова // Русин. Научный журнал. – 2023. – № 74. –С. 219-238

142. Казаков, А.В., Филатьева, В.Н. Способы формирования лексики молодежного сленга в социальной сети TikTok в американского варианте английского языка / А.В. Казаков, В.Н. Филатьева // Студент. Наука. Регион. – 2023. – №1. – С. 209-213.

143. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.

144. Крысин, Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX

века / Л.П. Крысин // Исследования по славянским языкам. – Сеул, 2000. – № 5. – С. 63-91.

145. Кубаева, О.В. Формирование компьютерного сленга в современном русском языке / О.В. Кубаева // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – №4. – С. 123-125.

146. Кудрявцева, Л. А., Гордиенко, В.А. Общий сленг в русском языке и критерии его выделения / Л.А. Кудрявцева, В.А. Гардиенко // Слово в словаре и дискурсе: сб. научных статей к 50- летию Харри Вальтера. – М.: Элпис, 2006. – С. 278- 285

147. Кулакова, К. В. Молодежный сленг как объект лингвистических исследований / К.В. Кулакова // Вестник современных исследований. – 2019. – № 1.6 (28). – С. 232-233.

148. Кулакова, К. В. Особенности молодежного сленга как современной разновидности речи / К.В. Кулакова // Мат. Науч. Сессии: сб. науч. раб. – Волгоград, 2018. С. 298- 303.

149. Курчакова, Н. А. Использование смайлов в современной коммуникации / Н.А. Курчакова // Устойчивое развитие науки и образования. – 2018. – № 9. – С. 202– 206.

150. Лисяк, А.Д., Фадеева, А.В. Особенности употребление сленга в СМИ англоязычных стран / А.Д. Лисяк, А.В. Фадеева // Научные междисциплинарные исследования. – 2020. – № 2-1. – С. 253-258.

151. Матюшенко, Е.Е. Заимствования как один из самых продуктивных способов образования единиц современного молодежного сленга / Е.Е. Матюшенко // Социальные варианты языка. – 2008. – №2. – С. 386.

152. Мельдианова, А.В., Богдановский Г.В. Особенности функционирования компьютерного сленга в современном английском языке / А.В. Мельдианова, Г.В. Богдановский // Litera. – 2025. – № 3. – С. 231-243.

153. Молчанова, Е.К. Неологизмы в лексике современного

таджикского языка (период независимости Республики Таджикистан / Е.К. Молчанова // Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук. – Худжанд, 2023. – 1 (94). – С. 81-86

154. Нагзибекова, М. Б. Особенности развития русского языка в Таджикистане / М.Б. Нагзибекова // Slavica helsingiensia 40. Instrumentarium of linguistics. – 2010. – С. 227.

155. Нагзибекова, М. Б. Русский язык в Таджикистане / М.Б. Нагзибекова // Slavica helsingiensia 40. Instrumentarium of linguistics. – 2008. – Т. 35. – С. 233-241.

156. Нагзибекова, М.Б. Русский язык в эпоху цифровизации / М.Б. Нагзибекова // Вестник Северо- Восточного федерального ун-та им. М.К. Аммосова. Серия Педагогика. Психология. Философия. – 2022. – №2 (26). – С.16-23.

157. Назарзода, С. С. Лексические тенденции в таджикском языке XXI века / С. С. Назарзода // Известия Академии наук РТ. — 2022. — № 2. — С. 66–71.

158. Орлов, Г.А. К проблеме границ обиходно-бытовой и современной литературной разговорной речи / Г.А. Орлов // Вопросы языкознания. – 1981. – №5. – С.37 -53.

159. Петрухина, Е.В., Дедова, О.В. Интернет как источник лингвистической информации (для изучения динамики русского словообразования / Е.В. Петрухина, О.В. Дедова // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. — 2019. — № 57. — С. 137- 159.

160. Раренко, М.Б. Сленг как признак социальной принадлежности / М.Б. Раренко // Язык и мода: сб. статей. Серия «Теория и история языкознания. – М., 2017. – С.64- 74.

161. Расторгуева, В.С. О развитии современного таджикского литературного языка / В.С. Расторгуева // Вопросы развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. – Алма-Ата, 1964. – С.252-256.

162. Рахимов, С. А. Этикет и культура таджикской речи / С.А. Рахимов // Филологические заметки. — 2005. — № 1. — С. 21–26.
163. Рахмонов, С. М. Молодёжный сленг в социальных сетях Таджикистана / С.М. Рахмонов // Central Asian Journal of Philology. — 2023. — № 2. — С. 95–102.
164. Сайфутдинова, М.Р., Ходжаева М.О. О жаргонной лексике худжандского диалекта / М.Р. Сайфутдинова, М.О. Ходжаева // Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук. — 2016. — № 2 (67). — С.92- 100
165. Самадова С.С. Адаптация заимствованных слов к фонетической и графической системе таджикского и английского языков / С.С. Самадова // Вестник Таджикского Национального университета. —2017. — №4/4. — С.143-146.
166. Семенова, Е.В. Языковая политика в современном Таджикистане (по материалам центральной таджикской прессы) / Е.В. Семенова //Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. —2024. — №5. — С.143-146.
167. Смирницкий, А.И. Значение слова /А.И. Смирницкий //Вопросы языкознания. — 1955. — №2. — С.79– 90.
168. Сорокин Ю. С. Текст: цельность, связность, эмотивность / Ю. С. Сорокин // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. — М.: Наука, 1982. — С. 61– 74.
169. Стернин, И. А. К проблеме состояния современного русского языка: кризис или развитие/ И. А. Стернин// Вестник университета / Российско- Таджикский (славянский) университет. — 2008. — №4 (22) — С. 128-131.
170. Титаренко, С.А. Регионализмы и неологизмы в современном молодежном сленге / С.А. Титаренко // Научное образование. — 2020. — №2 (7). — С. 9 – 12.
171. Ускова, А.И., Мирошниченко, Д.В. Особенности наименования

техники и вооружения в военном сленге (на материале русского и английского языков) / А.И. Ускова // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. – 2015. – №4 (18). – С. 51-53.

172. Фазылова, Ш.К., Файзуллаев, Д.Х. Речевой портрет таджикоязычного пользователя социальных сетей / Ш.К. Фазылова, Д.Х. Файзуллаев // Ломоносовские чтения: матер. X–й науч –практ. конф., посвящ. 75 – летию Победы в Великой Отечественной войне (1941- 1945). – ч. II. Гуманитарные науки. – Душанбе, 2020. – С. 102-106

173. Файзиева, Г.В. Изучение молодежного сленга: основные подходы, проблематики и направления / Г.В. Файзиева // Гуманитарные исследования – 2016 – №2 (58). – С.38–44.

174. Хамзина, А.Н. Молодежный сленг– развитие языков или его деградация? / А.М. Хамзина // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2017. – №9. – 3 (29). – С.146–149.

175. Цекова, Л.М. Сленг в лингвокультуре современной молодежи / Л.М. Цекова // Власть истории – история власти. – 2022. – № 42. – Т. 8-8. – С. 31-34.

176. Цибизова, О.В., Галанкина И.И. Англицизмы в молодежном сленге 2020– 2021 гг.: опыт описания и анализа / О.В. Цибизова, И.И.Галанкина // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. –2021. – Т.12, №3. – С.684–698.

177. Шамбезода, Х.Д. К вопросу о государственном языке и языковой политике в Республике Таджикистан / Х.Д. Шамбезода. // Социолингвистика. – 2005. – №2 (22). – С. 85 – 104.

178. Шамбезода, Х.Д. Функционирование русского языка в Республике Таджикистан: прошлое, настоящее, будущее / Х.Д. Шамбезода // Русский язык за рубежом. –2007. – №3. – С.102–106.

179. Шокиров, Т.С. Неологизм ё навкалима? //Т.С. Шокиров // Масъалаҳои забоншиносии. – Душанбе: ДДТ, 1985. – С. 132–136.
180. Шаропов, Н. А. Тенденции лексических инноваций в таджикском языке / Н.А. Шаропов // Филологические исследования. — 2018. — № 2. — С. 39–44.
181. Юрина, И. А., Бородулина, Н. Ю., Макеева, М. Н. Исследование социальных сетей в контексте лингвистики новых медиа / Н.А. Юрина, Н.Ю. Бородулина, М.Н. Макеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. № 11–2 (77). – С. 63-72.
182. Berg, P. Studies in Slang and Colloquial Speech / P. Berg // Chicago Linguistic Journal. — 1953. — Vol. 7. — P. 15–23.
183. Burke, D. Slang and Society: Modern Lexical Innovation / D. Burke // American Speech. — 2013. — Vol. 88, No. 3. — P. 245–260.
184. Green, J. Slang as Lexical Creativity / J. Green // The Modern Language Review. — 2010. — Vol. 105, No. 2. — P. 401–414.
185. Mager, N. Semantic Shift and Innovation in Contemporary English Slang. N. Mager // Journal of Sociolinguistics. — 1982. — Vol. 2. — P. 37–49.
186. Partridge, E. New Sources of Slang in the 20th Century / E. Partridge // Transactions of the Philological Society. — 1960. — Vol. 59. — P. 211–229.
187. Reifer, M. Slang and Language Change / M. Reifer // American Linguist. — 1955. — Vol. 27. — P. 102–118.
188. Yusupova, A. Lexical Borrowings in Youth Language / A. Yusupova // Journal of Language and Education. — 2018. — Vol. 4, No. 3. — P. 64–72.

Словари

189. . Английский сленг. Словарь-разговорник. Начальный уровень. Серия: Реальные самоучители иностранных языков / корр. Е.А. Вишневская. — М. : АСТ: Восток-Запад, 2008. — 221 с.
190. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. — 2-е изд., стер. — М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. — 571 с.

191. Горностаев, А. Словарь телевизионного сленга [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jordom.ru> (дата обращения: 12.10.2012).
192. Грачев, М.А. Словарь современного молодежного жаргона / М.А. Грачев. – М.: Эксмо, 2006. – 672 с.
193. Грачев, М.А. Мокиенко, В.М. Русский жаргон: историко-этимологический словарь. – М.: Аст – Пресс Книга, 2009. – 336 с.
194. Елистратов, В. С. Большой словарь русского жаргона / В.С. Елистратов. — М.: Эксмо, 2006. — 720 с.
195. Елистратов, В. С. Словарь московского арготизма / В.С. Елистратов. — М.: Русские словари, 1994. — 511 с.
196. Елистратов, В. С. Толковый словарь русского языка / В.С. Елистратов. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2005. – 670 с.
197. Калинин, А.Ю. Англо-русский и русско-английский словарь сленга/ А.Ю. Калинин. – М.: Живой язык, 2012. – 224 с.
198. Левашов, Е. А. Словарь новых слов русского языка / Е.А. Левашов. — СПб. : Наука, 1997. — 536 с.
199. Мамадназаров, А. Англо- таджикский словарь/ А. Мамадназаров. – Душанбе; Эр – граф, 2011. – 1015 с.
200. Махмудов М., Чураев Ф. Луғати шеваҳои забони тоҷикӣ./ М.Махмудов, Ф. Чураев. – Душанбе, 1997. – 288 с.
201. Мокиенко, В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона / В.М. Мокиенко, 2000. – 720 с.
202. Моченов, А.В., Никулин, С.С., Ниясов, А.Г. Савваитова, М. Д. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов / а.В. моченов, С.С. Никулин, А.Г. Ниясов, М.Д. Саввитова. – М.: Олма – Пресс, 2003. – 256 с.
203. Никитина, Т.Г. Ключевые концепты молодежной культуры. Тематический словарь сленга / Т.Г. Никитина. – СПб: Дмитрий Буланин, 2013. – 864.

204. Никитина, Т.Г. Молодежный сленг: Толковый словарь: Ок 20 000 и фразеологизмов. –М.: АСТ: Астрель, 2009. – 1102 с.
205. Никитина, Т. Г. Толковый словарь молодёжного сленга / Т.Г. Никитина. — М. : Астрель, 2003. — 448 с.
206. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 100 000 слов, терминов и выражений: / С.И. Ожегов. –М.: Мир и образование, 2015 – 1375 с.
207. Рожанский, Ф.И. Сленг хиппи. Материалы к словарю/ Ф.И. Рожанский. – М.: Изд-во Европейского дома, 1992.- 63 с.
208. Розенфельд А.З. Таджикско- русский диалектный словарь (Юго-Восточный Таджикистан) / А.З. Розенфельд. – Л.: ЛГУ, 1982. – 240 с.
209. Словарь языка интернета / под ред. М. А. Кронгауза. – М.: Изд-во «Словари XXI века», 2018. – 218 с.
210. Стеклареvская, Г.Н., Толковый словарь русского языка конца XX века, Языковые изменения / Г.Н. Стеклареvская. – СПб., 1998. – 700 с.
211. Трофимова З.С. Словарь новых слов и значений в английском языке / З. С. Трофимова. – М.: Павлин, 1993. – 304 с.
212. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ / С. Назарзода, А. Сангинов, С. Каримов, М.Х. Султон. – Душанбе, 2010. – 784.
213. Чамшедов П. Фарҳанги тоҷикӣ ва англисӣ / П. Чамшедов. – Душанбе: Пайванд, 2007. – 1202 с.
214. Чураев, Ғ., Маҳмудов, М., Қурбонов С. Луғати мунтахаби калимаҳои хоси шева / Ғ. Чураев, М. Маҳмудов, С. Қурбонов. – Душанбе: Эрг град, 2017. – 1271.
215. Чураев Ғ, Фатхуллоев С, Луғатнома ва истилоҳоти нав. – Душанбе: Ирфон, 2013. – 190 с.
216. Юганов, И., Юганова, Ф. Словарь русского сленга: Сленговые слова и выражения 60-х – 70-х годов. – М., 1997. – 304 с.
217. Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В.

Н. Ярцева. — 2-е изд., доп. — М.: Большая российская энциклопедия, 2002. — 709 с.

218. Ayto, J., Simpson, J. The Oxford Dictionary of Modern Slang / J. Ayto, J. Simpson. — Oxford, NY. : OUP, 2010. — 408 p.

219. Barnhart, C. L. The Second Barnhart Dictionary of New English / C. L. — New York: Wilson, 1980. — 520 p.

220. Barnhart, C. L. The Second Barnhart Dictionary of New English / C. L. — New York: Wilson, 1980. — 520 p.

221. Burridge, K. Blooming English / K. Burridge. Cambridge University Press, 2004. — 242 p.

222. Cassell's Dictionary of Slang. — London: Cassell, 1998. — 1280 p.

223. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. — 2nd ed. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 496 p.

224. Green, J. The Dictionary of Contemporary Slang / J. Green. — London: Routledge, 1987. — 402 p.

225. Kipfer, B. A., Chapman, R. L. Dictionary of American Slang / B. A. Kipfer, R. L. Chapman. — N.Y.: Harpercollins Publishers, 2007. — 592 p.

226. Rowson, H.A. Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk / H. A. Rowson. — New York, 2002. — 463с.

227. Taylor, A. M. Dictionary of Slang and Colloquial English / A. M. Taylor. — London: Routledge and Kegan Paul, 1948. — 276 p.

228. Thorne, T. Dictionary of Contemporary Slang / T, Thorne. — London: Bloomsbury Publishing, 2014. — 512 p.

229. Webster's New Words. — Springfield, MA: Merriam-Webster, 1983. — 412 p.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

230. Виноградова, Ю. На молодёжной тусовке [Электронный ресурс]. — URL: http://royallib.com/read/vinogradova_yuliya/na_molodegnoy_tusovke.html#0 (дата обращения: 07.10.2023).

231. Жабборов, С. Б. Сопоставительное исследование тюремно-жаргонной лексики в русском, английском и узбекском языках [Электронный ресурс] // Academics Book. — 2023. — URL: <https://academicsbook.com/index.php/konferensiya/article/view/761> (дата обращения: 25.03.2025).

232. История появления смайлика [Электронный ресурс] / Обучающие и развивающие программы. — URL: <http://uchprog.ucoz.ua/index/0-2> (дата обращения: 07.10.2023).

233. Комментарий на странице СПбГУ в социальной сети Facebook [Электронный ресурс] // Facebook : официальная страница Санкт-Петербургского государственного университета. — URL: <https://www.facebook.com/SaintPetersburgStateUniversity/photos/a.64204202592181/1499005876892454/?type=3&theater> (дата обращения: 12.11.2022).

234. Нановян, В. А. Функционирование сленга в социальных сетях [Электронный ресурс] // Язык и право : актуальные проблемы взаимодействия. — Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. — Ростов н/Д., 2012. — URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw2/nanavyan.html> (дата обращения: 12.04.2023).

235. Рожанский, Ф. И. Сленг хиппи [Электронный ресурс]. — СПб. — Париж, 1992. — URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/rozhansky-92.htm> (дата обращения: 17.04.2023).

**АНКЕТА-ОПРОСНИК ПО ИССЛЕДОВАНИЮ МОЛОДЕЖНОГО
СЛЕНГА В ТАДЖИКИСТАНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОПРОСА
СТУДЕНТОВ РТСУ)
СЛЕНГ**

1. Место рождения

1. Город
2. Село

2. Сколько вам лет?

1. 18-20
2. 21-22
3. 23-30 (для магистр и преп.)
4. 31-40
5. Больше 40

3. Используете ли Вы сленг в обиходе? Если да, то насколько часто?

1. Каждый день
2. Стараюсь не использовать
3. Использую, но крайне редко
4. Все зависит от ситуации и окружения

4. Как вы считаете, влияет ли использование сленга на мнение других людей о вас?

1. Да
2. Нет
3. Влияет, но слабо

5. Где вы чаще всего используете сленг?

1. В интернете
2. В жизни

6. Откуда в вашей речи появляются сленговые выражения?

1. Из повседневного общения с друзьями, на учебе или на улице

2. Через общение в интернете
3. Влияние членов семьи
4. Все варианты.

7. Как вы считаете, нужно ли избавляться от употребления в своей речи сленга?

1. Да, сленг сильно загрязняет речь
2. Нет, я не считаю, что использование сленга является проблемой

8. Влияет ли использование сленга на грамотность речи?

1. Да, очень сильно влияет
2. Нет, вообще не влияет
3. Частично влияет

9. К каким проблемам может привести использование сленга?

1. Неумение людей четко и красиво излагать свои мысли
2. Снижение интереса к чтению
3. Непризнание литературных норм
4. Все варианты.

10. Как Вы считаете, является ли сленг единственно правильным (верным) способом выражения мысли?

1. Да
2. Нет

11. Как Вы относитесь к тому, что употребление сленга становится нормой среди молодежи?

1. Хорошо
2. Нейтрально
3. Плохо

12. Какие сленговые слова вы чаще всего используете?

13. Назовите причины использования Вами сленговых слов

14. Какой язык Вы чаще употребляете для заимствований?

15. Назовите наиболее часто употребляемые Вами или Вашими знакомыми сленговые слова и выражения на таджикском языке и известные их аналоги на русском и английском языках.

ЯЗЫКИ		
Таджикский	Русский	Английский

Перечень наиболее распространенных таджикских сленговых слов и выражений и их толкование

№	Лексема/выражение	Основное/буквальное значение	Переносное / сленговое значение
42	кайф	кайф	удовольствие
43	хела	очень	очень сильно
44	штатной	стиляга	стильный
45	фира	обман	хитрый
46	кайфол	тусоваться	отдыхать
47	хаста набоши	не уставать	держаться
48	чкор	бездна	друг
49	душман гап	враждебное слово	злословный
50	пул чебс кардан	припрятать деньги	украсть деньги
51	фасак	шустрый	активный
52	сагерачаи худи	человек своего круга	близкий человек
53	сармо задаги	отмороженный	негодный
54	бечорашка	бедолага	бедная
55	мастона	отлично	головокружительный
56	чонка	дорогуша	драгоценная (ирон.)
57	одами бренд	человек-бренд	популярный человек
58	шапак	пустой	инфантильный
59	тезак	острый	темпераментный
60	хап	еда, пища	плодотворный
61	кайфол кардан	делать кайф	отдыхать
62	часпак	липкий	настырный
63	фира кардан	обмануть	обвести вокруг пальца
64	хайфон	жалкий	кринжовый
65	кайфдаст	довольный	кайфушник
66	девонашай	головокружительный	офигенный
67	тупояк	глупый человек	тупорылый
68	содафелак	нрав	наивный
69	бесаводак	без знаний	необразованный
70	гап	слово	тема, разговор
71	озода-позода	красиво	сногсшибательно
72	движ	движение	мероприятие
73	занчир	цепь	крутой
74	мардакбоз	гуляющая женщина	падшая
75	маладэс	молодец	молодец
76	шпан	непутевый	хулиган
77	бозорбача	базарный парень	бойкий
78	прикол кардан	шутить	прикалываться
79	катиш	с тем самым	вместе, с
80	канда шидан	устать	сдаться
81	хынык	холодный	неприятный
82	халта	мешок	друг
83	халтаи гап	мешок слов	болтун
84	хезак	быстрый	активный
85	ака	брат	братан
86	бачаи куча	уличный парень	штрих с района

87	бачаи хона	домашний парень	ботаник
88	базми	песня	вечеринка
89	базм кардан	выступить	выделяться
90	бандм кард	завязал	прекратил
91	бародар	брат, товарищ	некто
92	бас	хватит	достаточно
93	бемаза	невкусно	неактуально
94	бекорхуча	бездельник	безработный
95	девонаш	ненормальный	головокружительный
96	нофахм	стремный	непонятный
97	даханта пуш	прикрой рот	замолчи
98	дахара	уличный парень	бездомный
99	дилхун	с кровью в сердце	опечаленный
100	дилкашир	сердцу близкий	притягивающий
101	ёб	отлично	идеально
102	касофат	мерзавец	невезучий
103	кайфи	кайфовый	приятный
104	касод	пустой	никчемный
105	кайфшикан	ломающий кайф	портящий настроение
106	гапои кыхна	устаревшие слова	неактуальная тема
107	калла	голова	тупой
108	кара	тема	дело
109	лахта	тормоз	медленный
110	лош	фейк	ложь
111	леф	понты	хвостун
112	маза дод	придал вкус	очень понравилось
113	мазанок	вкусный	подходящий
114	масхура	прикол	насмешка
115	маст	пьяный	привередливый
116	мастй	пьянство	каприз
117	магз	крошка	пустоголовый
118	мағзак	крошечка	умный
119	масъала	задача, вопрос	трудность
120	мол	вещь	супер
121	нозык	нежный	капризный
122	бомба	бомба	что-то очень крутое
123	қисса	часть	тема, разговор
124	гапзан	говорящий	самый смелый
125	мефахмидаги	понимающий	человек-эмпат
126	беҳтарин	лучше всех	идеально
127	дыхтари бомба	бомбовая девушка	очень красивая девушка
128	ҳандалка	смешной	улыбчивый
129	бачаҳои беҳатар	неопасные ребята	безобидные парни
130	пешмезан	словно, будто	вроде
131	гапш болида	отвечающий	серьезный человек
132	сагераҷаи ҳиди	свой человек	близкий человек
133	ҳайф карди	зря совершил	испортил
134	гап нест	нет слов	без комментариев
135	беҳалал	безопасный	честный
136	фала	что-то непонятное	подозрительный
137	ағлаб	большинство	преобладающее количество
138	арусак	невеста, кукла	красивая девушка

139	арзонй	дешевизна	взятка, подарок
140	аспиён	лошадинный	мощный, сильный
141	бчм	более чем	интернет-сленг
142	бунбаст	тупик	безвыходная ситуация
143	бухрон	кризис	плачевная ситуация
144	гаравгон	заложник	зависимый человек
145	гаштан	гулять	встречаться
146	гиро	схватывать	влиятельный
147	чигарта бхрм	съем твою печень	очень люблю
148	когаз	бумага	деньги
149	кафонак	взрывной	веселый, озорной
150	лой	глина, грязь	деньги
151	мачнунзада	потом Меджнуна	безумно влюбленный
152	мехнатмешкинг	труд+ ing (англ. суф-фикс)	Работяга (ирон), трудолюбивый
153	мунтаҳо	предел	итог, завершение
154	мутащаннич	напряженный	конфликтный
155	об шудан	превратиться в воду	растворяться
156	пир-хар	старый осел	пожилой мужчина
157	садак	сотня	сто рублей
158	кринжай	от англ. cringe	неловко, стыдно
159	часпидан	приклеиваться	сильно привязаться
160	часпондан	приклеивать	заводить отношения
161	чимчи- гулька	некто (о девушке)	легкомысленная девушка
162	шашак-бек	-----	подхалим, прислуживающий
163	дастнорас	недоступный	элитный, дорогой
164	хор шудан	стать шипом	размениваться
165	э, вайрони?	ты, что испорченный?	ты неадекватный?
166	зур	сильный	превосходный
167	лайк кардан	от англ. like	ставить лайк
168	репост кардан	от англ. repost	поделиться
169	тег кардан	от англ. to tag	отметить
170	чек кардан	от англ. to check	проверить
171	вайрон шудан	сломаться	сильно устать
172	вом	долг	финансовый
173	ахиран	наконец	в конце концов
174	алайхи	против	оппозиция
175	муштарак	общие интересы	группа людей
176	адида	много	большое количество
177	кайф	кайф	удовольствие